

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

SLAV 800.435

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

47

Государственное отделение
И. П. Бибичной Б-ки в Л-де

ind

11/11/1914

УЧАСТІЕ

РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА И ПРАВОСЛАВНАГО

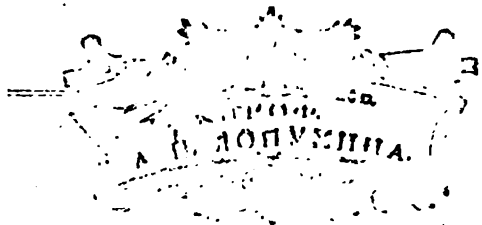
ВЪ РАЗВИТІИ

ЕДИНОВѢРІЯ И САМОУПРАВЛЕНІЯ

въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и пер-
вой половинѣ XVI вѣ.

(Исследование по памятникамъ древне-русской письменности
конца XV и первой половины XVI вв.).

Т. С. В. Г.

1914 г. № 4.

3/

52
901

SOKOL'SKII

В. Соко́льскій.

UCHASTIE RUSSKAGO DUKHOVENSTVA
V MOSKOV. GOSUDARSTVE

УЧАСТІЕ

РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА И МОНАШЕСТВА

ВЪ РАЗВИТІИ

ЕДИНОДЕРЖАВІА И САМОДЕРЖАВІА

въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и пер-
вой половинѣ XVI вв.

(Изслѣдованіе по памятникамъ древне-русской письменности
конца XV и первой половины XVI вв.).

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОТДЕЛЕНІЕ
ГОС. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кузьменко, Пушкинская ул., д. № 4.
1902.

Slav 800.435
✓

66*2

Отъ Кіевскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 1902 г. 15 Ноября. Цензоръ, священникъ *В. Тимошъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	1—III.
I. Какъ совершился въ нашей исторіи переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія. Краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и перв. полов. XVI в.в.). Русское духовенство и монашество, какъ одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ развитію новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ	1—44.
II. Участіе духовенства и монашества въ развитіи и усиленіи власти Московскихъ князей на счетъ власти прочихъ князей удѣльныхъ и въ ущербъ политической самостоятельности общинно-вѣчевыхъ народоправствъ	45—103.
III. Положеніе, права и обязанности Государей Московскихъ, какъ замѣстителей православныхъ Византійскихъ царей	104—199.
IV. Государственно-политическія воззрѣнія „Заповѣжныхъ нестяжателей“.	200—219.
Заключеніе. Политическіе взгляды Московскихъ Государей, выраженныя преимущественно въ литературно-публицистическихъ произведеніяхъ царя Грознаго. Соответствіе этихъ взглядовъ идеалу царской власти, обрисованному въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ представителей русскаго духовенства и монашества	220—229.

Какъ сословіе, пользовавшееся въ древней Руси всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ и весьма широкими общественными правами, русское духовенство по самому положенію своему не могло не быть и дѣйствительно было однимъ изъ могучихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія Московскаго единодержавія и самодержавія, смѣнившихъ собою господствовавшій дотолѣ на Руси удѣльно-вѣчевой порядокъ политической жизни. Раскрыть съ возможною полнотою и обстоятельностью — на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ, — въ чемъ именно состояло участіе представителей русской церкви въ развитіи и упроченіи на Руси указанныхъ новыхъ началъ политической жизни — *и составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.*

Эту задачу авторъ осуществляетъ въ *четырехъ отдѣлахъ* своего труда. Въ *первомъ* изъ нихъ, имѣющемъ характеръ вступительнаго, предлагается краткій обзоръ главнѣйшихъ существующихъ въ наукѣ Русской исторіи, теорій по вопросу о томъ, какъ совершился въ исторіи нашей переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія, — дается краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и перв. пол. XVI в.в.), — перечисляются, согласно указаніямъ историковъ,

различные факторы, содѣйствовавшіе развитію новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ,—и, наконецъ, соотвѣтственно специальной задачѣ труда, вниманіе останавливается на одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, именно на русскомъ духовенствѣ и монашествѣ, при чемъ обстоятельно выясняется, чѣмъ обуславливалась сила и дѣйственность этого фактора, какими побужденіями руководилось наше духовенство, оказывая содѣйствіе осуществленію политическихъ плановъ Московскихъ Государей, и въ какихъ формахъ выражало оно это свое содѣйствіе. Во *второмъ отдѣлѣ* труда раскрывается участіе духовенства и монашества въ развитіи и усиленіи власти Московскихъ князей, насколько участіе это проявилось въ обстоятельствахъ борьбы представителей великокняжеской Московской власти съ различными удѣльными князьями и съ политической самостоятельностью общинно-вѣчевыхъ народоправствъ. *Третій отдѣлъ* посвященъ главнымъ образомъ обстоятельному анализу тѣхъ, принадлежащихъ перу представителей духовенства и монашества («Иосифлянскаго направленія»), произведеній письменности, которыя содержатъ въ себѣ прямое или косвенное раскрытіе высоты положенія, правъ и обязанностей Государей Московскихъ, какъ преемниковъ сошедшихъ (послѣ паденія Константинополя) съ исторической сцены православныхъ Византійскихъ царей. Въ *четвертомъ отдѣлѣ* изслѣдованія изложены государственно-политическія воззрѣнія извѣстныхъ противниковъ «Иосифлянъ»,—такъ называемыхъ «Заволжскихъ нестяжателей», при чемъ указано и отличіе этихъ воззрѣній отъ политическихъ взглядовъ Иосифлянскаго доктрина. Въ *заключеніи* отмѣчены

политическіе взгляды самихъ Московскихъ государей, выразившіеся преимущественно въ литературно-публицистическихъ произведеніяхъ царя Грознаго, — съ цѣлю показать, насколько взгляды эти соотвѣтствовали идеалу царской власти, описанному въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ представителей русскаго духовенства и монашества.

Источники и пособія, какими пользовался авторъ при составленіи настоящаго труда, съ надлежющею точностію указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ книги.

I.

Какъ совершился въ нашей исторіи переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія. Краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и перв. полов. XVI вв.). Русское духовенство и монашество, какъ одинъ изъ факторовъ, содѣлствовавшихъ развитію новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ.

Вопросъ о томъ, какъ въ нашей исторіи совершился переходъ отъ такъ называемаго удѣльнаго періода съ родовымъ порядкомъ наслѣдованія княжеской власти къ періоду Московскаго единодержавія и потомъ самодержавія, когда прежній родовой порядокъ началъ уступать мѣсто порядку государственному,—вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ великую важность. Рѣшить этотъ вопросъ значитъ охарактеризовать одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ историческаго роста русскаго народнаго самосознанія. Естественно поэтому, что наши историки занимались этимъ вопросомъ, но, какъ почти всегда бываетъ, приходили къ различнымъ рѣшеніямъ его.

С. М. Соловьевъ, первый изъ историковъ занявшійся разработкою даннаго вопроса, въ своихъ сочиненіяхъ ¹⁾ высказалъ на этотъ разъ весьма оригинальную и остроумную теорію. По его мнѣнію, государственная исторія Россіи до XIII в. представляетъ исключительное господство родовыхъ отношеній: всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія составляетъ

¹⁾ „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ М. 1845;
„Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ М. 1847 г.;
„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ т. II, изд. 5, М. 1879.

его нераздѣльную родовую собственность. При такомъ порядкѣ не можетъ быть рѣчи о частной собственности князей, не можетъ быть понятія объ удѣлѣ. Рѣчь идетъ лишь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, и за это все споры, все междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняють ихъ. Словомъ, все междукняжескія отношенія указанного времени опредѣляются одними личными, родственными, кровными связями: все счеты происходятъ изъ-за старшинства, дающаго вышнее или низшее мѣсто въ общей родовой княжеской іерархіи и, сообразно съ этимъ, то или другое владѣніе. Эпоха, въ теченіе которой царить данный порядокъ вещей, частицею можетъ быть подраздѣлена такимъ образомъ: съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава до смерти Мстислава I—столкновенія и распри между князьями происходитъ вездѣтвѣіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Андрея Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Князь Андрей Боголюбскій полагаетъ начало новому порядку вещей. Этотъ князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный Владиміръ на Клязьмѣ, обосновался на сѣверѣ и создалъ себѣ здѣсь независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, измѣнить родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя. Примѣръ Боголюбскаго могъ оказаться и дѣйствительно оказался плодотворнымъ только въ сѣверной Руси. „Въ южной половинѣ Руси—говоритъ Соловьевъ—онъ не нашелъ подражателей: здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные князья

обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старія преданія были слишкомъ укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладалъ достаточною матеріальною силою для того, чтобы создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости; здѣсь, при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ирславова потомства за старшинство, это старшинство и столь Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, въ которой онъ былъ старшимъ...; наконецъ, утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя или, по крайней мѣрѣ, развивавшіяся, укрѣпившіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ черныхъ клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣйствительная, на которой новый порядокъ вещей могъ принятись гораздо легче, и точно привился; здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей: Всеволодъ III наследуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные пропеваютъ отъ этого Всеволода третьяго: слѣдовательно, между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открылось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны... Если-бы на югѣ какойнибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ-бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей, помѣ-

пало-бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовали ли это препятствіе на сѣверѣ? Господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгородъ,—въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружающая страна получила названіе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новыя; сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неустойчивый; эти повновостроенные города входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть“. Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ пригородамъ старшихъ, князь утвердить свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новыя города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одного Ростова, князь собралъ себѣ особый міръ горо-

довъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностію, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій посильникъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ прихѣтръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпречастственно имъ воспользоваться¹⁾. И потомки эти имъ дѣйствительно воспользовались: они дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, нормировавшія прежде между княжескія отношенія. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно Московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Результатомъ этого явилось отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданическое служебное отношеніе къ Московскому; наконецъ, независимые князья совсѣмъ пещезли въ Россіи, и она обратилась въ Московское государство, окончательно основанное на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка Іоанномъ III-мъ и IV-мъ.

Таковъ взглядъ по разбираемому вопросу историка Соловьева. Сущность этого взгляда, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что пока вся земля была во владѣніи всѣхъ князей извѣстнаго княжескаго рода, у отдѣльнаго князя не было точки опоры для борьбы съ своими родичами и побѣды надъ ними. Но вотъ на сѣверѣ князья строятъ новые города и, имѣя ихъ своею собственностію, получаютъ въ то же время твердую опору для своихъ властныхъ притязаній. Такъ начинается новый государственный порядокъ.

¹⁾ „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ изд. 5, т. II, стр. 230—234.

Остроумная гипотеза Соловьева о старых и новых городах встрѣтила сильное возраженіе со стороны К. Д. Кавелина. „Гипотеза о различіи старых и новых городов—говоритъ Кавелинъ—не пуща и весьма неправдоподобна. Дѣйствительно-ли различались новые города отъ старыхъ?... Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во-первыхъ, въ устройствѣ старых и новых городов мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей—это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старых городов, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новых городов, построенныхъ князьями, и въ сѣверо-восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городов древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городов... Исторія нашихъ городов въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь—они отдаются ему „на всей его волѣ“, конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь на лицо—городъ исполняетъ его волю, нѣтъ—тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья—города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія; усилились они—города опять замолкли. А когда утвер-

дилось московское единовластіе, достаточно было стать, чтобы сравнить какойнибудь Новгородъ со всеми другими городами,—Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помину о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго покоренія, которыя изобрѣтены уже въ повѣйшее время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ-ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были созданы и усвоены и только въ отсутствіе или при слабости князей представляли свое существованіе. Стало быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось пожитіе объ отдѣльной княжеской собственности ¹⁾).

Какую-же теорію на данныйъ разъ предлагаетъ самъ Кавелинъ?

По его словамъ, «никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не произошло; отсюда а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта... Исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осядлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, стариниствомъ. Внѣслѣдствіи они начинаютъ осядаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, кня-

¹⁾ «Собраніе сочин. К. Д. Кавелина, т. I. СПб. 1897 г., стр. 287—289.

жескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областію или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе: стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно безосновательно, наконецъ, укрѣпилась и созрѣла, территоріальныя, владѣльческія интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то-есть, по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало-по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческія интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился во множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей—собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощію разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его пріемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой неподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а такъ сказать, громадностію факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII в. Московское царство дѣйстви-

тельно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова»¹⁾.

Взглядъ Кавелина въ свою очередь встрѣтилъ въское возраженіе со стороны Соловьева. Послѣдній замѣчаетъ, что указанный Кавелинымъ процессъ «изнашиванія» родового начала невозможенъ, что процессъ этотъ долженъ вести къ слѣдствіямъ, какъ разъ противоположнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда территория меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что общирная территория и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи²⁾. Кавелинъ какъ будто опустилъ изъ виду, что съ раздѣленіемъ родовой единицы отдѣльныя вѣтви ея могли сохранить у себя то понятіе, какое хранилось въ цѣломъ, и это тѣмъ удобнѣе, что, съ разложеніемъ рода, родовой счетъ вести было легче.

Тогда такъ Соловьевъ и Кавелинъ, при рѣшеніи вопроса о переходѣ удѣльнаго родового начала въ начало государственное, поставляютъ на видъ внутренней органической ходъ событій русской исторіи, не привнося при этомъ сюда никакихъ внѣшнихъ положительныхъ факторовъ, проф. Д. И. Самоквасовъ, при рѣшеніи того же вопроса, выдвигаетъ на первый планъ именно факторъ внѣшній, и въ немъ видитъ главный ключъ къ объясненію даннаго явленія. Такимъ факторомъ является у него завоеваніе Руси монголами.

По взгляду Самоквасова, со времени Ярослава Владиміровича всѣ области его державы (за исключеніемъ Новгородской земли, образовавшей изъ себя народо-

¹⁾ „Собран. сочинен., т. I, стр. 235—237; см. также его „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ Ibid. стр. 6—66.

²⁾ См. полемику Соловьева съ Кавелинымъ по данному вопросу въ прилож. ко II т. „Истор. Росс. съ древнѣйш. врем.“, стр. 461—462.

правство—республику, въ которой власть князя принималась только по волѣ народа) получаютъ значеніе родового владѣнія, наследуемаго по закону, измѣнить который сонаследники не имѣли права. Этотъ законъ состоялъ въ наследованіи государственной власти по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, т. е. старшимъ по степени, по линіи и по рожденію. До Всеволода Ольговича законное преемство великокняжеской власти опредѣляется исключительно родовымъ старшинствомъ.

Со времени Всеволода Ольговича до завоеванія Руси монголами наследованіе по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, сохраняетъ значеніе законнаго порядка преемства великокняжеской власти; но споры между размножившимися потомками Ярослава за родовое старшинство и удѣлы въ родовомъ владѣніи выдвигаютъ волю народа, какъ силу, дающую преобладаніе одному претенденту надъ другимъ. Въ этомъ періодѣ законный порядокъ преемства государственной власти иногда нарушается, подъ вліяніемъ народной воли, склонившейся на сторону князей, не имѣвшихъ за собою родового старшинства.

Завоеваніе Руси монголами, по Самоквасову, произвело рѣшительный переворотъ въ отношеніяхъ политическихъ силъ древней Руси. Это событіе превратило самостоятельныя удѣльныя государства въ части одного ханскаго улуса, подвластнаго волѣ хана, ярлыки котораго имѣли значеніе общихъ законовъ, обязательныхъ одинаково для всѣхъ русскихъ князей, для всѣхъ удѣльныхъ государствъ. Удѣлы русскихъ князей теряютъ характеръ родового владѣнія и получаютъ значеніе поземельной собственности, получаемой отъ хана—завоевателя. Власть русскихъ князей, потерявъ самостоятельность по отношенію къ завоевателю, усилилась въ русской землѣ по отношенію къ русскому народу. Получивъ ярлыкъ въ ордѣ, русскій князь возвращался на родину полнымъ господиномъ своего удѣла, господство-

валъ надъ нимъ именемъ верховнаго царя, какъ неограниченной власти надъ русскою землею. Подъ владычествомъ орды, борьба между русскими князьями получаетъ новый смыслъ по ея цѣли и новый характеръ по ея средствамъ. Цѣль борьбы составляетъ не родовое старшинство, потерявшее прежній смыслъ, а расширение поземельныхъ владѣній. Средства борьбы определяются не княжескими дружинами, а ханскою милостію. Родовое право князей является ничтожнымъ при столкновеніи съ выгодами завоевателя; значеніе старѣйшаго и сильѣйшаго князя получаютъ тотъ изъ претендентовъ, за которымъ стоитъ сила орды.

За періодъ времени отъ завоеванія Руси монголами до времени Московскаго князя Юрія Даниловича законный порядокъ преемства великокняжеской власти въ русской землѣ, ставшей собственностію князя, состоитъ, какъ и прежде, въ наследованіи по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, а въ спорахъ князей за родовое старшинство и размѣры удѣловъ въ родовомъ владѣніи волю русскаго народа замѣняетъ судъ орды. Со времени Юрія Даниловича, по волѣ орды, родовой порядокъ преемства великокняжеской власти нарушается въ пользу рода Московскихъ князей, обратившихъ великое княженіе въ свою отчину не по родовому праву и передавшихъ въ своемъ родѣ государственную власть по завѣщанію въ новомъ, исходящемъ порядкѣ¹⁾.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ ряду обстоятельствъ, благодаря которымъ развивался на Руси, начиная съ XIII в., новый порядокъ вещей, были и монгольскія отношенія, но нельзя и утверждать за монгольскимъ влияніемъ такого рѣшительнаго въ нашей исторіи значенія, какое признаетъ за нимъ проф. Самоквасовъ, приписавшій монголамъ самое сильное, почти исклю-

¹⁾ См. „Главнѣйшіе моменты въ государ. развитіи древней Руси и происхожд. Московск. государства“. Варшава 1886 г., стр. 65—66 (въ первой статьѣ) и стр. 1, 30—31 (во второй).

чительное, вліяніе на пропехожденіе данныхъ явленій нашей исторіи.

Историкъ Бестужевъ—Рюминъ въ первомъ томѣ своей «Русской Исторіи», послѣ изложенія и оцѣнки взглядовъ на государственный бытъ древней Руси С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Н. П. Костомарова (теорія господства въ древней Руси федеративнаго начала) и В. П. Сергѣевича (теорія господства договорнаго начала или теорія договоровъ), дѣлаетъ также заключеніе: изъ всего сказаннаго ясно, что мы недовольны ни одной изъ теорій, взывшихся объясненью государственнаго бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что нестрога событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодействіемъ многихъ началъ, какъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ величайшихъ историковъ XIX в. Гизо, и бываетъ всегда въ создающихся обществахъ¹⁾. Какія именно эти многія начала, Бестужевъ-Рюминъ не указываетъ, и такимъ образомъ уклоняется отъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ.

Не вѣришь-ли, кажется, будетъ приступить къ рѣшенію даннаго вопроса вотъ съ какой стороны. Разложеніе родового начала могло совершиться подъ дѣйствіемъ начала противоположнаго, т. е. начала личнаго. При господствѣ родового порядка наследованія княжескихъ столовъ, члены рода представляли изъ себя какъ бы одну вытянувшуюся въ длину линію, и у князя, стоящаго позади, не было законной возможности выдвинуться впередъ по этой линіи. Но предположимъ, что нашлась въ этой линіи такая выдающаяся талантливая личность, которая не мирится съ даннымъ порядкомъ, старается выйти изъ своего подавленнаго состоянія; ей нужно только встрѣтить благоприятный для себя случай, и личность, пользуясь этимъ случаемъ, нарушаетъ давящій ея свободу порядокъ. Такъ оно бывало и въ са-

¹⁾ Русск. Исторія т. I, СПб. 1872 г., стр. 162.

мой дѣйствительности. Исторія представляетъ намъ неоднократно примѣры подобнаго нарушенія господствующаго порядка во имя личности. Первый такой примѣръ она указываетъ въ лицѣ славнаго Владимира Мономаха, бывшаго, безспорно, однимъ изъ лучшихъ князей древней Руси. По свидѣтельству лѣтописей, названный сейчасъ князь занялъ столъ Кіевскій, обойди старшинство племени Святославова, и сдѣлать это по приглашенію и просьбѣ Кіевлянъ, отдавшихъ справедливое предпочтеніе доблестному Мономаху предъ Черниговскими князьями Святославичами ¹⁾. Такимъ образомъ, послѣ перваго-же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вѣдѣствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова. Въ фактъ избранія Мономаха вступило на сцену земское начало, и это начало во имя личности нарушило родовое право. По смерти Мономаха, старшее племя Святославова опять было устранено отъ стола Кіевского: на столъ этотъ сѣлъ старшій сынъ Мономаха Мстиславъ ²⁾. Въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына, обезпечивавшихъ ему народное расположеніе, была вѣрная гарантія не страшился соперниковъ ³⁾. Въ княженіе Мстислава произошла распря между Черниговскими князьями, гдѣ Всеволодъ Ольговичъ не по праву занялъ Черниговскій столъ, устранивъ дядю своего Ярослава Святославича. Соперники обратились за помощію къ великому князю (Мстиславу) и послѣдній думалъ встать ратью на Всеволода въ защиту родовыхъ правъ Ярослава. Но по приговору духовнаго собора, на судъ котораго передано было дѣло и на рѣшеніе котораго можно смотрѣть,

¹⁾ Кіевляне „сыиѣ створивше“, два раза послали къ Владимиру съ приглашеніемъ занять Кіевскій столъ. Послѣ втораго посылства „Володимиръ поиде въ Кіевъ“. Полн. собр. лѣт. т. II, стр. 4.

²⁾ См. Полн. собр. лѣт. т. I, стр. 129; т. II, стр. 10; т. IX, стр. 153.

³⁾ Недаромъ лѣтописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ князь еще „мѣтъ силъ“ одолѣлъ дядю своего Олега Святославича. Полн. собр. лѣт. т. IX, стр. 153.

какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди¹⁾. Личное начало, вспомошествоваемое земскимъ, такимъ образомъ опять торжествуетъ.

Въ исторіи дальнѣйшаго развитія этого новаго порядка княженіе Андрея Юрьевича Боголюбскаго по справедливости можетъ быть названо эпохой. Андрей первый изъ русскихъ князей энергически проводилъ въ своемъ лицѣ типъ князя—„самовластца“, стремившагося прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить отношеніями новыми, подручными или подданныческими. „Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви, заявлялъ Андрею недовольный его образомъ дѣйствій одинъ изъ южныхъ князей—Ростиславичей (именно Мстиславъ), аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку, а что умисилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за веѣмъ“²⁾. Дѣйствуя во имя новыхъ стремленій, Андрей не терпѣлъ родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ, и старшихъ князей, и желая быть единоправнымъ, не даетъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгоняетъ ихъ изъ своихъ владѣній; вмѣстѣ съ ними изгоняетъ онъ изъ своего княжества и старыхъ бояръ отца своего³⁾. Онъ хочетъ, такимъ образомъ, самъ—одинъ держать все области своего княжества, только при помощи нѣкоторыхъ новыхъ приближенныхъ къ нему людей. Но и эти люди не потеряли деспотизма сѣвернаго „самовластца“—и онъ палъ отъ ихъ руки.

Личное начало, нанесшее при Андрѣ Боголюбскомъ столь сильный ударъ началу родовому, было выдвинуто, какъ мы видѣли, самою землею. Въ землѣ нужно было искать поддержки и для дальнѣйшаго развитія этого по-

¹⁾ Полн. собр. зѣт. т. I, стр. 130; II, стр. 10—11, IX, стр. 154.

²⁾ Ibid. т. II стр. 109.

³⁾ Полн. собр. зѣт. т. IX, стр. 221.

ваго начала. Но чтобы поддержка со стороны земской силы была вѣрна и постоянна, нужно было освободиться отъ той неустойчивости и случайности, какія присущи были дѣйствіямъ названной силы. Для достиженія этого лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ явилось пріобрѣтеніе собственности. А гдѣ-же легче и удобнѣе можно было это сдѣлать, какъ не на сѣверѣ, вдали отъ Кіева, тамъ, гдѣ родовое начало было слабо развито и гдѣ, слѣдовательно, привязанность къ государственному порядку могла скорѣе привиться и возрасти? Андрей Юрьевичъ Боголюбскій лучше всѣхъ созналъ эту потребность земельной собственности. Оставивъ Кіевъ—этотъ старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старѣйшинство между братьями и около котораго толпились спорившіе за это старшинство князья—родичи,—Андрей удалился на любимый имъ сѣверъ, въ свою наследственную Ростовско-Суздальскую область, и здѣсь утвердилъ свое мѣстопробываніе во Владимірѣ и Боголюбовѣ, гдѣ чувствовалъ себя княземъ—собственникомъ, хозяиномъ—владѣльцемъ, имѣющимъ право располагать своимъ владѣніемъ. Опираясь на силу собственной личности князя—собственности, съ одной стороны, на преданность и покорность окружающаго населенія—съ другой ¹⁾, Андрей принялъ на сѣверѣ характеръ правителя—„самодержца“ ²⁾. Данный имъ примѣръ нашелъ ревностныхъ подражателей въ лицѣ его потомковъ, и этимъ примѣромъ они воспользовались съ полнымъ успѣхомъ.

Итакъ, личное и земско-территориальное начало—вотъ общія условія, подъ дѣйствіемъ которыхъ разложился удѣльный родовой порядокъ и перешелъ въ Московско-государственный. Имѣли при этомъ свою долю значенія и нѣкоторыя другія обстоятельства, въ томъ числѣ и монгольскія отношенія, что мы и отмѣтимъ ни-

¹⁾ Полн. собр. лѣтоп. т. IX, стр. 219.

²⁾ Ibid., стр. 210.

же, въ рѣчи о причинахъ возвышенія Москвы на степені, всероссійской столицы, а ея князей на степені государей всея Руси.

Новый порядокъ политическихъ отношеній, столь замѣтно проявившійся въ сѣверной Руси въ княженіе Андрея Боголюбскаго, еще замѣтнѣе и яснѣе начинается выступать здѣсь со времени возвышенія и усиленія въ первой половинѣ XIV в. Москвы, или со времени извѣстныхъ князей—братьевъ Даниловичей—этихъ, какъ ихъ называютъ, первоначальниковъ собиранія русскихъ земель подъ Московскимъ главенствомъ. Въ Москвѣ,—„городкѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ, дотошѣ незначительномъ, рѣдко упоминаемомъ въ лѣтописяхъ, бывшемъ удѣломъ младшихъ и потому наименѣе сильныхъ князей“¹⁾),—постепенно устанавливается государственнѣйшій центръ, къ которому тяготитъ сѣверо-восточная Русь; Москва пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе среди другихъ русскихъ земель и городовъ и принимаетъ на себя дѣло государственнаго единства и національной независимости. Начинается періодъ постепеннаго сосредоточенія и укрѣпленія верховной государственной власти въ рукахъ великихъ Московскихъ князей, при чемъ великокняжеское званіе утверждается въ одной княжеской линіи и наследованіе этого званія подчиняется не старымъ родовымъ началамъ, не древнеславянскимъ понятіямъ о естественномъ старшинствѣ дяди надъ племянникомъ, а началу новому: утверждается порядокъ престолонаследія по прямой нисходящей линіи²⁾. Съ образованіемъ въ Москвѣ прочнаго государ-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ. „Русск. Ист.“. Т. I. СПб. 1872 г., стр. 387.

²⁾ Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ въ первый разъ ясно выражено новое начало старшинства: старшинство сына умиравшаго князя надъ его братомъ, господство племянника надъ дядею. Здѣсь сказано: „быти ны за одинъ, и имѣти ему мене отцомъ, а сына моего князя Василія братомъ старѣйшимъ“... См. Собр. Госуд. грам. и договоровъ, т. I, № 33, стр. 55. Государственная идея, намѣченная Дмитріемъ Донскимъ, развитая, узаконена и проведена въ жизнь въ договорахъ, завѣщаніи и другихъ распоряженіяхъ Іоанна III

ественнаго средоточія, удѣльно-родовой порядокъ политической жизни все болѣе и болѣе сходитъ съ исторической сцены: территориально и политически раздробленная русская земля собирается въ одно цѣлое подъ единою верховною властію великаго князя Московскаго. Вотчина Московскихъ Даниловичей все болѣе и болѣе расширяется во все стороны и превращается въ государство Московское и всея Руси. Возникаетъ въ собственномъ смыслѣ Московское единодержавіе, рядомъ съ которымъ развивается и Московское самодержавіе.

Такъ—какъ замѣна стараго новымъ нигдѣ и никогда не обходится безъ борьбы (исключенія въ этомъ отношеніи весьма рѣдки), то, естественно, неизбежна была борьба эта и въ данномъ случаѣ. Добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ не могло быть. Выступившему въ лицѣ посягателей великокняжеской Московской власти новому порядку политической жизни, естественно, пришлось пережить много и часто опасныя столкновенія съ порядкомъ старымъ, представители котораго не замедлили давать отпоръ враждебной новизнѣ. Но трудно уже было исполнить оживить исчезнувшую старину, исчезнувшія политическія отношенія. Хода общественной жизни остановить было нельзя: новый порядокъ вещей, находившій для себя могучую поддержку въ самомъ общественномъ сознаніи, всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ и съ успѣхомъ дви-

Васильевича. Но мысли послѣднего, исходящія родственники государя устранили отъ наслѣдованія государственной власти всѣхъ его боковыхъ родственниковъ, а между членами семейства государя наслѣдника престола указывала воля его предшественника. И этому, назначенному волею государя, наслѣднику должны были безусловно повиноваться, называясь со всѣми другими подданными, всѣ члены княжескаго рода, какъ близкіе, такъ и дальніе. Собр. Госуд. грам. и догов. Т. I, №№ 123—126 (договоры Іоанна III съ братьями Андреемъ Угличскимъ и Борисомъ Волоцкимъ), № 133, 134 (договоръ сына и наслѣдника, Іоанна, Василія съ братомъ Юріемъ, заключенный при жизни и по приказанію отца), № 144 (дух. грамота Іоанна Васильевича), см. Акты Запад. Россіи т. I, № 192 (паказанія речіи послажа Іоанна къ Литовскому правительству).

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОТДЕЛЕНІЕ.
ГОС. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

гался по пути своего дальнѣйшаго развитія. Вспыхнувшая при Василіи Темномъ Шемякинская смута, грозившая испровергнуть довольно уже прочно къ тому времени сложившійся Московскій государственный порядокъ, явилась, можно сказать, послѣднимъ сильнымъ возбужденіемъ мятежнаго духа древне-русскихъ уособицъ, пронешедшихъ какъ будто для того, чтобы сказать свою послѣднюю предсмертную рѣчь о полной несостоятельности старозавѣтныхъ началъ жизни. Старое зданіе удѣльно-родовыхъ отношеній оказалось въ своихъ основаніяхъ распатаннымъ, и нужны были послѣдніе и при томъ немногіе удары, чтобы оно окончательно и безвозвратно рушилось. Это и совершается во взятую нами эпоху русской исторіи.

Конецъ XV и первая половина XVI в.в. были временемъ, когда, можно сказать, приведено было къ окончанію дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси въ одну „Московскую державу“ подъ единою самодержавною властію великихъ Московскихъ князей—государей,—были временемъ, когда въ Московской Руси исчезли послѣдніе удѣльные ручьи и новый государственно-политическій порядокъ прочно установленъ былъ по всеѣмъ сѣверно-русскимъ областямъ. Единодержавный строй политической жизни, съ неограниченною властію государя, подавляя собою послѣдніе остатки удѣльно-вѣчевого быта, хотя уже и парализованные, но все еще существовавшіе, достигаетъ за это время широкаго развитія и сильнаго могущества. Московскіе государи—единовластители, съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою избирательностію въ снособахъ дѣйствія сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ разбитую на части русскую землю, ясно сознаютъ теперь высоту своего положенія и ревниво оберегаютъ свои, вѣковыми усиленіями пріобрѣтенныя, права. Гордые потомки древнихъ самостоятельныхъ князей и сами недавно бывшіе независимыми князьями-владѣльцами, а равно потомки старыхъ дружинниковъ (удѣльныхъ бояръ), которые были

необходимыми и дѣтельными участниками политическихъ думъ и предпріятій своего князя, и считали себя въ правѣ говорить послѣднему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ: мы того не вѣдали“¹⁾, и тѣ, и другіе должны были преклониться предъ быстро возрастающимъ значеніемъ Московскихъ единовластителей, съ болью въ сердцѣ должны были поникнуть предъ ихъ могучей силой, предъ ихъ державнымъ достоинствомъ, которое уже не считало нужнымъ сообразовать свои дѣйствія съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Порядки удѣльной старшины отходили для нихъ въ область несбыточныхъ мечтаній, дѣлались анахронизмами, а при повныхъ (*volens-nolens*) приходилось имъ принимать на себя роль, какую угодно было назначить Московскому повелителю, приходилось занять положеніе его „холоповъ“²⁾, сдѣлаться его служилыми людьми, и вѣсть стать рядомъ въ распоряженіи одной власти, подъ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка. Князѣ Московскіи могъ теперь говорить своимъ боярамъ: „мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре“³⁾, или: „пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси“⁴⁾. Младшіе братья государи строго обязываются „держать старшаго своимъ господиномъ честно и грозно“⁵⁾: они становятся въ положеніе не болѣе, какъ богатыхъ владѣльцевъ, такихъ-же подданныхъ, какъ прочіе князья и бояре; государь-самодержецъ всегда имѣлъ возможность подъ всякимъ предлогомъ лишить ихъ вотчинъ и земель. Такъ называемое право свободнаго отъѣзда, право вольнаго

¹⁾ Полн. собр. лѣтоп. т. II, стр. 97 и др. лѣтописныя мѣста въ этомъ родѣ.

²⁾ См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I, стр. 1603; кн. II, стр. 9.

³⁾ Слово Василія III. См. Ключевскаго „Боярская дума древней Руси“. М. 1882 г., стр. 185.

⁴⁾ См. отрывокъ сѣдѣств. дѣла о Иванѣ Берсентѣ и Феодорѣ Жареномъ... въ Актахъ Арх. Экспеди. т. I. № 172, стр. 143.

⁵⁾ См. договоръ Іоанна Васильевича III съ братомъ Юріемъ въ Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 133, 134.

слуги-боярина выбирать себѣ мѣстомъ службы любой изъ княжескихъ дворовъ, встрѣчаетъ за описываемое время настоячивыя попытки къ его ограниченію, и фактическое пользованіе имъ, въ виду предпринимавшихся на этотъ разъ политическихъ мѣръ со стороны Московскихъ властителей, становится настолько затруднительнымъ, что невольно приходилось отказываться отъ такого пользованія. „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ,—жаловался на Іоанна III одинъ изъ его братьевъ другому (Борисъ Волоцкій Андрею Угличскому),—нельзя уже никому отѣхать къ намъ!.. Кто отѣдетъ отъ него къ намъ, того беретъ, безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ,... забыть и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской“¹⁾. Власть князей и бояръ склонялась такимъ образомъ къ окончательному упадку, а параллельно этому единая самодержавная власть главы окончательно объединившагося Московскаго государства достигала все большей и большей силы и крѣпости.

Рядомъ съ внѣшне-политическимъ объединеніемъ русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы и ея великихъ князей-государей, усильно совершалось въ описываемое время и объединеніе ихъ въ сферѣ религіозно-нравственныхъ интересовъ.

Для Москвы, становившейся, вмѣстѣ съ объединеніемъ Руси въ одно политическое цѣлое и съ централизацией государственной власти въ лицѣ ея великихъ князей, общерусскимъ центромъ въ государственно-политическомъ отношеніи, важно было сдѣлаться такимъ же центромъ и въ отношеніи религіозно-церковномъ. Дѣлю объединенія различныхъ русскихъ областей подъ ея главенствомъ являлось-бы болѣе твердымъ и несокрушимымъ, если-бы параллельно внѣшне-политической централизациі шла и создавалась централизациі внутрен-

¹⁾ См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I стр. 139; Полн. собр. лѣт. т. VI, стр. 222. О строгихъ мѣрахъ противъ отѣздовъ при Василии Іоанновичѣ III см. у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.“ кн. I, стр. 1670—1671.

няя, если-бы со связью внѣшнею полагалась и усиливалась связь внутренняя, единеніе на началахъ религіозно-правственныхъ въ видѣ тождества религіозныхъ убѣжденій, единства богослуженія, правовъ, обычаевъ... Въ виду этого, уничтоживъ внѣшне-политическую особность различныхъ русскихъ областей, Москва должна была сгладить еще особность характера церковно-религіознаго, очень часто въ своемъ основаніи имѣвшую мотивы чисто политическіе,—должна была соединить въ себѣ все, что было святого и священнаго въ каждой отдѣльной области и сдѣлать это общецерковнымъ достояніемъ.

И вотъ какъ-бы въ отвѣтъ на эту потребность—внѣшне-политическое объединеніе Руси довершить и закрѣпить объединеніемъ внутреннимъ, въ царствованіе Василія III и Іоанна IV развивается широкая собирательная дѣятельность церкви. И въ этой церковно-собирательной дѣятельности самая видная роль по справедливости должна быть приписана знаменитому Макарію, который въ данномъ отношеніи вводитъ заслуживаетъ названіе „собирателя церкви“ въ параллель Московскимъ князьямъ—„собирателямъ Руси“.

Первымъ крупнымъ проявленіемъ собирательной церковной дѣятельности, начавшейся по инициативѣ названнаго іерарха русской церкви и совершавшейся при его главномъ участіи и подъ его главнымъ вліяніемъ, служатъ знаменитыя такъ называемыя „Макарьевскія Четы-Мисси“, или: „Собраніе всѣхъ книгъ чтomyхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“,—„Собраніе“, лучшіе и полнѣйшіе списки котораго пожертвованы были собирателемъ—іерархомъ въ Москву: одинъ—Государю, а другой—въ Успенскій соборъ¹⁾. Этотъ многолѣтній собирательный трудъ, совершенный стараніями Макарія въ Новгородѣ, восполненный и нѣсколько видоизмѣнен-

¹⁾ См. „Ист. русск. церкви“ Просв. Макарія, т. VII, СПб. 1874 г., стр. 428.

ный имъ потомъ въ Москвѣ, „представляетъ—по словамъ проф. Ключевского—такую-же попытку централизации въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547—1549 г.г. въ области русскыхъ церковно-историческихъ воспоминаній“¹⁾). Понятно, съ какой идеей могло, между прочимъ, связываться составленіе обширнаго сборника всей русской церковной письменности. Желаніе поставить Москву въ положеніе церковно-учительнаго центра занимало, конечно, не послѣднее мѣсто въ ряду побужденій къ подобному предпріятію. Что въ данномъ отношеніи являлось мѣстнымъ, то теперь, благодаря указанному труду, приводилось во всеобщую извѣстность и присовокуплялось къ общей сокровищницѣ національнаго благочестія, центромъ котораго являлся царствующій градъ Москва.

✕ Но составленіе „Четьи-Миней“ было только, такъ сказать, прологомъ къ болѣе значительному предпріятію въ дѣлѣ начавшейся церковной централизации, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ въ русской церкви. Разумѣемъ совершенную при Макаріи на соборахъ 1547—1549 г.г. канонизацію русскихъ святыхъ. Это событіе было дѣйствительно однимъ изъ самыхъ крупныхъ проявленій централизации, развивавшейся въ русской церкви объ руку съ государственной,—было „новымъ фактомъ церковно-политическаго объединенія, съ которымъ возвышался авторитетъ Московской церковной и государственной власти“²⁾).

✕ Чтобы понять всю церковно-политическую значеніе этого церковнаго предпріятія, нужно вспомнить, какими характерными свойствами, и часто съ отбѣнкомъ политическимъ, запечатлѣно было и какими своеобразными обстоятельствами сопровождалось одно лишь мѣст-

¹⁾ „Древнерусскія житія св., какъ историч. источникъ“. М. 1871 г., стр. 229.

²⁾ А. Н. Пыпинъ „Ист. русск. литературы“, т. II, СПб. 1898 г., стр. 193.

ное почитаніе святыхъ. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе осязательно проявлялись стремленія Москвы усилиться на счетъ другихъ русскихъ областей, объединить ихъ подъ своимъ главенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, сгладить и уничтожить мѣстныя историческія преданія, нарушавшія связь ихъ съ новою столицей русскаго государства, каждая мѣстность этого государства, заботившаяся о сохраненіи своей самобытности, естественно должна была дорожить своими преданіями и отстаивать ихъ. Руководимая этимъ желаніемъ, она старалась свои мѣстныя историческія преданія связать съ мѣстною святиною, послѣднюю освятить первыя и такимъ образомъ показать свое значеніе и силу. „При политическомъ раздѣленіи, которое сопровождалось перѣдко прямою враждою земель, церковная святина извѣстной земли, благочестивый подвижникъ, получившій признаніе святости, оставался мѣстною принадлежностію этой земли. Ихъ священный авторитетъ былъ приближенъ въ благочестивой жизни, въ самой военной защитѣ земли и въ удѣльныхъ раздорахъ: мѣстныя святины и святые были патронами своей земли“¹⁾. Въ жизнеописаніяхъ святыхъ перѣдко разсказывается, съ какою охотою исполняютъ просьбы извѣстнаго святого, возмѣвшаго намѣреніе поселиться въ какомъ нибудь глухомъ мѣстечкѣ и построить здѣсь монастырь, мѣстный удѣльный князь, радуясь, „яко близъ его державства хочетъ Богъ обитель воздвигнути“²⁾. Недаромъ и „Господинъ великій Новгородъ“, чувствуя близость грозы со стороны властолюбивой Москвы и сознавая слабость своего жизненнаго пульса, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софію и другія мѣстныя святины, вызывая изъ нихъ преданія старины. Открытіе архіепископомъ

¹⁾ Ibid., стр. 194 и слѣд.

²⁾ См. напр. Житіе Димитрія Глушицкаго въ рукоп. сборн. Изв. Дух. Акад. подъ знакомъ Аа 154, л. 33 и об., л. 45. Житіе преп. Іосифа Волоцкаго, написанн. Саввою Чернымъ, изданн. П. воструевымъ, стр. 20.

Евонміемъ въ 1439 г. мощей владыки Іоанша, вмѣстѣ съ установленіемъ панихиды 4-го октября всѣмъ „княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божіи, и ихъ еродникомъ, и архіепископомъ Великаго Новгорода“¹⁾, должны были сильно содѣйствовать оживленію мѣстныхъ преданій. Объ архіепископѣ Евонміи извѣстно также, что онъ предпринималъ попытку собрать всѣ древнія преданія о Новгородской святинѣ, записать ихъ и предать въ назиданіе народу. Этотъ патріотическій подвигъ Новгородскаго владыки выступаетъ—по словамъ г. Буслая—„въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, если возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новгороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго. Это духовное ополченіе, окруженное ореоломъ святости, какъ нельзя болѣе во время вызвано было изъ старыхъ преданій и какъ бы пущено на встрѣчу притязаніямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями“²⁾. Стремленіемъ заявить свою обособленность и индивидуальность чрезъ мѣстную святиню объясняется и то перѣдкое въ тѣ времена явленіе, что святой, почитаемый въ одной области, не почитался въ другой,—и въ этомъ случаѣ непочтеніе къ чуждому святому часто носило политическій оттѣнокъ. Свободолюбивый Новгородъ почти до самыхъ послѣднихъ годовъ своей политической независимости не хотѣлъ чествовать пренеподобнаго Сергія, особенно почитавшагося въ Москвѣ, именно какъ „покровителя Московскаго государства“³⁾. И Москва съ своей стороны какъ будто нарочито иногда стремилась даже унижить

¹⁾ Житіе архіеп. Новгор. Іоанша въ рукоп. сборн. той же акад. Аа 118, л. 24 об. и л. 25; житіе архіеп. Евонміа, *ibid.*, л. 37 об.

²⁾ „Лѣтописи русск. литерат. и древн.“ кн. VI, стр. 72, 77—79.

³⁾ Этого св. патрона Москвы въ Новгородѣ стали почитать лишь при Василии Темномъ. Архіепископъ Новгор. Іона, отправившись въ Москву, чтобы заступиться предъ названнымъ велик. княземъ за свободу своего родного города, далъ обѣтъ выстроить въ Новгородѣ первый храмъ

Новгородскую святыню. Яснимъ отраженіемъ этого стремленія служить извѣстный разсказъ объ Іоаниѣ III Васильевичѣ, который, желая показать свою царственную власть надъ святаѣмъ покровителемъ Новгорода, прендоб. Варлаамомъ Хутынескимъ, какъ и надъ самимъ Новгородомъ, съ яростію приказалъ расконать при себѣ могилу чудотворца, за что и получилъ чудесное вразумленіе¹⁾. А писатель житія Новгородскаго владыки Моисея разсказываетъ о первомъ Новгородскомъ архіепископѣ—москвичѣ Сергіи, что этотъ послѣдній, захвативъ по пути изъ Москвы въ Новгородъ въ Сковородекій монастырь и получивъ отказъ въ своей просьбѣ открыть находившійся здѣсь гробъ св. Моисея, „вознесся—по словамъ писателя—умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы прииде, укори прендобнаго Моисея архіепископа, рекъ, кого сего смердія сына смотрѣти, за что и бысть ему ума отытіе и смысла изступленіе“²⁾.

Вотъ для устраниенія этой-то церковно-религіозной особенности областей, часто шедшей рука объ руку съ особенностію политической и проявлявшейся иногда въ довольно рѣзкихъ формахъ, „дивный во святителѣхъ“ Макарій чрезъ произведенную при немъ канонизацію святыхъ и имѣлъ, между прочимъ, въ виду съ одной стороны дать на мѣсто областныхъ священныхъ преданій, дорогихъ преимущественно для каждой отдѣльной мѣстности, преданія, такъ сказать, общерусскія, а съ другой—подчинить центральному (Московскому) контролю и самымъ мѣстнымъ преданіямъ, и такимъ образомъ ставшую уже окончательно центромъ политической жизни

въ честь св. Сергія, и исполнилъ потомъ свой обѣтъ. См. Житіе Архіеп. Новгород. Іоны въ рукоп. сборн. Кіевск. Духовн. Академ. подъ знакомъ Аа 118, г. 55.

¹⁾ См. Костомарова „Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада“ т. II. Спб. 1863 г., стр. 334--335.

²⁾ Житіе Моисея въ рукопис. сборн. Кіевск. Духовн. Академ. Аа 118, г. 76 об.

Москву сдѣлать и центромъ церковно-религіозной жизни Руси. Вмеѣстѣ съ тѣмъ чрезъ данное предиріятіе какъ нельзя болѣе рельефно осуществлялась и та общая церковно-политическаго характера цѣль, чтобы съ новымъ блестящимъ виѣшнимъ положеніемъ русскаго царства, какое заняло оно со времени торжественнаго принятія царскаго титула Іоанномъ Васильевичемъ IV, находилась въ полной гармоніи и внутренняя высота русской церкви, чтобы русскій царь являлся единымъ правовѣрнымъ обладателемъ государства, въ которомъ повсюду сіяетъ померкшее въ Царьградѣ солнце истиннаго православія и благочестія, надъ которымъ почиваетъ свѣтле небесное благословеніе, являющее свою силу во множествѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнные тѣлеса коихъ покоются въ разныхъ мѣстахъ обширной русской земли.

Если „Собраніе вѣхъ книгъ чтимыхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“, сдѣланное при главномъ участіи и подѣ ближайшимъ вліяніемъ и руководствомъ митр. Макарія, являлось, между прочимъ, фактомъ централизаціи въ области церковно-учительной, а канонизація святыхъ—фактомъ централизаціи въ области церковно-отечественной святини, то Макарьевская редакція такъ называемой „Степенной книги“ представляла изъ себя того же рода явленіе по отношенію къ исторіографіи. На Руси издревле существовали лѣтописи—Новгородская, Псковская и пр., лѣтописи мѣстныя не только по району описываемыхъ дѣйствій, но и по духу и идеѣ. Мѣстный или областной характеръ ихъ неизбежно выражался какъ въ явномъ пристрастіи къ своимъ князьямъ или іерархамъ, такъ и въ непріязненнымъ тономъ по отношенію къ другимъ областямъ, съ которыми случались столкновенія. Между тѣмъ сочувствіе составителей „Степенной“ лежитъ на сторонѣ тѣхъ только лицъ, которые содѣйствовали возвышенію Москвы. Личности великихъ князей Московскихъ—собирателей Руси здѣсь обрисовываются обыкновенно чертами са-

мыми возвышенными,—чертами, из совокупности которых слагается образъ „единого православнаго царя—самодержца“ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ. Вотъ для примѣра величественная характеристика личности Іоанна Васильевича III: „Богомъ поставленный бодрелливый стражъ и истинный пастырь, благоразумная и правдивая глава превозлюбленнѣй его рустьей величѣй земли, коренеплодному отечеству изрядный наследникъ и крѣпкій поборникъ православію,... всяку ересь потребляющій и всяку вражду пресекающій, и многоначаліе и самовластіе упрямляющій, иже окрестъ державы его властодержателей подъ свою державу покоряющій,... славный и пресловущій,... свѣтлѣйшій самодержецъ, благовѣрный и христілюбивый... всея Русіи Государь и царь“¹⁾. Говоря вообще, „Степенная книга“ стремится окружить русское государство и его верховнаго представителя — Государя Московскаго ореоломъ величія, стремится показать, что русскій царствующій домъ и руководимая имъ русская исторія сияютъ блескомъ и славой и имѣютъ на себѣ особенное божественное покровительство. Она старается представить, такъ сказать, историческій апофеозъ русскаго царствующаго дома, связывая его происхожденіе съ римскою имперіею²⁾. Отметимъ, наконецъ, что такъ называемый „Стоглавъ“ стремится уничтожить мѣстные религіозные и другіе обычаи, ввести однообразіе въ богослуженіи, регламентировать, подчинить определенному центральной вла-

¹⁾ Степенная книга. ч. II, стр. 98—99.

²⁾ Въ помѣщенномъ въ самомъ началѣ книги житіи княгини Ольги, которое приписываютъ знаменитому по времени Грознаго Благовѣщенскому іерею Сильвестру (см. „Ист. русск. церк.“ Преосв. Макарія, т. VII, изд. Спб. 1874 г., стр. 454—прим. 361; см. также Погодина „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ т. III, М. 1846 г., стр. 89, прим. 147), рядомъ съ указаніемъ, что апостолъ Андрей жезломъ преобразовалъ въ Руси самодержавное скипетроуправленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетроуправленіе „начаясь отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прусь же братъ бѣсть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“. Степени. кн. ч. I, стр. 7; см. также стр. 52, 78.

стію закону то, что было дѣломъ обычая или личной инициативы и т. п.

Итакъ, мы видимъ, что конецъ XV и первая половина XVI вв.—время знаменательное въ нашей исторіи, время усиленной Московской централизаціи какъ въ сферѣ чисто политической, такъ и въ сферѣ религіозно-нравственной. Въ области политической съ успѣхомъ приходитъ къ концу дѣло объединенія сѣверно-русскихъ областей подъ главенствомъ Москвы и прочно слагается Московское государство съ единымъ самодержавнымъ Государемъ во главѣ. А шедшая рука объ руку съ этимъ централизація въ области религіозно-нравственной внѣшне-политическое объединеніе Руси скрѣпляла и утверждала объединеніемъ внутреннимъ.

Не случайно, конечно, безъ всякихъ обусловливающихъ или опредѣляющихъ причинъ, Москва возвысилась на степенъ столицы русскаго государства, а ея великіе князья сдѣлались едиными неограниченными государями всея Руси. Съ другой стороны, ошибочно было бы считать это исключительно созданіемъ единичныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ тутъ во имя своихъ личныхъ стремленій и цѣлей. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ всегда и въ сильной степени „обусловлена бываетъ состояніемъ общества, посреди котораго они дѣйствуютъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ они дѣйствуютъ“¹⁾. Эта общая точка зрѣнія необходимо требуетъ признанія не одной, а нѣсколькихъ причинъ, дѣйствіемъ которыхъ достаточно объяснялось бы указанное сейчасъ историческое явленіе.

Какія-же это были причины?

Къ такимъ причинамъ историки относятъ: А) особенныя тактъ и ловкость, составлявшіе отличительную черту князей Московскихъ, которые сумѣли самихъ татаръ обратить въ орудіе для достиженія своихъ

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія“, т. I, Спб. 1872 г. Введеніе, стр. 6—7

цѣлей. „Московскіе князья,—характеризуетъ ихъ К. Д. Кавелинъ,—наслѣдственные господа надъ своими вотчинами, прежде всего заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было великокняжеское достоинство,—и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія великокняжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ,—и они шего не щадятъ, чтобы имъ правиться... Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, Московскіе великіе князья угнетаютъ князей, отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ. Такъ дѣйствовали всѣ великіе Московскіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину... Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельными. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное“¹⁾.—В) Малочисленность княжеской Московской семьи въ теченіе довольно долгаго времени и недолговѣчность ея членовъ, чѣмъ обуславливался преобладающій порядокъ наслѣдства отъ отца къ сыну. „Обстоятельства сложились такъ, что, когда княжеское семейство размножилось, власть великаго князя успѣла окрѣпнуть и усилиться: прямой переходъ наслѣдства отъ отца къ сыну уже пріобрѣлъ

¹⁾ „Взглядъ на юридическій бытъ древ. Россіи“. Собр. сочин. Кавелина, т. I, Сиб. 1897 г., стр. 43; см. объ этомъ также у Соловьева: „Взглядъ на истор. устр. государ. порядка въ Россіи“, М. 1852 г., стр. 51; у Бестужева-Рюмина „Русск. Ист.“, Сиб. 1872 г., т. I, стр. 349; у Изюмннскаго „Исторія Россіи“ М. 1884 г., т. II, стр. 54.—Монгольскія отношенія, касавшіяся болѣею частью богатыхъ и сизлыхъ московскихъ князей, приучали послѣднихъ смотрѣть на себя, какъ на собственниковъ русской земли, а другихъ князей—смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ представителей.

свойство преданія, привычки, а что особенно важно, населеніе успѣло оцѣнить выгоды такого перехода и было рѣшительно на его сторонѣ¹⁾.—С) Тѣсный союзъ великихъ князей Московскихъ съ духовною властію. „Союзъ этотъ—по словамъ Бестужева-Рюмина—былъ самый естественный: если князья нуждались въ авторитетѣ церкви, то духовенство, представитель высшихъ—сравнительно съ остальною Русью—идей гражданского порядка, искало этого порядка, который былъ нуженъ ему даже въ его экономическихъ отношеніяхъ“²⁾.—D) Стремленіе русскаго боярства покидать и соединя, и отдаленныя области, и поступать въ болѣе почетную, болѣе обезпеченную службу великихъ князей Московскихъ, какъ князей сильнѣйшихъ. „Уже въ XIV в.—скажемъ словами профессора Ключевскаго—Московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ; отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая склонность Московскихъ бояръ переезжать къ другимъ князьямъ. Уже около половины XV в. Московское боярство по происхожденію своему представляло собою всю русскую землю, состояло изъ многочисленныхъ фамилій, родоначальники которыхъ сошлись въ Москву, чуть не изъ всѣхъ угловъ Руси, даже изъ такихъ, гдѣ тогда еще слабо нахло Русью. Это сообщало здѣшнему боярству большую устойчивость, его положенію и отношеніямъ большую опредѣленность. Выгоды Московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы; отсюда дружное содѣйствіе, какое великіе Московскіе князья находили въ своихъ и иногда даже въ чужихъ

¹⁾ Плавайскій „Исторія Россіи“, т. II, стр. 53.

²⁾ „Русская Исторія“, т. I, стр. 390; см. также у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.“, кн. I, стр. 1076; у Плавайскаго „Ист. Россіи“ т. II, стр. 55, 357; у Забѣлина: „Взглядъ на развитіе Моск. единодержавія“, Ист. Вѣстн. за 1881 г., № 1, стр. 518; у проф. Сахарова: „Главнѣйш. моменты въ госуд. развитіи древней Руси и происхожд. Московск. Государства“ Варшава 1886 г. стр. 4—5 (вторая статья).

боярахъ... Выгоды службы тянули боярство къ великому Московскому князю, и подъ рукою этого князя оно стало могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія русской земли“¹⁾. Споры за мѣста или взаимное соперничество боярскихъ фамилій—по справедливому замѣчанію Пловайскаго—также въ свою очередь не мало способствовали возвышенію и упроченію власти и значенія государя Московскаго, ибо соперничество велось о большей или меньшей близости къ великому князю. Въ то-же время оно мѣшало пока внутреннему сплоченію самаго боярскаго сословія и, слѣдовательно, съ его стороны не могло явиться дружнаго отпора развивающемуся Московскому самодержавію²⁾. Е) Выгодное географическое положеніе княжества Московскаго, достаточно удаленное отъ сильныхъ вѣнскихъ враговъ и удобное въ промышленно-торговомъ отношеніи. Причина второстепенная, безъ другихъ не имѣвшая-бы значенія, какъ вѣрно называетъ ее Бестужевъ-Рюминъ³⁾.—F) Ослабленіе орды и распаденіе ея со второй половины XIV в., чѣмъ не замедлила воспользоваться ловкая Московская политика⁴⁾. Отмѣчаютъ еще, какъ условія-же и обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы и ея князей, слабость и неурстройство другихъ княжествъ, равно и вѣчевыхъ общинъ сѣверо-восточной Руси, а также умъ и энергію Великорусскаго племени, которое неустойчиво потянуло къ Москвѣ, какъ скоро почувство-

¹⁾ „Боярская дума древней Руси“ М. 1882 г., стр. 183—184, 188; см. также у Пловайскаго „Исторія Россіи“ т. II, стр. 55, 360; у проф. Самокуласова: „Главнѣйшіе моменты въ государственномъ развитіи древней Руси...“, стр. 6 (вторая статья); у Соловьева: „Историческія отношенія между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 402, 410, 467.

²⁾ „Исторія Россіи“, т. II, стр. 363; см. „Лекціи и изслѣдованія по древн. истор. русскаго права“ проф. Сергіевича. Спб. 1894 г., стр. 55.

³⁾ См. „Ист. Россіи“ Пловайскаго. т. II, стр. 357; „Русская Исторія“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 391—392.

⁴⁾ „Ист. Россіи“ Пловайскаго, т. II, стр. 357; „Русск. Ист.“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 392.

вало въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ въ борьбѣ съ варварскимъ игомъ и внутренними е-урядицами ¹⁾).

Таковы, по указаніямъ историковъ, въ общихъ чертахъ факторы, содѣйствовавшіе усиленію и возвышенію Москвы и ея великихъ князей.

Соотвѣтственно нашей специальной задачѣ, мы остановимъ теперь свое вниманіе на одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, именно на русскомъ духовенствѣ, въ тѣсномъ союзѣ съ которымъ находились великіе князья Московскіе. Духовенство русское, дѣйствительно, представляло собою одинъ изъ могучихъ и дѣйственныхъ факторовъ, способствовавшихъ успешному достиженію тѣхъ политическихъ цѣлей, какія преслѣдовали посетители Московской великокняжеской власти.

И не трудно понять, чѣмъ обусловливались сила и дѣйственность этого фактора, если принять въ соображеніе то господствующее положеніе въ странѣ, какое занимало въ древней Руси духовенство, и тѣ обширныя духовныя и гражданскія права, которыми оно пользовалось. Не забудемъ, что то было время, когда общество воспринималось почти подѣ исключительномъ вліяніемъ Церкви, когда Церковь въ лицѣ своихъ передовыхъ вождей являлась почти единственной представительницей умственныхъ и нравственныхъ интересовъ общества. Это было время господства во всѣхъ сферахъ жизни религіозныхъ идей, когда всѣ движенія и событія освящались знаменемъ религіи и только подѣ условіемъ этого освященія находили для себя поддержку въ общественномъ сознаніи. Уже это одно ясно говорить, какимъ

¹⁾ См. „Ист. Россіи“ Пловаяскаго, т. II, стр. 357. По мнѣнію автора, это—самое главное условіе. Московскіе князья—замѣтимъ здѣсь отъ себя—являлись въ глазахъ земскаго населенія князьями наиболѣе сильными и дѣтельными, не разъ оказавшими важныя услуги отечеству въ борьбѣ съ иноплемennыми врагами. Естественно отсюда, что на ихъ сторону склонялось народное сочувствіе, и расположеніе, обезпечивая имъ успѣхъ въ борьбѣ съ соперниками.

громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ владѣли представители духовенства по отношенію къ русскому обществу того времени, такъ сильно чувствовавшему потребность божественнаго освященія формъ своей жизни. Ихъ наставленія служили выраженіемъ Слова Божія, и высшая небесная кара угрожала тѣмъ, кто осмѣливался нарушать ихъ¹⁾. Другая нравственная сила духовенства заключалась въ епитиміяхъ и отлученіяхъ, которыя были равно для всѣхъ обязательны. Слова: „не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“²⁾ были слишкомъ грозны и потому почти всегда достигали своей цѣли.

Параллельно развитію нравственнаго вліянія духовенства шло развитіе его матеріальнаго положенія. Мало-по-малу въ рукахъ высшей іерархіи, а особенно въ рукахъ монастырскаго духовенства сосредоточилась обширная земельная территория, подлежащая ихъ непосредственному управленію и суду. „Въ частной и государственной жизни нашихъ предковъ XV и XVI в.в.,— по замѣчанію профессора Павлова,—господствовало, въ качествѣ высшаго опредѣляющаго начала, то убѣжденіе, что благотворительное усердіе къ церквамъ и монастырямъ, выражающееся въ обычныхъ приношеніяхъ къ нимъ тѣхъ или другихъ имуществъ, есть вѣрнѣйшій залогъ всякаго блага, общественнаго и частнаго“³⁾. Подъ сильнымъ и всеобщимъ вліяніемъ этого убѣжденія частныя лица и правительство надѣляли церкви и монастыри сокровищами и имѣніями, видя въ этомъ непосредственныя приношенія Богу и Его святымъ угодицамъ. Набожность вѣка создала изъ этого твердый общественный обычай и скончила въ рукахъ духовенства громадныя богатства и обширныя земельныя владѣнія.

¹⁾ См. Акты Историческіе, т. I, №№ 7 и 9.

²⁾ См. Полн. Собр. Лѣтоп. т. VI, стр. 274.

³⁾ „Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“
Одесса 1871 г., ч. I, стр. 158.

И все это по отношенію къ духовнымъ лицамъ и монастырямъ соединялось къ тому-же со множествомъ различныхъ привилегій, сдѣлавшихся мало-по-малу почти общимъ правиломъ.

Великій нравственный авторитетъ духовенства, связанный съ самымъ званіемъ и служеніемъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника, открывали по этому самому предъ представителями церкви широкія права на участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Знаменитѣйшіе князья считали своею обязанностию совѣтоваться съ епископами и духовными лицами, которые являлись всегда съ совѣтами на доброе. „Епископы, и поны, и игумены,—завѣщали еще славный Мономахъ своимъ дѣтямъ— съ любовію взимайте отъ нихъ благословеніе, и не устранийтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и снабдите“¹⁾. Этотъ завѣтъ Мономаха исполнился въ точности и во все послѣдующее время. Принимимъ, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ общественно-государственной жизни великіе князья приходили на „совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту“²⁾; различными ратными предпріятіями они обыкновенно совершали не иначе, какъ „по благословенію пресвященнаго митрополита и еже о немъ священнаго собора архіепископовъ, и епископовъ, и всего священническаго чина“³⁾; между собою, въ своихъ взаимныхъ счетахъ, князья „укрѣплялись въ правдѣ крестомъ честнымъ да владыками“⁴⁾; они иногда ноставляли себѣ даже за правило, въ случаѣ взаимныхъ споровъ и несогласій, обращаться къ третейскому суду митрополита⁵⁾.

¹⁾ См. Погодина: „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русск. Исторіи“, т. VII, М. 1856 г., стр. 377.

²⁾ Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 224.

³⁾ Ibid., стр. 206, 283, 302—303; см. Степени. кн., ч. II, стр. 109, 139, 256.

⁴⁾ Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 176.

⁵⁾ См. Договорн. Грам. велик. кн. Василія Темнаго съ княземъ Рязанскимъ. Собр. госуд. грам. и договор. ч. I, № 66; они положили „а

У представителей духовенства князя спрашивали совѣтовъ и содѣйствій относительно управленія, суда и вообще лучшаго устройства своей земли ¹⁾. „Соборъ духовенства православный! Отче митрополитъ и владыки! — произноситъ торжественно Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Я совѣтовался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огонь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь Россійскій, снять цѣпи съ христіанскихъ плѣнниковъ, возвратить ихъ отечеству, церкви... Молю васъ и нынѣ, да способствуете мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри государства“ ²⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что у древнихъ писателей житій святыхъ и у древнихъ лѣтописцевъ лучшею похвалою для хорошаго князя является то, что онъ „любилъ священники, священническому и духовному чину честь велию подавалъ“, что „почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа“ ³⁾. Духовенство было сильно правомъ печалованія ⁴⁾; его вліяніе на общественныя дѣла увеличивалось еще отъ того, что весьма многія изъ этихъ дѣлъ совершались подъ присягой, и когда обстоятельства требовали измѣненія, тогда утвержденное прежде посредствомъ присяги только духовенство могло разрѣшить и успокоить совѣсть ⁵⁾.

Кажется, достаточно и этихъ немногихъ, сказанныхъ нами, словъ о положеніи и правахъ духовенства древней Руси, чтобы видѣть, насколько могучей являлась эта общественная сила въ исторической жизни на-

о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей митрополитъ, а кого митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати“.

¹⁾ „Боярская дума древ. Руси“ Ключевского, стр. 520—521.

²⁾ „Стоглавъ“ Казан. изд. 1862 г., стр. 30, 31 и сл.; см. также „Русск. Ист.“ Вестужева-Рюмина, т. II, Сиб. 1885 г., стр. 216, пр. 21.

³⁾ См. напр. житіе св. Стефана Махрищскаго въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. подъ знак. Аа 155, л. 191 об.; см. Полн. Собр. Лѣтоп., т. II, стр. 221; IV, стр. 183, 200 и др.; см. сказаніе о смерти князя Тверскаго Михаила Александровича въ Никон. Лѣтоп., ч. IV, стр. 285—296.

⁴⁾ Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 251, — 295.

⁵⁾ См. Акты Историч., т. I, № 23.

него отечества того времени, и отсюда понять, какую твердую и сильную опору могла она представить для политических стремлений великих князей Москвы къ водворенію единойдержавной и самодержавной формы правленія въ Московскомъ государствѣ. Такою опорой для нихъ наше духовенство, дѣйствительно, и послужило, особенно въ лицѣ высшей своей іерархіи и, въ частности, митрополитовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ рядомъ и вмѣстѣ съ великими князьями, а также въ лицѣ игуменовъ — основателей монастырей, пользовавшихся глубокимъ уваженіемъ и вліяніемъ среди современниковъ и потомства. Сдѣлаться такой опорой представители духовенства имѣли и достаточныя побужденія, и вполне надежныя средства.

Долгъ служенія христіанскаго представлялъ постоянное и сильное побужденіе для пастырей нашей церкви стоять на стражѣ благоденствія русской земли среди вражды и междоусобія княжескихъ; они возлагали на нихъ ревностную заботу всѣми зависящими отъ нихъ средствами предотвращать пагубное разьединеніе Руси и всячески предупредить неизбежно вытекавшее изъ этого разьединенія ослабленіе силъ государства. Какъ люди, составлявшіе, можно сказать, въ то время единственную умственную силу страны, представители духовенства лучше другихъ понимали, насколько пагубно отражалось на благосостояніи русской земли ея раздробленность, почти постоянныя политическія неурядицы, а вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, прекрасно сознавали, что только путемъ сосредоточенія верховной государственной власти въ однихъ рукахъ могла быть вполне гарантирована безопасность страны и ея жителей. „Проникнутое понятіями о царской власти,—власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, наше духовенство должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противополо-

ложности съ духомъ религіи, а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный“¹⁾.

Другое, не менѣе сильное, побужденіе для нашего духовенства и монашества стать опорой для Московскихъ великихъ князей въ ихъ стремленіяхъ къ утвержденію единой державы связывалось съ существованіемъ многочисленныхъ церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ и неволью вытекавшею отсюда зависимоію ихъ владѣтелей отъ свѣтской власти. „Князья—говоритъ Милютинъ—извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или пренятствовать, держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ сословіій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе присоединяло къ своему нравственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, великіе князья Московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было-бы такъ искренно и въ то-же время такъ могущественно, если-бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами Московскихъ князей, а съ другой, не увеличивало-бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ осо-

¹⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ“, кн. I, стр. 1076.

бенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ великимъ князьямъ Московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единой державы; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одной изъ главныхъ причинъ преданности духовенства видамъ и политикѣ князей Московскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было пріобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно, при существованіи удѣловъ, съ одной стороны, духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ, а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстнымъ владѣльцамъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе великихъ князей Московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи, именно потому, что тамъ покровительство Московскихъ князей и митрополита имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разеѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княженіямъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалась не только неудобствами въ управленіи, но и болышею трудностію въ сохраненіи пріобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно, въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, потому что въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая отъ того мно-

гихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впоследствии для него возникли именно изъ этого сосредоточенія¹⁾). Хорошо понимая прораставшую отъ этихъ ревностныхъ желаній духовенства выгоду для утверждавшагося политическаго порядка, князья—государи московскіе и съ своей стороны не менѣе ревностно желали усилить расположеніе къ себѣ его (духовенства) представителей. Это послѣднее желаніе, по крайней мѣрѣ, отчасти, лежало въ основѣ и тѣхъ близкихъ отношеній, въ которыя старались поставить себя и, дѣйствительно, стояли къ монастырямъ Московскіе государи. Эти отношенія хорошо извѣстны. Достаточно вспомнить, что монастырямъ они—по выраженію одного изъ писателей житій—„подавали довольную милостиню, пшвы и удоія и езера на пренитаніе мнихомъ“²⁾; изъ монастырей избирали они придворныхъ духовниковъ и крестныхъ отцовъ для своихъ дѣтей³⁾; туда обращались они за молитвою по случаю домашнихъ несчастій и радостей⁴⁾; посѣщеніе монастырей было ихъ постояннымъ и любимымъ удовольствіемъ⁵⁾).

Но каковы-бы ни были побужденія, которыми руководились представители нашего духовенства, оказывая содѣйствіе осуществленію политическихъ плановъ великихъ московскихъ князей, во всякомъ случаѣ то неоспо-

¹⁾ „О недвижимыхъ имуществѣхъ духов. въ Россіи“. Чтен. въ Общ. истор. и древн. Россійск. при Москв. университ. 1861 г., кн. I, стр. 397—398.

²⁾ См. Житіе Стефана Махрищскаго. Рукон. сборн. Кіев. дух. акад. Аа 155, л. 200, 201 об. и л. 202.

³⁾ См. Житіе Дмитрія Вологодскаго. Рукон. сборн. той-же акад. подъ знак.: О. 4. 79, л. 332; Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 223, 265, 266; Степени. кн., ч. II, стр. 207, 227; см. такъ называемое „писемъ о немилыхъ“ въ прибавл. къ твор. св. оо. 1851 г., ч. X, стр. 505.

⁴⁾ См. Житіе Александра Свирскаго. Рукон. сборн. Кіев. духовн. акад. подъ знак.: Аа 106, л. 266; Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 261, 263—269, 283; Степени. кн., ч. II, стр. 136, 191, 205.

⁵⁾ См. Житіе Корнилія Комельскаго. Рукон. сборн. той-же акад. подъ зн.: Аа 155, л. 79 об.—85; Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 49, 265, 267; Степени. кн., ч. II, стр. 167, 225, 227, 268.

римо, что въ представителяхъ церкви великокняжеская власть Москвы находила прочную и вѣрную опору для успешнаго достиженія своихъ цѣлей. Въ чемъ-же проявлялись дѣйствія этой опоры, или говоря иначе: въ какихъ-же мѣрахъ выражало духовенство свое участіе въ развитіи единой державы и самодержавія въ московскомъ государствѣ?

Какъ увидимъ ниже, съ самаго того времени, когда со стороны князей московскихъ было ясно обнаружено стремленіе къ единой державѣ, которое должно было принести столько благотворныхъ послѣдствій для возвышенія Россіи, — представители нашего духовенства рѣшительно становятся на сторонѣ московскихъ князей — собирателей Руси, и вѣрныя зависящими отъ нихъ средствами стараются поддерживать этихъ князей при всякихъ посягательствахъ на ихъ единое державное преобладаніе, при всякихъ столкновеніяхъ ихъ съ различными препятствіями, стоявшими на пути къ полному развитію и окончательному утвержденію новаго строя политической жизни. И смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ стараются они въ такихъ случаяхъ выразить свое содѣйствіе московскимъ властителямъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ политическихъ плановъ.

Но это лишь одна сторона, или одна форма проявленій содѣйствующаго участія представителей церкви въ данномъ направленіи. Въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв., такъ сказать, рука объ руку съ нею особенно ярко выступаетъ и другая сторона или форма этихъ проявленій, не менѣе, если не болѣе, существенная, чѣмъ первая. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ ту исходившую за указанное время изъ среды духовенства и монашества литературную проповѣдь, которая направлялась къ теоретическому и практическому примѣненію къ личности единого представителя русскаго государства — великаго князя Московскаго византійскихъ принциповъ царской власти, къ перенесенію на эту личность возвышенныхъ чертъ того вели-

чественнаго царственнаго образа, какой сложился на почвѣ Византіи и олицетворялся въ лицѣ ея православныхъ царей — самодержцевъ. Идея о богоустановленности царской власти, усиливаемая часто идеей объ ея особомъ, священномъ значеніи (тема, заимствованная изъ ветхозавѣтно-библейскаго ученія и изъ писаній отцовъ церкви) и почти всегда тѣсно связанная съ основнымъ на божественномъ писаніи ученіемъ о почитаніи властей, идея или ученіе о вытекающихъ изъ самой высоты и священнаго величія царскаго сана правахъ и обязанностяхъ носителей этого послѣдняго во всѣхъ сферахъ жизни, не исключая и жизни церковно-религіозной,—все это становится видимымъ и съ подробностями раскрываемымъ предметомъ духовно-литературной проповѣди даннаго времени. Правда, всѣ эти идеи не были совершенно новыми на русской почвѣ: ихъ пропаганда началась здѣсь, можно сказать, вслѣдъ за принятіемъ изъ Византіи христіанства и велась то съ большею, то съ меньшею настойчивостью. Упомянутія о нихъ по частямъ мы находимъ еще въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ объ некорененіи разбоя при князѣ Владимірѣ¹⁾, въ извѣстномъ знаменитомъ словѣ митрополита Иларіона о законѣ и благодати²⁾, въ поученіяхъ Новгородскаго епископа Луки Жидиты³⁾, въ

¹⁾ Епископы по этому поводу внушали Владиміру Равноапостольному, что онъ обязанъ судить и казнить преступниковъ, такъ-какъ получилъ свою власть „отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помянованіе“. См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. V, стр. 123; Степенн. кн., ч. I, стр. 165, 312.

²⁾ Обращаясь къ кагану Владиміру, авторъ слова говоритъ: „добро же зѣло и вѣренъ посаухъ сынъ твой Георгій, егоже сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству“. См. Прибавл. къ твор. св. оо. за 1844 г., кн. II, стр. 246; см. „Ист. русск. церкви“ Пресв. Макарія, т. I, Спб. 1857 г., стр. 99.

³⁾ Въ „поученіи къ братіи“ онъ наставляетъ: „Бога бойтеся, князи чтите: мы рабы, во первыхъ, Бога, а потомъ государя“... См. „Ист. русск. церкви“. Пресв. Макарія, Спб. 1857 г., т. I, стр. 89, пр. 221.

различныхъ поученіяхъ XIII—XIV вв. неизвѣстныхъ авторовъ¹⁾, въ поученіяхъ митрополитовъ — Кирилла, Алексія, Фотія и др.²⁾. Но современная этимъ проповѣдникамъ государственно-политическая жизнь не представляла твердо на видъ, такъ сказать, единого объекта, къ которому бы указанныя идеи могли всецѣло примѣняться, такъ что затруднительнымъ являлось самое примиреніе этихъ идей съ господствовавшими началами (удѣльно-родовыми) дѣйствительной жизни, съ постоянно колебавшимися государственно-политическими отно-

¹⁾ См. напр. „поученіе избранно отъ св. писаній како подобаетъ кристіаномъ жити“. Рукон. сборн. XVI—XVII вв. Кіевск. дух. академ. подъ зн. о. 4. 79. Въ этомъ поученіи (на л. 96 и обор. сборника) сказано: „днншачеж князю своему прійите всѣмъ сердцемъ и не помыслите напѣла: глаголетъ бо апостолъ власти отъ Бога суть учинени, аще кто противится властемъ, то Господню повелѣнію противится“.

²⁾ Вотъ что напр. писалъ митр. Фотій въ одномъ изъ своихъ поученій велик. князю Василію Дмитріевичу: „Христосъ Богъ поставилъ тебя на престолѣ отеческомъ великимъ княземъ и предстателемъ всей Русѣ великой. Церковь Божія, тебя породившая крещеніемъ и воспитавшая, приготовила тебя къ тому, чтобы ты могъ дѣйствовать къ ея утвержденію и устроенію... и наставу Христову охранялъ и соблюдалъ отъ всякихъ озлобленій“...; а въ другомъ поученіи ему же говорилъ: „Ты царствуешь съ Богомъ надъ Его избранною паствою; потому долженъ подвизаться за Его наставу и за Его правду противъ всякаго возстанія, даже до крови“. См. твор. св. оо. за 1852 г., кн. 2-я, стр. 224, 225. Сп. Полн. собр. лѣт. т. X, стр. 149 (Поученіе митроп. Кирилла Новгородца); см. Прибавл. къ Твор. св. оо. за 1847 г., стр. 33—34 („Поученіе отъ апостол. правилъ къ христіанамъ“ митр. Алексія). Въ посланіи митр. Никифора къ Владиміру Мономаху о лѣтинахъ особенно ярго указывается основывающаяся на высокомъ значеніи государств. власти, какъ института богоустановленнаго, обязанность ея носителей быть благодѣтелями чистоты правотѣри: „князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православнои вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужать сами подпорами для святой церкви, въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ“. См. „Пет. русск. перекл.“ преосв. Макарія. Сиб. 1857 г., т. II, стр. 149. Идея объ обоготвореніи государственной власти ясно высказывается напр. въ поученіи, или какъ оно озаглавлено: „наказаніи княземъ, иже дають волю и судъ не Богобошнымъ и лукавымъ мужемъ“. См. „Памяти. старин. русск. литературы“, изд. Кушелевымъ-Безбородко, ч. IV, стр. 184.

шеніями. Не то было въ отмѣченное выше время, когда вполне подходящій объектъ для этихъ идей явился въ лицѣ единого сильнаго властителя всея Руси—государя Московскаго. Примѣненіе къ его единой личности всѣхъ этихъ чисто византійскихъ началъ власти могло теперь совершаться легко и удобно, а вмѣстѣ съ этимъ оно явилось, какъ нельзя болѣе кетати, и для личныхъ интересовъ государя Московскаго, и при томъ именно въ данное время. Русскія области только что окончательно собирались теперь въ одно цѣлое подъ единою властію князя Московскаго; единодержавная великокняжеская власть только что начинала утверждаться на прочномъ неизблемомъ основаніи фактически совершившагося подчиненія ей остатковъ удѣльно—вѣчевого порядка. Въ то же время различные сторонники исчезавшей старины не забывали дорогихъ для нихъ преданій и при случаѣ не замедляли дѣлать попытку къ ихъ оживленію. Поэтому для окончательно утверждавшейся теперь единодержавной и самодержавной власти государей Московскихъ, естественно, явилось на пользу начавшееся съ особенной силой какъ разъ въ это время и продолжавшееся въ теченіе всей данной эпохи теоретическое и практическое примѣненіе къ личности этихъ государей правъ и обязанностей византійскихъ царей. Выѣшнее установившееся въ русскомъ государствѣ въ лицѣ великихъ Московскихъ князей единодержавіе находило для себя въ этомъ великую, такъ сказать, внутреннюю поддержку. Это примѣненіе проводило въ сознаніе русскаго общества и укореняло въ немъ мысль о Московскомъ государѣ, не только какъ о единомъ властителѣ всея русской земли съ выѣшне-политической стороны, но и какъ о единомъ неограниченномъ носителѣ такой власти, права и обязанности которой, вытекаая изъ самыхъ основъ, на которыхъ эта власть зиждется, простираются и обнимаютъ собою все области жизни ввѣреннаго ей попеченію государства, включая сюда и об-

часть религіозно-церковныхъ отношеній. Путемъ такого примѣненія развивался и укрѣплялся въ русскомъ общественномъ сознаніи образъ истиннаго православнаго царя—самодержца въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ образъ этотъ сложился на почвѣ родной намъ Византіи.

II.

Участіе духовенства и монастыря въ развитіи и усиленіи власти Московскихъ князей на счетъ власти прочихъ князей удѣльныхъ и въ ущербъ политической самостоятельности общинно-вѣчевыхъ народныхъ правствъ.

Прежде чѣмъ приступить къ частнѣйшему раскрытію участія русскаго духовенства въ развитіи московскаго единодержавія и самодержавія въ теченіе взятаго нами времени, считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на времена предшествующія, и посмотрѣть, что сдѣлано было русскимъ духовенствомъ на томъ-же самомъ поприщѣ въ эти именно предшествующія времена, въ продолженіе которыхъ въ исторіи политической жизни Руси получили особое значеніе родъ князей Московскихъ, успѣвшій потомственно удержатъ въ своихъ рукахъ великокняжеское достоинство и съ его помощію до того расширившій и увеличившій свои отчинныя владѣнія, что, наконецъ, они обняли всю Россію.

Въ то время, когда Іоаннъ Даниловичъ Калита, который первый приложилъ къ себѣ названіе „князя Великаго всея Руси“¹⁾, только что полагалъ прочное начало собиранію разрозненной русской земли въ одно государственное цѣлое, и задумывалъ свою отчину Москву сдѣлать столицей всей Россіи, всероссійскій митрополитъ

¹⁾ См. его жалованную грамоту объ освобожденіи Печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей въ Акт. Археогр. Экспед. т. I, № 2, стр. 1—2; см. также Соловьева „Истор. отношен. между кн. Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 347—349.

Петръ перемѣщаетъ митрополищю катедру изъ Владимира Клязьменскаго въ Москву. Не случайно, конечно, какъ повѣствуетъ простодушный лѣтописецъ ¹⁾, приходитъ онъ сюда и утверждаетъ здѣсь свое мѣстопробываніе, а скорѣе всего слѣдуетъ думать, что его привлекъ самъ великій князь Московскій, хорошо понимавшій все благотворныя послѣдствія перенесенія въ его городъ всероссійской митрополіи ²⁾. И дѣйствительно, для Москвы и ея великихъ князей это событіе имѣло чрезвычайную важность. Постоянное пребываніе въ Москвѣ первопрестольника Русской церкви, въ которомъ сосредоточивались все нити русскаго православія и который своею духовною властію такъ или иначе объединялъ все политически разрозненныя части русской земли, необходимо сообщало ей (Москвѣ) въ глазахъ народа видъ града первопрестольнаго, значеніе всероссійской столицы, „ибо единство Руси поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ ³⁾. Церковь русская, не смотря на политическое раздробленіе русскихъ областей, была всегда единая и недѣлимая; она одна и представляла сначала наше народное единство, и въ теченіе столѣтій своимъ единеніемъ подготавливала единеніе государственное. Существованіе на Руси одного митрополита, при недостаткѣ общей центральной власти, сообщало ему важное положеніе въ странѣ. Князья Московскіе, конечно, прекрасно

¹⁾ См. Стенени. ки., ч. I, стр. 404.

²⁾ На церковномъ соборѣ, бывшемъ въ Переяславѣ—Залѣскомъ по дѣлу о доносѣ на митр. Петра къ Визант. патриарху со стороны Тверскаго еп. Андрея, Иванъ Даниловичъ Калита, занимавшій тогда Переяславскій уѣздъ, „по всемъ признакамъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ протвищиковъ послѣдняго стоялъ Тверской епископъ и, вѣроятно, не безъ поддержки своего князя. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь занимались тѣсныя дружескія отношенія митр. Петра съ Иваномъ Калитой, которыя впоследствии не мало способствовали возвышенію Москвы“. Плавинскій „Исторія Россіи“, т. II, М. 1884 г. стр. 11—12, 27. См. также изслѣд. Вишнякова: „О причинахъ возвыш. Московск. княжества“. Спб. 1881 г., стр. 74.

³⁾ См. Соловьевъ „Истор. отнош. м. русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 333 и слѣд.

сознавали значеніе для ихъ интересовъ совершившагося факта: въ лицѣ митрополита они пріобрѣтали ближайшаго и постоянного помощника въ своей политической дѣятельности, который силою своей духовной власти могъ имѣть большое вліяніе на отношеніи Московскаго князя къ прочимъ русскимъ князьямъ. Такъ смотрѣлъ и самъ святитель Петръ на перенесеніе въ Москву кathedры русской митрополіи, когда, изрекая предъ Калитою свое знаменитое пророчество о будущемъ великомъ значеніи Москвы, будущее возвышеніе князей Московскихъ во главу государственной власти въ Россіи и будущее величіе Москвы въ ряду всѣхъ прочихъ городовъ русскихъ поставилъ въ связь съ этимъ именно событіемъ. „Аще мене, сыне, послушаеши и храмъ Пресвѣтыя Богородицы воздвигнени въ своемъ градѣ,—пророчески говоритъ святитель Іоанну Даниловичу—самъ прославишися наче нѣхъ князей и синове и внуцы твои въ родъ и родъ, и градъ сеи славенъ будетъ во всѣхъ градахъ русскихъ и святители поживутъ въ немъ и въздуть руки его на плещи враговъ его и прославится Богъ въ немъ“ ¹⁾. Эти пророческія слова перваго Московскаго свитателя вскорѣ-же начали исполняться: любимый имъ князь Іоаннъ былъ утвержденъ ордынскимъ властителемъ въ великокняжескомъ достоинствѣ; Москва при немъ-же стала возвышаться надъ старшими стольными городами; митрополитъ Осогность и его преемники не искали другого города для своего престола, кромѣ Москвы. И нельзя здѣсь не отмѣтить того обстоятельства, что другіе князья русскіе тогда-же прекрасно поняли всю важность для Москвы и ея князей совершеннаго св. Петромъ церковно-государственнаго шага; многіе изъ нихъ съ сильнымъ неудовольствіемъ смотрѣли на удаленіе его изъ Владиміра въ Москву ²⁾.

¹⁾ См. краткое житіе св. Петра. Рукон. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 155, л. 179 об.; см. Степ. кн. ч. I, стр. 404.

²⁾ „Инымъ же княземъ многитъ—замічаєтъ літописецъ—не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имаше въ себѣ живуща“. См. Никон. Літоп. ч. III, стр. 139—140.

Хорошо понимали также значеніе даннаго событія тѣ свободолюбивыя русскія области, которыя рѣшительно не хотѣли быть политически покорными Москвѣ, и въ этихъ именно видахъ всячески старались расторгнуть свою церковную отъ Москвы зависимость. Господишь Великій Новгородъ не разъ покушался на это именно потому, что ему казалась тяжелою и опасною зависимость отъ митрополита, живущаго въ Москвѣ и дѣйствующаго согласно съ Московскимъ княземъ,—казалась опасною эта зависимость, такъ какъ, дѣйствительно, она представляла могучее средство привлеченія Новгорода къ Москвѣ, предлагала къ нему путь для власти Московскихъ князей; въ виду этого сыны вольнаго города готовы были подчиниться даже иноземному и иноѣрному государю, какъ и сдѣлали это при Іоаниѣ III, отдавшись подъ покровительство короля польскаго ¹⁾. Ясно сознавали тѣсную связь митрополитскаго престола съ престоломъ великокняжескимъ и съ объединительными стремленіями Москвы и великіе князья Литовскіе. Отсюда именно вытекалъ столь частый разладъ между этими князьями, какъ политическими соперниками Московскихъ, и Московской митрополіей; отсюда-же вытекалъ и цѣлый рядъ ихъ попытокъ получить отдѣльнаго митрополита для западной Россіи.

Возвышенъ, такимъ образомъ, сосредоточеніемъ въ Москвѣ высшей духовной власти нравственный и политическій обликъ этого города, будущей столицы русскаго государства, своимъ пророчествомъ, такъ сказать, освятивъ начало верховнаго господства надъ русскою землею его князей, святитель Московскій Петръ первый въ ряду Московскихъ іерарховъ—угодишковъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы у русскаго народа—этимъ самымъ какъ-бы завінчалъ своимъ преемни-

¹⁾ См. Акты Археогр. Экспед. т. I, № 87, стр. 62—64; Акты Историч. т. I, №№ 230, 281.

камъ ревностно послѣ него содѣйствовать имъ-же предсказанному и предназначому возвышенію князей Московскихъ надъ всѣми прочими князьями, содѣйствовать усилѣнію осуществленію ихъ стремленій къ единовластительству. И мы, дѣйствительно, видимъ, что, согласно этому завѣту св. Петра, его преемники—митрополиты, а за ними и другіе представители духовенства, усердно помогаютъ дѣлу сосредоточенія высшей государственной власти въ рукахъ великихъ Московскихъ князей, при всякомъ случаѣ твердо и мужественно поддерживаютъ начавшееся господственное положеніе ихъ, стараются и смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ упрочить за ними старшинство и, такъ сказать, усвоить имъ право первородства. И это ихъ участіе, участіе самое живое и дѣйтельное, въ возвышеніи Московскаго князя, въ утвержденіи на Руси въ его лицѣ снискательнаго единодержавія, проявилось со стороны представителей церкви всюду, гдѣ только интересы великокняжеской Московской власти встрѣчали себѣ противодействие отъ враждебныхъ этимъ интересамъ началъ. При всѣхъ возникавшихъ опасностяхъ для великокняжескаго Московскаго престола отъ притязаній разныхъ соперниковъ, заявлявшихъ попытки возстановить на Руси прежнюю систему политической жизни съ ея безпорядками и бѣдствіями, представители духовенства снѣшили принять сторону князей Московскихъ—посетителей новаго политическаго порядка, снѣшили поддержать и еще болѣе упрочить ихъ превосходство въ ряду другихъ русскихъ князей, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы отнять у противниковъ возможность разрушить прочно заложенное въ Московской Руси зданіе единодержавія. И эти старанія представителей церкви, какъ надежныхъ и вѣрныхъ сотрудниковъ Московскихъ властителей въ осуществленіи ихъ политическихъ плановъ, почти всегда увѣнчивались успѣхомъ. Исходившее въ этихъ случаяхъ отъ нихъ, авторитетныхъ служителей религіи, слово убѣжденія, или-же слово строгаго обличенія, усиленное въ случаѣ необходимости строгими мѣ-

рами суда церковнаго, приносило большею частію ожидаемые плоды.

Кроткому и любвеобильному святителю Петру пришлось быть свидѣтелемъ тяжелой кровавой борьбы Москвы съ Тверью за великокняжеское достоинство. Съ болѣзнію сердца взиралъ, конечно, архиепископъ, какъ споры за великое княженіе между князьями Тверскимъ и Московскимъ терзали Россію ¹⁾. За отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ сказать, какія мѣры предпринималъ этотъ святитель къ облегченію бѣдствій въ Россіи въ то время и къ поддержанію правъ князя Московскаго на великое княженіе. Но за то не дальше, какъ при ближайшемъ-же преемникѣ св. Петра, митрополитѣ Осогностѣ, и при томъ въ исторіи той-же борьбы Москвы съ Тверью, имѣлъ мѣсто случай, который нагляднымъ образомъ показалъ, какія великія преимущества проистекали для князя Московскаго отъ его тѣснаго союза съ утвердившимъ свое мѣсто-пробываніе въ Москвѣ митрополитомъ, и какъ ловко могли употреблять этотъ князь могучее духовное орудіе противъ своихъ соперниковъ. Вотъ этотъ случай. Князь Тверской Александръ Михайловичъ и князь Московскій Іоаннъ Даниловичъ соперничали въ притязаніяхъ на великокняжеское достоинство. Ордынскій властитель далъ сначала ярлыкъ на великое княженіе князю Тверскому, но вскорѣ его измѣнчивое расположеніе перешло на сторону князя Московскаго. Послѣ несчастнаго избіенія въ Твери татарскаго посольства съ знатымъ Чолханомъ во главѣ (въ 1327 г.), ханъ рѣшительно призналъ первенство Іоанна Даниловича и даже поручилъ ему выслатъ Александра Тверскаго въ орду на судъ по поводу сего-часъ указаннаго кроваваго происшествія. Іоаннъ, конечно, радъ былъ случаю погубить своего соперника и спѣшилъ исполнить порученіе. Угрожаемый многочисленнымъ та-

¹⁾ По случаю этихъ именно споровъ кн. Тверск. Михаилъ, сынъ его Дмитрій, а также Георгій Даниловичъ Московскій заплатились жизнью своею въ одрѣ.

тарекимъ воѣскомъ, соединившимся съ Московскимъ княземъ, и, очевидно, не хотѣвшій добровольно отправиться въ орду на вѣрную смерть, князь Тверской напелъ себѣ защиту у Псковитянъ, которые обѣщались не выдать его, надѣясь на крѣпкія стѣны своего города. Тщетно князь Московскій требовалъ у Пскова выдачи Александра, и что-же, наконецъ, придумалъ? „И догадася—разсказываетъ лѣтописецъ—князь Иванъ, оже не выпнати князя Александра, ни выпнати ратію, и намолви митрополита Осогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятiе и отлученіе на князя Александра и на весь Псковъ“. Строгая мѣра оказалась дѣйственною: „и выѣха князь Александръ изъ Пскова...., не мога трыѣти проклятiя и отлученiя“, хотя и не вдругъ рѣшился ѣхать къ хану ¹⁾.

Если Іоаннъ Даниловичъ Калита—этотъ, по выраженію одного изъ нашихъ историковъ,—съ одной стороны жестокій и пронырливый князь, работавшій въ ордѣ, чтобы снискать милость хана и прибѣгавшій ко всякимъ кознямъ, чтобы погубить своего соперника, съ другой—умный и заботливый хозяинъ своей земли, водворившій въ ней спокойствіе и безопасность отъ татарскихъ разореній ²⁾,—если Калита настолько уже твердо сталъ на престолѣ великокняжескомъ, что прилагалъ къ себѣ названіе „князь Великій всея Руси“ ³⁾ и за свою политику и самостоятельность въ дѣлахъ названъ „собирателемъ русскои земли“, то сынъ его Симеонъ, прямой продолжатель политики отца, направленной къ возвышенію Московской великокняжеской власти, и подаромъ получившій прозваніе „Гордаго“, сумѣлъ еще болѣе усилить значеніе Московскаго князя въ ряду прочихъ князей русскихъ. За то преемникъ Симеона—слабый Іоаннъ II чуждъ былъ именно тѣхъ политическихъ талантовъ, какіе

¹⁾ См. Псковская первая лѣтопись. Пол. Соб. Лѣт., т. IV, стр. 185; см. т. V, стр. 218.

²⁾ Пловайскій „Ист. Россiи“ т. II. М. 1884 г., стр. 23—24.

³⁾ Ак. Арх. Экспед. т. I, № 2, стр. 1—2.

присутци были его отцу и брату и какіе особенно нужны были въ то время носителямъ великокняжеской Московской власти въ ихъ стремленіяхъ къ единой державію и независимости чрезъ подчиненіе себѣ князей удѣльных. Но тогда сталъ на стражѣ отечества св. митрон. Московскій Алексѣй, о которомъ, „слава—по выраженію писателя его житія—происхожаще не токмо во своихъ странахъ или во окрестныхъ градѣхъ и селѣхъ, но и въ дальнихъ и безбожныхъ татарехъ“ ¹⁾, который не разъ съ мужественной любовію являлся предстателемъ предъ грозной ордою на Русь, поверженную въ печаль и уныніе, готовый и душу свою положить за правду, и который съ тѣмъ вмѣстѣ ревностно старался поддерживать власть и достоинство князей Московскихъ въ ихъ борьбѣ съ другими княжескими линіями, считавшими себя въ правѣ претендовать на соперничество съ Москвою. „Дѣятельность этого святителя—скажемъ словами Пловайскаго—имѣла важное политическое значеніе для того порядка вещей, который тогда складывался въ сѣверо-восточной Россіи. Какъ умный, усердный русскій патріотъ, онъ гораздо болѣе своего предшественника грека способствовалъ укрѣпленію и усиленію возникавшаго Московскаго могущества всѣми церковными средствами, которыя находились въ его власти. Симеонъ Гордый не даромъ хлопоталъ объ его избраніи и въ завѣщаніи своемъ приказывалъ братьямъ слушать ихъ отца—владыку Алексѣя ²⁾... Его руководство Московскою политикою при великомъ князѣ Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство Димитрія Ивановича, его усердная патріотическая дѣятельность въ пользу объединенія сѣверо-восточной Руси подъ верховенствомъ Москвы сообщаютъ ему въ русской исторіи значеніе подобное тому, какое имѣетъ во французской знаменитый кардиналъ Ришелье“ ³⁾...

¹⁾ См. Пахоміену житіе св. Алексѣя. Рук. Сбор. Кіев. Дух. Акад. подъ знак. 0. 4. 79, л. 209 об.; Степ. кн., ч. I, стр. 454.

²⁾ „Саушали бы есте отца нашего Владыки Алексѣя“. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I. № 24, стр. 38.

³⁾ „Ист. Россіи“ т. II, М. 1834 г., стр. 49, 98.

Когда (въ началѣ 1363 г.) юный сынъ слабаго Іоанна Іоанновича, Дмитрій—будущій герой Куликовской побѣды, руководимый своими совѣтниками, пользуясь смятеніями въ ордѣ, возсѣлъ на великокняжескомъ престолѣ, чего незадолго предъ тѣмъ добился было князь Суздальскій Дмитрій Константиновичъ, св. Алексій, съ совѣтомъ бояръ, направлялъ и подкрѣплялъ все распоряженія юнаго великаго князя, направленные къ подчиненію ему князей удѣльных¹⁾. Не входя въ слишкомъ детальное изображеніе услугъ, какія оказали сейчасъ названный святитель великокняжеской Московской власти въ продолженіе своего святительства, мы позволимъ себѣ привести здѣсь одно замѣчательное посланіе вел. князя Литовскаго, Ольгерда, къ патріарху Константинопольскому Филоосу, содержащее въ себѣ жалобы на митрополита Алексія и съ достаточною ясностію показывающее, какъ велико и важно было содѣйствіе этого митрополита утвержденію единовластія въ Московской Руси при великомъ Московскомъ князѣ Дмитріи. Князь Литовскій, очевидно, хорошо сознавалъ вліяніе, оказываемое святителемъ Алексіемъ на усиленіе Московскаго княжества. Ему было досадно на митрополита Московскаго за его любовь къ Дмитрію Іоанновичу и ревностныя заботы объ укрѣпленіи его власти въ ущербъ другимъ русскимъ князьямъ (особенно тѣмъ, которые были подручны великому князю Литовскому), и вотъ онъ пишетъ патріарху: „прислалъ ты ко мнѣ грамоту..., что митрополитъ жадуется тебѣ на меня, говоритъ такъ: царь Ольгердъ напалъ на насъ. Не я началъ нападать, они сперва начали нападать. Нападали на меня девять разъ, и шурина моего князя Михаила (Гверскаго) клятвенно зазвали къ себѣ, и митрополитъ снѣлъ съ него страхъ, чтобы ему прійти и уйти по своей

¹⁾ Въ 1364 г. юный Дмитрій опредѣлялъ договоромъ свои отношенія къ своему двоюродному брату Владиміру Андреевичу Серпуховскому, причемъ они цѣловали крестъ у отца своего, у Алексія у митрополита всея Руси“ (См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I. № 27, стр. 44—45).

волѣ, по его схватили ¹⁾. И зятя моего Нижегородскаго князя Бориса (неудачно оспаривавшаго Нижегородское княжество у своего брата Дмитрія Суздальскаго) схватили и княжество у него отняли; и княжествомъ зятя моего Ивана князя Новосильскаго также завладѣли и т. д. И мы, не стерпя всего того, напали на нихъ самихъ, а если не исправятся ко мнѣ, то и теперь не буду терпѣть ихъ. По твоему благословенію, митрополитъ и допѣиѣ благословляетъ ихъ на пролитіе крови. И при отцахъ нашихъ не бывало такихъ митрополитовъ, каковъ сей митрополитъ!—благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови, и ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не пѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе. Бываетъ-ли такое дѣло на свѣтѣ, чтобы снимать крестное цѣлованіе?“ Указавъ, затѣмъ, въ качествѣ примѣровъ нѣсколько лицъ, которыя перешли отъ князя Литовскаго къ князю Московскому и которыхъ митрополитъ освободилъ отъ клятвы повиноваться первому, Ольгердъ пишетъ въ заключеніе: „митрополиту слѣдовало благословить Московитянъ, чтобы помогали намъ, потому что мы

¹⁾ Разумѣется случай изъ исторіи борьбы Дмитрія Іоанновича съ Михаиломъ Тверскимъ. Последний, какъ человекъ предприимчивый и смѣлый, и къ тому же родственникъ сильнаго Литовскаго кн. Ольгерда, казался особенно опаснымъ для Москвы. И вотъ однажды совѣтники Московскаго Дмитрія убѣдили юнаго вел. князя и митр. Алексія пригласить Михаила въ Москву, подъ предлогомъ скрѣпленія дружбы. Князь Тверской явился, но здѣсь между нимъ и вел. княземъ завели споръ; Михаилъ отдался на судъ митрополита... и не смотря на свою правоту, былъ однако схваченъ и посаженъ въ заключеніе. Случайно освободившись отъ этого заключенія (благодаря прѣзиду Ордынскихъ пословъ), князь Тверской—по разсказу лѣтописца—особенно жаловался на митр: „коликую любовь і вѣру имѣхъ паче всѣхъ к митрополиту сему, и онъ только мя посрами и поруга“ (Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 19)... Это несчастное происшествіе было началомъ продолж. вражды м. в. князьями Московскимъ и тверскимъ. Борьба кончилась побѣдой перваго надъ послѣднимъ, и въ названномъ мѣрномъ догнорѣ, заключенномъ „по благословенію Алексія митрополита всея Руси“, кн. Московскій далъ почувствовать князю Тверскому свои права побѣдителя. См. Сбор. Госуд. Гр. и Дог. т. I, № 28, стр. 46—48; Цѣл. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 71.

за їхъ воюемъ съ нѣмцами. Мы зовемъ митрополита къ себѣ, но онъ не идетъ къ намъ, дай намъ другого митрополита на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ¹⁾. Какъ видимъ, во времена Дмитрія Іоанновича, благодаря содѣйствію митрополита Алексія, удѣльные владѣтели терили свое прежнее значеніе, и области ихъ постепенно входили во владѣнія великаго князя. Умирая, свититель Алексій имѣлъ утѣшеніе видѣть князя Московскаго настолько сильнымъ, что онъ держалъ въ повиновеніи себѣ многихъ князей удѣльныхъ и въ состояніи былъ начать борьбу съ грозною нѣкогда ордою.

И на поприсѣ содѣйствія такому усиленію великокняжеской Московской власти, за время княженія героя Куликовской битвы, заявилъ себя горячимъ участіемъ изъ представителей тогдашняго духовенства не одинъ маститый свититель Алексій. На ряду съ величественнымъ образомъ сего свитителя предъ нами за это время воскресаетъ также образъ его современника и друга—знаменитаго игумена Радонежскаго Сергія, получившаго въ глазахъ великорусскаго народа значеніе покровителя, заступника и охранителя русскаго государства и церкви. Мы видимъ этого святаго игумена то въ положеніи грознаго посла отъ митрополита и великаго князя въ Нижній Новгородъ, запрещающаго здѣсь богослуженіе и затворяющаго храмы, чтобы заставить смириться князя Бориса Городецкаго, вздумавшаго оспаривать Нижегородскую область у своего брата Дмитрія Суздальскаго, и отказавшагося, вопреки волѣ великаго князя, явиться въ Москву на судъ²⁾; то въ положеніи тихаго примирителя

¹⁾ См. „Русс. Истор. Библіот.“, т. VI, приложенія, столб. 136—140.

²⁾ „Тогда прииде—повѣстствуетъ вѣтоликъ—отъ великаго князя Дмитрія Іоанновича игуменъ Сергій, зовучи князя Бориса Константиновича на Москву; онъ же не поѣха; игуменъ же Сергій затвори церкви“. См. Софійск. первую вѣтопись въ Пол. Собр. Русс. Лѣт., т. V, стр. 2306 св. Илль. Лѣт. ч. IV, стр. 16; подробно см. объ этомъ у Измайлова „Исторія Россіи“ т. II, М. 1884 г., стр. 90—91.

Дмитрія Іоанновича съ суровымъ Олегомъ Рязанскимъ, кроткими и благоувѣтливыми рѣчами успѣвъ его склонить послѣдняго къ вѣчному миру съ Москвою ¹⁾, то, наконецъ, въ качествѣ твердаго увѣщателя къ битвѣ съ полками Мамаевыми ²⁾.

Сынъ и преемникъ Дмитрія Донского, Василій Дмитріевичъ, котораго, согласно завѣщанію отца, дядя (Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Дмитрія) и братья должны были „читать и слушать, какъ брата старшего“ ³⁾, стоялъ вообще въ добрыхъ отношеніяхъ къ князьямъ удѣльнымъ, и господственное положеніе среди нихъ в. князя Московскаго при немъ возрасло еще болѣе. За то вскорѣ по его кончинѣ открылись въ потомствѣ Калиты княжескіе споры, грозившіе совершенно неспровергнуть утверждавшійся въ великомъ Московскомъ княженіи новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну.

Послѣ Василія Дмитріевича осталась десятилѣтній сынъ его Василій и четыре брата—Юрій, Петръ, Андрей и Константинъ. Трое послѣднихъ, какъ можно заключать по духовному завѣщанію великаго князя, еще при его жизни подчинились новому порядку Московскаго престолонаслѣдія и согласились признать своего племянника великимъ княземъ. Но князь Галичскій и Звенигородскій, Юрій Дмитріевичъ, не послѣдовалъ примѣру своихъ

¹⁾ См. Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 151; Карамз. „Истор. Госуд. Россійск.“ т. V, изд. 2-е Сиб. 1819 г. стр. 92 и прим. 105.

²⁾ См. Поли. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 78; Стен. кн. ч. I, стр. 494. Въ Куликовской битвѣ, по словамъ Соловьева, „обнаружился исполинскій шагъ впередъ, какой сдѣлало русское общество на пути государственномъ: тогда то открылось все превосходство новаго порядка вещей, вѣч. заслуга Москвы. По слову Моск. князя, сонмъ служебныхъ князей явился, каждый князь съ своими полками..; никто изъ князей не смѣлъ котороватися въ присутствіи великаго, и монголы были разбиты“. См. его соч. „Историч. отнош. между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр. 368.

³⁾ См. духов. грам. Дмитрія Іоанновича въ Собр. Госуд. Грам. и догов. т. I, № 34, стр. 58—62. „А писалъ есмь сю грамоту—сказано между прочимъ здѣсь—передъ своими отци, передъ игуменомъ—передъ Сергіемъ, передъ игуменомъ, передъ Севастьяномъ“.

братьевъ: задумавъ, очевидно, воспользоваться малолѣтствомъ племянника для собственныхъ притязаній на великое княженіе, онъ не хотѣлъ скрѣпить своимъ согласіемъ великокняжескаго завѣщанія; по крайней мѣрѣ, двѣ духовныя грамоты Василія Дмитріевича не имѣютъ его имени ¹⁾.

И вотъ, лишь только скончался Василій Дмитріевичъ, митрополитъ Фотій, снѣша принять мѣры къ утвержденію его юнаго сына Василія на великомъ княженіи, въ ту-же ночь отправилъ своего боярина въ Звенигородъ звать Юрія въ Москву для опредѣленія его отношеній къ новому великому князю Московскому. На приглашеніе посланника Юрій отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и удалцлся въ Галичъ, чтобы тамъ собрать полки и потомъ открыть свои враждебныя дѣйствія. Тогда, по общему совѣщанію, отправился въ Галичъ самъ митрополитъ Фотій, чтобы лично сдѣлать увѣщаніе непокорному князю—прекратить свои притязанія на престолъ великокняжескій и заключить миръ съ юнымъ Василіемъ. Разгнѣванный упорствомъ Юрія, митрополитъ оставилъ князя и городъ, не пренодавъ имъ своего свитительскаго благословенія. Немедленно послѣ ухода святителя—если вѣрить сообщенію лѣтописца—страшное бѣдствіе постигло Галичъ: губительная болѣзнь, уже свирѣпствовавшая въ разныхъ городахъ русскихъ, и въ самой Москвѣ, теперь открыла свои дѣйствія и здѣсь („і въ тои часѣ моръ велиій бысть на людѣ его во всемъ граде его“). Вразумленный бѣдствіемъ, Юрій тотчасъ-же отправился вслѣдъ за удалившимся святителемъ, упроеилъ его воротиться въ городъ, согласился имѣть миръ съ великимъ княземъ и, дѣйствительно, сейчасъ-же по уходѣ митрополита послалъ въ Москву двухъ бояръ для заключенія мирнаго договора. Въ договорныхъ грамотахъ онъ называлъ молодого

¹⁾ См. эти грамоты въ Соб. Госуд. Грам. и Договорамъ т. I, №№ 41, 42; грамоты писаны, „по благословенію Фотія митр. Кіевскаго и всия Русь“—одна въ 1423 г., другая—въ 1424 г.

племянника старѣйшимъ братомъ своимъ, и обязывался не искать собственною силою великаго княженія, по крайней мѣрѣ, до рѣшенія дѣла ханомъ ордынскимъ ⁹⁾.

Но стараніями Фотія только на время предотвращены были смуты междоусобія. Соперничество Юрія, который не замедлилъ вскорѣ расторгнуть мирный союзъ съ великимъ княземъ Московскимъ и успѣлъ на короткое время занять Московскій престолъ, было только началомъ распри въ потомствѣ Калиты. Борьба въ собственномъ смыслѣ, борьба сильная и опасная, возобновившая на Руси удѣльныя уособины съ ихъ гнусными жестокостями, открылась съ того времени, когда по смерти Юрія (въ 1434 г.) предъявилъ притязанія на великое княженіе сынъ Юріевъ, Дмитрій Шемяка. И для насъ важно отмѣтить, что въ обстоятельствахъ этой упорной борьбы представители нашего духовенства и монашества заявили себя такою широкою дѣятельностію въ пользу законныхъ носителей великокняжеской Московской власти, которая навсегда останется краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ ревностнаго служенія русскаго духовенства интересамъ великаго князя Московскаго. Во все время борьбы Василія Васильевича съ Шемякой духовенство въ лицѣ святителя Московскаго Іоны—достойнаго послѣдователя своихъ знаменитыхъ предшественниковъ XIV в. т. е. свв. Петра и Алексія,—а также въ лицѣ и другихъ своихъ представителей, безупречно стояло на сторонѣ законнаго великаго князя, и отъ его именно содѣйствія, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма сильной степени зависѣлъ благопріятный исходъ Шемякинской смуты. Отмѣтимъ наиболѣе крупныя проявленія этого содѣйствія.

Когда ослѣпленный (по кознямъ Шемяки) великій князь Василій Васильевичъ, благодаря настойчивымъ стараніямъ святителя Іоны—тогда еще Рязанскаго епископа—освобожденъ былъ Шемякой изъ Угличскаго за-

⁹⁾ См. Никон. Лѣт. ч. V, стр. 82—83; Собр. Госуд. Грам. и договор. т. I. №№ 48 и 44. Договорныя грамоты писаны въ 1428 г.

ключенія ¹⁾ и, получивъ въ удѣлъ Вологду, прибылъ отсюда въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, то—по разсказу лѣтописи—игумень этого монастыря „Трифонъ со всею братьею благослови великого князя Василья Васильевича и съ его дѣтми на великое княженіе, а ркучи тако: тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братии главахъ, что еси цѣловалъ и крѣпость давалъ князю Дмитрію; а понди, Государь, съ Богомъ и съ своею правдою на свою вотчину, на великое княженіе, а мы за тебя Бога молимъ и благословляемъ“ ²⁾. Въ томъ-же духѣ въ пользу Василія высказывается игумень Оераонтова монастыря—Мартиніанъ ³⁾. Подъ вліяніемъ этихъ побужденій, Василій Темный рѣшился дѣйствовать противъ Шемяки, и, дѣйствительно, вскорѣ (въ февралѣ 1447 г.) занялъ престолъ великокняжескій.

Послѣ этого оставалось оградить безопасность Василія отъ новыхъ притязаній соперника,—и представители духовенства не замедлили и на этотъ разъ проявить самую ревностную дѣятельность. Когда, не смотря на свой договоръ съ занявшимъ Москву великимъ княземъ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, Шемяка началъ снова домогаться Московскаго престола, соборъ духовенства съ свѣтителемъ Іоною во главѣ отправляетъ къ вѣроломному Шемякѣ грозное обвинительное посланіе. Посланіе замѣчательное, и мы считаемъ нужнымъ изложить здѣсь его содержаніе.

¹⁾ По убѣжденію Іоны, „князь Дмитрій Шемяка, събравъ епископы всей земли и честные игумены, и прозвѣтеры, и прѣхавъ на Угличе, и укрѣпивъ великого князя крестнымъ цѣлованіемъ и проклятыми грамотами, и выпусти его изъ помявѣи и съ дѣтми... и дастъ ему Вологду въ удѣлъ“... Новгород. четвертая лѣтопись... Пол. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 146; см. т. V, стр. 269.

²⁾ Пол. Собр. Лѣт. т. IV, стр. 146.

³⁾ См. „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи“ Иконникова. Киевъ 1869 г. стр. 336. Утвердившись на престолѣ, Василій немедленно вызвалъ Мартиніана въ Москву и поставилъ его игуменомъ Троицкой Лавры, надѣясь имѣть въ немъ твердую опору.

Въ начальныхъ строкахъ посланія ярко высказывается мысль о царственномъ единодержавіи, установленномъ на Руси Богомъ и „земскою изъ начальства пошлюю“¹⁾. Грѣхъ отца Шемяки, Юрія, незаконно помыслившаго о великомъ княженіи, пастыри сравниваютъ съ грѣхомъ человѣческаго праотца Адама, который, по внушенію сатаны, возымѣлъ въ своемъ сердцѣ желаніе равнобожества.

„Аще убо онъ великій, еже Божією рукою созданный первый человѣкъ, праотецъ нашъ Адамъ толико и таково самоиѣтельствомъ обоженія пострада и осуженію подданъ со всѣмъ человѣческимъ по немъ родомъ, даже и доселѣ въ ономъ осуженіи все мы пребываемъ: и тое убо прежнее, еже отъ божественнаго Писанія воспоминаухомъ ти. Къ тому-же и сіе бывшее въ наша времена, малымъ прежде сего, еже самъ множае иныхъ, или наче рещи, отъ всѣхъ человѣкъ ты тое болши вѣи, како отецъ твой князь Юрьи Дмитріевичъ коликое тѣніе имѣлъ на начальство Великого княженія, якоже и древній нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію“. И не смотря на все свои труды и заботы, онъ, однако, „княженія Великого никакоже не достигъ, что ему Богомъ не дано, ни земскою изъ начальства пошлюю“¹⁾. Подобно Юрію, и сынъ его старѣйшій Василій, „вѣсхотѣвшій княженія Великого не отъ Божія помощи и воли, но отъ своей гордости и высокомыслства“ и много „крови христіанскіе пролившій“, также не достигъ своей коварной цѣли: „не понусти ему всемогущій Богъ“²⁾.

Напоминая, такимъ образомъ, Шемякѣ, какъ напрасны были все усилія его отца и брата овладѣть великимъ княженіемъ, пастыри церкви переходятъ затѣмъ къ личности самого Шемяки и представляютъ цѣлый рядъ его собственныхъ злодѣйскихъ поступковъ по отношенію къ великому князю. Указавъ на неоднократныя

¹⁾ Акты Истор., т. 1, № 40, стр. 76.

²⁾ Ibid...

отказы со стороны Шемяки оказать помощь великому князю Василию при нашествии на Москву враговъ („безбожнаго царя Махмета“, а потомъ „безбожнаго царевича Мамотыка“), хотя „колькое пословъ своихъ посылалъ“ за нимъ князь Московскій, „также и грамотъ“ пригласительныхъ,—посланіе велѣдъ за этимъ въ такихъ сильныхъ словахъ обличаетъ первый коварный притязаніи князя Дмитрія на престолъ великокняжескій: „И тебе діаволъ на него (великаго князя) вооружилъ желаніемъ самоначальства, разбойнически, пощетатствомъ изгонити его, на крестномъ цѣлованьи; и сотворилъ еси надъ нимъ не менши прежнего братоубійицы Каина и окааннаго Святотолка“ ¹⁾. Правда, Шемяка успѣшно осуществилъ свои замыслы, но успѣхъ этотъ былъ самый мимолетный и привелъ лишь къ тому, что „нища и желая большего“, князь „изгубилъ и свое меншее“. Между тѣмъ, „Божією благодатію и неизреченными его судьбами... князь Великій оныи на своемъ государствѣ: пошеже—объясняетъ посланіе—кому дано что отъ Бога и того не можетъ у него отняти никто; ему же бо когда Богъ помогати въхошеть, и человекъ того озлобити не можетъ“ ²⁾. Но коварные помыслы не оставляютъ князя Дмитрія, и вотъ онъ снова приходитъ, „хотя наки изгонити своего брата старѣйшого Великаго Князя Василія Васильевича“, но оставленный божественною помощію, понадастъ самъ въ его руки, „якоже древній онъ гордый Фараонъ въ глубину моря“. Великій князь не захотѣлъ, однако, его погнѣбел: „не помняа“ его „къ собѣ лиха“, „пожаловалъ“ его, по его „челобитію, вотчину“ его далъ ему „и въ докончаніе принлъ“; съ своей стороны Шемяка „къ нему цѣловалъ честный и животворящій крестъ, что по тѣмъ докончальнымъ грамотамъ правити къ нему (в. князю) во всемъ, какъ что въ нихъ написано“ ³⁾. Многомятежная душа Шемяки не успокоивается и послѣ этого: онъ вѣроломно

¹⁾ Ibid., стр. 76—77.

²⁾ Ibid., стр. 77.

³⁾ Ibid...

нарушилъ свое крестное цѣлованіе. Коллективное посланіе сильно обличаетъ князя за это послѣднее нарушеніе клятвы. „Мы убо—писали ему пастыри—о прѣжстворенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ немного глаголемъ, еже ни во христіанѣхъ когда прѣжъ сего не есть сичево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоємъ преступленіи, и къ брату твоєму старѣйшему, къ Великому князю о твоємъ несправленіи, по крестному цѣлованію и по тѣмъ грамотамъ вашимъ, тебе сее нынѣшнее новое твое воспоминаемъ“—и затѣмъ подробно доказываютъ, что онъ не исполнилъ ни одного изъ условій послѣдняго клятвеннаго договора съ великимъ княземъ ¹⁾. „Или, господине—спрашиваютъ они—по нужи смѣемъ рещи, ослѣпила тя будетъ душевная слѣпота, возлюбленіємъ временныя и преходящія и помалѣ ни во что же бывающія чести и славы княженья и начильства, еже слышатися зовому и именовану быти княземъ Великимъ, а не отъ Бога дарованно“ ²⁾? Въ заключеніе пастыри умоляютъ Шемяку и требуютъ отъ него предъ своимъ „братомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ княземъ, исправитися во всемъ чисто“..., „цѣлованіе честнаго и животворящаго креста исполнити“ ³⁾..., „не въскладывати на себе высокомысльства, ни гордости начильства, еже что (ему) небогодаровано“..., „смириться съкрушеннымъ сердцемъ“ ⁴⁾—вообще требуютъ отъ него точнаго исполненія всѣхъ условій договора съ великимъ княземъ, обѣщая ему при этомъ свои молитвы предъ Богомъ и ходатайство предъ Василиємъ Васильевичемъ. Въ противномъ случаѣ его ожидаетъ грозное проклятіе. „Аще—пишетъ духовный

¹⁾ Ibid., стр. 78—81. Отмѣтимъ, что на обвиненіе Шемяки въ содержаніи в. княземъ татаръ („что татарове изневолиши нашу отчину Москву“) духовенство отвѣчаетъ: „а что татарове во христіанствѣ живутъ, а то ся чинитъ все твоего же дѣла съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ Великимъ княземъ неуправленія, и тѣ слези христіанскіе вси на тобѣ же“. Ibid., стр. 79.

²⁾ Ibid., стр. 79.

³⁾ Ibid., стр. 81.

⁴⁾ Ibid., стр. 82.

соборъ—въ своемъ жестокосердіи тако и хочещи пребыти и въ своей высокоцѣй мысли и не въ покаянномъ сердци, и тако не вѣсхочешъ смирити свою душу съкрушенною мыслію... и тако станешъ къ брата своего старѣйшаго Великаго Князя лиху и къ его крови, а ко христіаньскому неустроенію и погибели и брату своему старѣйшему Великому Князю челомъ не имешъ бити..., ино то не мы тобѣ учинимъ, на самъ на себе наложимъ тягость церковную духовную..., чужъ будешъ отъ Бога и отъ церкви Божіей, и отъ православна христіанскія вѣры, и чисти не имани съ вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости Божіей и Пречистыя Богоматери и силы того честнаго животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему... цѣловать, и по святымъ правиломъ проклятъ да будешъ отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ богоносныхъ Отецъ, отъ вѣхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, и въ конечную погибель да пойдешъ, съ прежними онѣми богомерзкими ерстники, временно же и будуще. Такожъ и нашего смиренія святительскаго и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ си вѣкъ, ни въ будущій, ни на тѣхъ на вѣхъ, кто иметъ тобѣ думати, и на ту кровь къ тобѣ приставати и побѣрати или сиѣшьствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на Великаго Князя лиху... и всего православнаго христіанства на неустроеніе и на не тишину¹⁾.

Грозное посланіе собора пастырей, направленное къ защитѣ правой власти и праваго дѣла, произвело на Шемяку должное дѣйствіе: онъ прибѣгнулъ къ великодушію великаго князя²⁾, хотя, по обычаю, и на этотъ разъ не долго хранилъ миръ.

¹⁾ Ibid., стр. 82—83.

²⁾ См. Договоръ заныкъ кн. Дмитрія Юрьевича (Шемяки) и его единомышленниковъ о посылкѣ съ прошеніемъ къ вел. князю Василію Васильевичу, дабы принялъ ихъ къ себѣ въ любовь и дружбу. Собр. Госуд. Гр. и договоровъ, т. I, № 67, стр. 149—150.

По поводу новыхъ козней Шемяки митрополитъ Іона разсылаєтъ (въ концѣ 1448 г.) окружную грамоту ¹⁾ ко всѣмъ „княземъ, и напомъ, и бояромъ, и намѣстникамъ, и воеводамъ, и всему кушо христонменному Господню людуству“. Здѣсь, упомянувъ коротко о коварствахъ Шемяки, „козникое (отъ него) лиха и запустѣнія земли нашей починилося“..., святитель пишетъ: „.....“И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадили себе вси православнии христіане, не токмо тѣлеснѣ, но наче душевнѣ... и послали бы есте и били челомъ своему Господарю Великому Князю о жалованьи, какъ ему Богъ положить на сердце. А не имете бити челомъ своему Господарю Великому Князю, къ конечной своей погибели, а затѣмъ кровь христіанская прольется, и та вся кровь христіанская на васъ отъ Бога взыщется..., да того ради и милости Божіе и своего христіанства чужии будете, и нашего смиренія благословенія и молитвы, также и всего великаго священства Божія благословенія не будетъ на васъ... Коли вашимъ ожесточеньемъ еще кровь христіанская прольется, тогда ни христіанинъ кто будетъ именуеся въ вашей земли, ни священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія“.—Митрополитъ и цѣлый соборъ святителей сопутствовали вел. князю Московскому въ походѣ противъ Шемяки, чтобы, лично приеутствуя въ великокняжескомъ станѣ, удобнѣе дѣйствовать своими обличеніями на клятвопреступника ²⁾.

Разбитый на голову войсками Василя, преслѣдуемый обличеніями и проклятiями духовенства, виновникъ смуты бѣжалъ въ нерасположенный къ Москвѣ Великій Новгородъ, искать защиты у вольныхъ Новгородцевъ, не разъ принимавшихъ у себя разныхъ князей—изгнанниковъ. Безпокойный врагъ великаго князя Московскаго не ошибся въ расчетѣ: нашедши себѣ притонъ у сыновъ вольнаго города, онъ началъ собирать новыя силы

¹⁾ См. эту грамоту въ Акт. Истор., т. I, № 43, стр. 86—87.

²⁾ Пол. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 178; Срем. кн. ч. II, стр. 23, 81.

и выступилъ снова противъ Василія. Впрочемъ, и здѣсь, въ предѣлахъ самого свободолюбиваго Новгорода, непокорный Шемяка встрѣтилъ обличеніе незаконности своихъ стремленій. Обличеніе это пришло къ нему выслушать въ Клопскоѣ Монастырѣ (въ 20-ти верстахъ отъ Новгорода, на берегу рѣки Веряжи), гдѣ около этого времени успѣло замѣтно свѣтлѣе гнѣздо приверженности къ ненавистной для Новгородцевъ Москвѣ, и откуда не разъ раздавался голосъ сочувствія Московскимъ политическимъ идеямъ. Но крайней мѣрѣ, ближайшее по времени преданіе, выразившееся въ одной изъ первоначальныхъ редакцій житія преподобнаго Михаила Клопскаго, въ яркихъ краскахъ представляетъ намъ этого преподобнаго проводникомъ Московскихъ идей въ Новгородѣ, представляетъ такимъ лицомъ, вокругъ котораго и благодаря которому могла основываться и плодиться въ Новгородѣ партія въ пользу Москвы. Въ этомъ-то преподобномъ, которому житіе приписываетъ такое грозное для Новгородцевъ пророчество объ уничтоженіи ихъ вольности Великимъ Княземъ Москвы, нашелъ для себя обличителя и Дмитрій Шемяка. „И приѣхалъ—разсказывается въ житіи Михаила первоначальной редакціи—на Клопско (князь Дмитрій Юрьевичъ) у Михаила благословится и рече: бѣгаю свои отчизнѣ збылъ мя великого князя. И Михаила рече: всеу тружаещея княже чего Богъ не дасть и не бысть Божия пособья князю. И въ то время спросили у Михаила (сочувствовавшіе Шемякѣ Новгородцы и, очевидно, интересовавшіеся ходомъ его дѣла): пособилъ Богъ князю Дмитрею и Михаила рече: заблудили наши и они записали тотъ день“. А въ другой приѣздъ князя въ монастырь, когда „проводить почали князіа сьмонастыри“, то „Михаила за голову князя погладит да молвитъ: княже земля воинствъ и трижды молвитъ аж князь каноунъ Ильина дня преставился“¹⁾. Съ такой

¹⁾ См. Извѣст. Некрасова: „Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси“. Прилож. № 1: „Первичная редакція жизнеоп. Михаила

горькой ироніей отнесся къ Шемякѣ преподобный послетель Московскоіи идеи объ объединеніи русской земли.

Не оставилъ въ покоѣ бѣжавшаго въ Новгородъ виновника смуты и святитель Московскій Іона. Много посланій, какъ самъ онъ свидѣтельствуеъ въ одномъ изъ нихъ, и много пословъ съ рѣчами и грамотами было отправлено имъ къ архіеи. Новгородскому Евонмію съ требованіемъ отъ послѣдняго позаботиться о прекращеніи козней князя Дмитрія и удержать отчину великаго князя Василія отъ измѣны ¹⁾. Самъ же онъ не прекращалъ своей дѣятельности въ пользу интересовъ законной великокняжеской Московской власти и послѣ смерти Шемяки, стараясь обезопасить великаго князя и отъ козней Шемякинскихъ приверженцевъ. Въ этихъ видахъ онъ отправляетъ посланіе къ епископу Смоленскому Мисанлу, отъ котораго требуетъ заботы о томъ, чтобы отъ бѣжавшаго въ Литву единомышленника Шемяки, князя Ивана Можайскаго, „и отъ его людей въ вотчинѣ Великаго князя, наkosten какіе не было, и его братьи молодшей вотчинамъ и всемъ украинымъ мѣстомъ ²⁾... Къ посводамъ и жителямъ Вятки, составлявшей отчину Шемяки и послѣ

Кюпскаго по списку XVI в. библиот. Волоколам. монастыря“, стр. 8 (мы напѣтали нѣсколько въ своей выпискѣ текстъ редакціи, опустивши надстрочные знаки и буквы, написанныя въ титлѣ, или надъ словомъ, внесенны въ самое слово); см. краткое житіе Михаила въ рукоп. сборн. XVI—XVII вв. Кіев. Дух. Акад. подъ знак. О. 4. 79, л. 183 об. и л. 184.

¹⁾ „И коликое послокоъ нашихъ о томъ бывало отъ нашего смиренія къ тобѣ... чтобы еси, по своему святительскому долгу, о томъ попечение имѣлъ, чтобы еси отчинѣ сына моего Великаго Князя Василія Васильевича, своимъ дѣтемъ, Великому Новгороду, говорилъ и духовно бы еси ихъ наказывать, чтобы себе въ томъ поберегли душевнаго ради своего спасенія и въ будущій въ приходящій страшный день судный грознаго отвѣта, а нѣлѣшнаго ради временнаго устроенія и тишины; и колкое о томъ къ тобѣ... пословъ еси посылалъ съ нашими рѣчами и грамотами...“ Посланіе Іоны Новг. архіеи. Евонмію въ Акт. истор. т. I, № 53, стр. 101—103; см. также его посланіе къ тому же Евонмію о князѣ Дмитріи Шемякѣ въ Акт. Археогр. Экспед. т. I, № 372, стр. 464—465.

²⁾ См. Акты Истор. т. I, № 56, стр. 103—104. Этимъ письмомъ Іона давалъ понять, что нужно всячески отклонять Литовскія власти отъ оказанія какой либо помощи князю Можайскому противъ Москвы.

его смерти не перестававшей возмущаться противъ великаго Московскаго князя, митр. Иона посылаетъ строгое посланіе, въ которомъ обличаетъ Вятскихъ гражданъ за то, между прочимъ, что они „своему Господарю Великому князю грубить и пристають къ его недругамъ... и съ отлученнымъ отъ Божіа церкви съ княземъ Дмитріемъ съ Шемякою приходили многожды на Великого Князя вотчину, на Устюгъ, на Вологду, на Галич“ и проч.; убѣждаетъ ихъ „отъ своего злаго дѣла престати... а Господарю своему Великому князю челомъ добити“; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ имъ временнымъ и вѣчнымъ отлученіемъ „отъ Божіа церкви, отъ православнаго христіанства“¹⁾. Въ то же время ревностный архипастырь отправляетъ посланіе и къ духовенству всей области Вятской съ упреками и обличеніями за нерадѣніе о прекращеніи безпорядковъ въ ихъ паствѣ²⁾. Словомъ, митрополитъ Иона былъ усерднымъ сторонникомъ Василія Васильевича въ его борьбѣ съ соперниками и воспользовался всею силою своей духовной власти, чтобы поддержать объединительныя и самовластныя стремленія великаго князя Московскаго, котораго онъ называетъ не братомъ, а „Господаремъ“ удѣльныхъ князей³⁾.

Итакъ, великая опасность, скрывавшаяся въ коварныхъ замыслахъ Дмитрія Юрьевича Шемяки и грозившая разрушить утверждавшійся въ Московской Руси новый политическій порядокъ, имѣла благоприятный для законныхъ владѣтелей Московскаго престола исходъ, благодаря главнымъ образомъ именно содѣйствію представителей тогдашняго духовенства. Последній бурный взрывъ митейнаго удѣльнаго духа, такимъ образомъ, не достигъ того, къ чему былъ направленъ; ему не удалось погубить выступившихъ въ лицѣ великихъ Московскихъ князей новыхъ началъ политической жизни,

¹⁾ Посланіе см. въ Акт. Истор. т. I, № 261, стр. 490—491.

²⁾ Акт. Истор. т. I, № 261, стр. 491—492.

³⁾ См. отмѣченное уже нами посланіе Ионы къ еписк. Смолен. Мисаилу. Акт. Истор. т. I, № 56.

не удалось „потушить—какъ выражается одинъ историкъ—свѣчи Московскаго единства“¹⁾; напротивъ, онъ послужилъ еще къ большому распространенію могущественнаго свѣта этой Московской свѣчи. „Шемакинская смута—скажемъ словами другого историка—наглядно показала, какіе глубокіе корни пустилъ прямой порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, вмѣсто прежнихъ родовыхъ счетовъ о старшинствѣ... Вмѣстѣ съ побѣдою этого порядка успливались и единодержавіе и самодержавіе великаго князя Московскаго, такъ—что и самыя междоусобія княжескія на будущее время сдѣлались мало возможны“²⁾. Авторитетное слово духовенства со святителемъ Іоной во главѣ, его заботы о земскомъ благоустройствѣ и тишинѣ успокоили всенхнувшую бѣду, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо возвысили и власть Московскаго князя до степени „великаго Государя Русскаго“, „великаго Государя Земскаго“, „великаго Оснодаря“ по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, „всѣа Русскія земли самодержца“ и даже „царя русскаго“, какъ называютъ представители духовенства Василія Васильевича въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ этого времени³⁾. Позднѣйшій лѣтописецъ, по поводу

¹⁾ Забѣлихъ „Взглядъ на развитіе Моск. единодержавія“. Истор. Вѣстн. 1891 г., № 1, стр. 519.

²⁾ Изюмскій, „Исторія Россіи“ т. II, М. 1884 г., стр. 245.

³⁾ См. посланія митр. Іоны: посланіе къ Псковичамъ—Акт. Истор. т. I, № 60, стр. 107; посланіе къ Новгороду—Ibid., № 44, стр. 87—92; посланіе къ еписк. Смолен. Мисаилу—Ibid., № 56, стр. 103—104; окружное послан. Литов. епископамъ—Ibid., № 63, стр. 112—114 и др.; см. также соборн. грамоту русск. епископовъ о подсудности ихъ митр. Іонѣ—Ibid., № 61, стр. 108—110; повинную грам. Арх. Ростов. Феодосія 1455 г.—Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 599; см. житіе Кирилла Бѣлозер. написан. Пахоміемъ въ началѣ 2 полов. XV в. (см. Ключев., стр. 158—159)—Рукоп. сборн. библ. Киев. Духовн. Акад. подъ знак. Ая 106, л. 102 об. (Вас. Вас. наз. „самодержцемъ“). Въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ статья подъ заглавіемъ: „Синтоу изъ Іерусалимской земли“, находящаяся въ полууставномъ сборникѣ XV в. библіот. Кирилло—Бѣлоз. монастыря, нумѣ С.-Петерб. Дух. Акад. № 11—1088, въ послѣдствіи статьи Василій Васильевичъ назыв. „великимъ самодержцемъ“. См. Сочин. Н. С. Тихонравова, т. I, М. 1898 г., примѣч. стр. 17—18.

подвиговъ вел. князя Василія Темнаго въ устраниеніи своихъ соперниковъ, дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „и тогда въ державныхъ, иже въ рустьѣи земли, упраниися всяка крамола и враждованіе, и оттолѣ юшшіи князи къ старѣйшимъ быша послушливы, а вѣщшіи Богомъ укрьбіиемы, славою и честію вѣщающесея державствующе, и рогъ царствія ихъ возвышашесе“ ¹⁾. Последнимъ остаткамъ прежняго удѣльно-вѣчевого порядка политической жизни не долго пришлось послѣ княженія Василія Васильевича пользоваться, такъ сказать, правами независимаго существованія, и не далѣе, какъ при сынѣ и преемникѣ Темнаго, Іоаннѣ III Васильевичѣ, самые крупныя изъ этихъ остатковъ должны были сдѣлаться достояніемъ единого Московскаго государства съ его единымъ полновластнымъ Государемъ во главѣ.

Новгородскій архіепископъ Іона—какъ рассказываетъ свѣдѣтель житія его—въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, предъ которымъ онъ ходатайствовалъ о свободѣ своего вѣчевого города, пророчески говорилъ этому князю: „тебѣ самому днѣе приближаются скончанію; сынови-же твоему Іоанну хоругви русскія содержать; о семъ молитвы со вѣми своими ко всецѣльному Богу возносити потщуся, иначе-же свободу сынови твоему отъ ординьскихъ царей пріяти отъ Бога испрошу за свободу града моего еже отъ тебе; еще же молитвою Господени возвысити десницу сына твоего надъ вѣми, и покорити ему вся сопостаты его, и болши прародителей прославитися властію, и укрьвитися княженію въ руку его, и простертися силы его на многіи страны великіи, еже пріяти ему“. Предвидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ святитель и печальную судьбу, ожидающую сыновъ вольнаго города, предвидѣлъ, что „усобицы смятуть ихъ и раздѣленіе низло-

¹⁾ Степени. книга ч. II, стр. 24.

жить ихъ, и злость неправды расточить, и лукавство зависти развѣсть ихъ" ¹⁾.

Пророчесвенныя слова Новгородскаго владыки, а равно и его предчувствіе относительно судьбы вольнаго Новгорода напши для себя полное оправданіе въ самой дѣйствительности, какую представило время княженія сына и наслѣдника Василія Темнаго, Іоанна III-го, явившагося настоящимъ собирателемъ русскихъ областей въ одно великое государственное цѣлое, и настоящимъ, ни отъ кого независимымъ, государемъ всея Руси, которая при немъ съ полнымъ правомъ могла сознать свою силу и могущество.

Время княженія Іоанна Васильевича III-го справедливо называютъ эпохой, составляющей переломъ въ русской исторіи. „Эта эпоха—замѣчаетъ Костомаровъ—завершаетъ собою все, что выработали условія предшествовающихъ столѣтій, и открываетъ путь тому, что должно было выработаться въ послѣдующія столѣтія. Съ этой эпохи начинается бытіе самостоятельнаго монархическаго русскаго государства“ ²⁾. Предшествовавшее время, можно сказать, подготовило для этого твердую почву, носило на этой почвѣ здоровое сѣмя новаго строя государственно-политической жизни, путемъ ревностныхъ заботъ и усилій дало возможность этому сѣмени превратиться въ значительное, глубоко устоявшее свои корни, дерево—и теперь нужно было довести это

¹⁾ Житіе Іоанн. Рук. Собр. Кіев. Дух. Академіи Аз 118. л. 53 об. и л. 54; „Памяти. Стар. Русс. Литер.“, изд. Кушел.—Безбор., ч. IV, стр. 32.

²⁾ „Русс. исторія въ жизнеопис. ея главнѣйш. дѣятелей“. Вып. II, Спб. 1874 г., стр. 241. „Московское княжество,—говоритъ Ключевскій,—удѣльное по происхожденію, въ XIV в. ставшее великимъ по своимъ успѣхамъ, сдѣлалось національнымъ великорусскимъ государствомъ по своимъ территоріальнымъ границамъ при Иванѣ III и его ближайшихъ пріемникахъ: таковъ коренной фактъ, оправдывающій привычку нашей исторіографіи класть грань новаго историческаго періода въ началѣ княженія Ивана III“. „Южнорусскія думы древ. Руси“, М. 1882 г., стр. 267; см. также „Русс. исторія“ Бестужев-Рюмина т. II, Спб. 1885 г. стр. 143.

дерево до полного роста, помочь его ныншему расцвѣту, для чего требовалось вырвать послѣдніе остатки виднѣвшихся тамъ и сямъ около него старыхъ, лишенныхъ жизненныхъ соковъ, растеній. Сдѣлать это послѣднее и выпало на долю названнаго сына и преемника Василія Темнаго. Его „политика,—говорить объ Іоаниѣ III Изовайскій,—строго слѣдовала по пути, намѣченному предыдущею исторіею; онъ неуклонно двигалъ далѣе или приводилъ къ концу важнѣйшія начинанія своихъ предшественниковъ... Иванъ III представляется намъ основателемъ того истинно-государственного строя, которому отнынѣ подчинилась вся русская земля и которому она обязана своимъ послѣдующимъ величіемъ“ ¹⁾. „Онъ первый—характеризуетъ того-же государя историкъ Соловьевъ—получилъ названіе Грознаго, потому что первый явился для двора и народа монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недостигаемой высоты, предъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ“ ²⁾. „Мы,—говорилъ однажды о себѣ Іоаниѣ Васильевичъ кавалеру Понцелю, послѣ австрійскаго императора (Фридриха III-го) и его сына Римскаго короля Максимилиана, предлагавшему ему просить царскаго титула у цезаря Римскаго,—мы Божіею милостію государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впредь далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государя въ своей землѣ, и поставленія ни отъ кого не хотѣли, и теперь не хотимъ“ ³⁾.

¹⁾ „Исторія Россіи“ т. II, М. 1834 г., стр. 436, 528.

²⁾ „Истор. отнош. между русскими князьями Рюрикова дома“ М. 1847 г., 529—531.

³⁾ См. „Истор. Россіи съ древнѣйш. временъ“ Соловьева, т. V, стр. 1490.

Такъ высоко было его царственное самосознаніе! И справедливость требуетъ сказать, что въ самой дѣйствительности этотъ государь находилъ все основанія для того, чтобы сознать себя самостоятельнымъ властелиномъ объединившагося подъ его единою властію и независимаго ни отъ чего сторонняго государства русскаго. Ревностный поборникъ единодержавія, съ усердіемъ продолжавшій старую систему медленнаго уничтоженія самостоятельности вѣчевыхъ общинъ и удѣльныхъ князей, Іоаннъ Васильевичъ III съ полнымъ усердіемъ выполнялъ вынавішія на его долю задачи по отношенію къ дѣлу, начатому когда-то братьями Даниловичами. Онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ шагъ, который по всей справедливости доставилъ ему одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ историческомъ ряду Московскихъ князей—поборниковъ вѣшняго объединенія русскихъ областей подъ ихъ единодержавною и самодержавною властію. Ему именно изъ великихъ князей Московскихъ принадлежитъ роль, такъ сказать, устранителя послѣднихъ значительныхъ остатковъ стариннаго политическаго быта русской земли, издавна представлявшихъ сильный тормазъ на пути къ достиженію цѣлей, поставленныхъ себѣ Московскими властителями. Мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ уничтоженіе свободы и политической независимости тѣхъ вольныхъ русскихъ земель и городовъ, которые всегда были предметомъ вниманія стремившейся къ возвышенію и главенству Москвы,—тѣхъ земель и городовъ, гдѣ царилъ самоуправное вѣче и куда постоянно обращенъ былъ недвѣрчивый и строгій взглядъ Московскаго правительства. Изъ нихъ особенное противодѣйствіе политическимъ планамъ носителей Московской великокняжеской власти всегда оказывалъ свободолюбивый Господинъ Великій Новгородъ, горячо отстаивавшій свои старинныя права на независимый отъ сторонняго вмѣшательства образъ общественно-политической жизни во всѣхъ ея формахъ и отправленияхъ. За Новгородомъ въ

томъ-же направленіи слѣдовать Псковъ, который долго входилъ въ составъ волости перваго, какъ его „пригородъ“, и, ставъ вольнымъ городомъ въ XIV в., устроился по образцу своего старшаго брата. Тѣмъ-же духомъ политической свободы и независимости проникнуты были Пермь, Витекая область. Расположенные по границамъ русскаго государства, все эти города и области позже другихъ могли подчиниться власти Москвы: съ другой стороны, издавна привыкли жить по всей своей волѣ, они долго не соглашались признать надъ собою власти Московскаго Государя. Ослабѣвая отъ междоусобицъ войнъ и не имѣя силъ противиться возрастающей и становившейся все болѣе и болѣе могущественной власти государей Москвы, нѣкоторые изъ этихъ городовъ (какъ это перѣдко дѣлалъ Новгородъ) вступали въ союзъ съ сосѣдними иностранными государствами и, такимъ образомъ, нарушая единство русской земли, съ тѣмъ вмѣстѣ нарушали и ея спокойствіе. Правда, Москва не разъ давала имъ чувствовать тяжесть своей властительской руки ¹⁾, но тѣмъ не менѣе до времени Іоанна III она не успѣла совершить полного и окончательнаго подчиненія себѣ этихъ противниковъ единодержавныхъ и самодержавныхъ стремленій ея великихъ князей. Въ 1472 г. Іоаннъ Васильевичъ расширилъ предѣлы своей волости присоединеніемъ къ ней отнятой имъ у Новгорода Перми. А черезъ шесть лѣтъ послѣ этого совершилось окончательное паденіе и самого Новгорода великаго. Въ 1478 г. названный государь сдѣлалъ рѣшительный шагъ къ достиженію того, чего такъ долго домогалась Москва по отношенію къ этому городу. Цѣлыхъ полтора вѣка под-

¹⁾ Новгородской самобытности сильный ударъ нанесенъ былъ Василиемъ Темнымъ въ 1456 г.; по заключенному на этотъ разъ вел. княземъ Яжелбицкому договору съ Новгородомъ, между прочимъ, вѣченыя судныя грамоты въ Новгородѣ отнялись, вѣче не могло перерѣшать суда княжескаго; поэтому въ судныхъ дѣлахъ Новгородская печать замѣнялась великокняжеской. См. Карамз. „Истор. Госуд. Россійск.“ изд. 2-е Спб. 1819 г. т. V, прим. 361.

тачивала она его политическую самостоятельность—и вотъ теперь окончательно выполнила свое желаніе. По требованію своего покорителя, Новгородцы должны были отказаться отъ всѣхъ своихъ старинныхъ вольностей; прежняго Великаго Новгорода не стало: въ его стѣнахъ поселились другіе люди съ другими правами и понятіями, а его прежніе свободные сыны поселины въ другой землѣ съ удѣломъ — забывать дорогое для ихъ сердца прошлое. Въ 1489 г. была окончательно подчинена Московской власти Вятка, при чемъ съ ея жителями Московскій государь поступилъ такъ-же, какъ и съ Новгородцами: онъ вывелъ изъ Вятской области землевладѣльцевъ, а на ихъ мѣсто послалъ помѣщиковъ Московской земли. Только Псковъ пощадилъ до поры до времени Іоаннъ Васильевичъ, и это потому лишь, что онъ „держалъ слово великаго князя и жалованье грозно и честно надъ собою“. Да и что собственно значило то, что здѣсь продолжало еще существовать нѣче и продолжалъ звонить вѣчевой колоколъ? Это была одна лишь пустая форма старины, на дѣлѣ совершенно безвредная для власти Іоанна надъ покорнымъ ему городомъ: Псковъ сохранялъ только тѣнь своей самостоятельности.

Приблизивъ, такимъ образомъ, къ полному окончанію дѣло собиранія Руси во единое Московское государство подъ единою властію великаго Московскаго князя, Москва за время Іоанна III успѣла уничтожить и послѣднюю тѣнь зависимости русской земли отъ того, такъ долго тяготѣвшаго надъ нею, ненавистнаго ига, какое удалось наложить на нее, среди царившихъ въ ней безпорядковъ удѣльно-вѣчевой системы политической жизни, татарскимъ ханамъ. Да и пора уже была показать этимъ, называвшимся на Руси ея царями, азиатскимъ повелителямъ нѣкогда сильной, а теперь пришедшей къ полному ослабленію орды¹⁾,—пора была по-

¹⁾ Когда вступилъ на великокняжескій престолъ Іоаннъ Васильевичъ, орда татарская не представляла уже изъ себя единого нераздѣльнаго царства. Въ это время она окончательно распалась на три главных

казать имъ, что русскія земли, собравшіяся теперь во едино подъ верховною властію ихъ данника—великаго князя Московскаго, представляютъ собою цѣлостное государство, настолько богатое внѣшними и внутренними силами ¹⁾, что кака-бы то ни было зависимость этого государства отъ чуждаго повелителя являлась-бы несоответствующею его создавшемуся положенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и положенію его собственнаго государя—владельца, который вполне могъ теперь замѣнить по отношенію къ Руси власть хана своею собственною властію. Словомъ, пора была показать ордынскимъ повелителямъ, что Русь не можетъ уже выносить и тѣни ихъ незаконнаго надъ нею владычества. И это важное въ нашей исторіи событіе, событіе окончательнаго сверженія Монгольскаго ига, совершилось въ 1480 г. и при томъ со-

орды: Золотую, Казанскую и Крымскую. Кроме того, „по мѣрѣ ослабленія главной орды, появились на сцену одна за другой болѣе мелкія орды и, наконецъ, разрозненныя въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ чепельскія наики татаръ, бродившія по степямъ и выматривавшія себѣ добычу“. См. „Исторія борьбы Москов. государ. съ Польско-Литов.“ Карпова. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1866 г., кн. III, стр. 99.

¹⁾ Замѣтить, что самое татарское нашествіе было однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ, заставлявшихъ думать о сосредоточеніи силъ, о внутреннемъ единствѣ противъ иноплемennаго господства. „Сколько можно видѣть изъ лѣтописи—говорить Пыпинъ—о татарахъ послѣ трагическаго Калскаго побоища не думали и сами князья; не было мысли о томъ, что страшный народъ можетъ вернуться и что надо было бы приготовиться къ новой случайности; не видно, чтобы въ самомъ населеніи, гдѣ была еще вѣчная жизнь, возникала подобная забота. Послѣ перваго нашествія опять продолжается прежняя удѣльная неурядица... Какъ будто не было никакой мысли о цѣломъ отечествѣ въ той средѣ, которая правила его судьбами; если на первый разъ князья (хотя не все) соединились для общаго отпора, то второе нашествіе захватило ихъ врасплохъ и одно княженіе погибало за другимъ. Этотъ складъ разъединеннаго быта и составилъ первое отрицательное основаніе для послѣдующаго сосредоточенія русской земли“. „Ист. русск. литер.“ т. I, Сиб. 1898 г., стр. 204—205. Исходившіе изъ среды церковныхъ учителей призывы къ защитѣ христіанской вѣры противъ поганыхъ агаритъ (преп. Сергій Радонежскій, арх. Ростов. Вассіанъ и др.) съ своей стороны сильно возбуждали и утверждали въ князьяхъ и народѣ мысль о необходимости сосредоточенія народныхъ силъ для вѣчнаго обезпеченія національной жизни.

вершилось тихо и мирно, безъ особенной напряженной борьбы и безъ всякаго кровопролитія.

Итакъ, вотъ какія важныя политическія перемѣны совершились на Руси въ княженіе великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича III. Русь, можно сказать, окончательно объединилась въ одно государственное цѣлое подъ единою верховною властію государя Московскаго, окончательно освободилась отъ чуждаго владычества татарскихъ царей и, такимъ образомъ, явилась въ образѣ государства, сильнаго въ самомъ себѣ, и независимаго отъ нѣ. А представитель и глава этой объединившейся и независимой русской земли—великій князь Московскій—могъ теперь съ полнымъ правомъ назвать себя ея полновластнымъ государемъ, единая и могучая власть котораго чувствовалась повсюду среди всецѣло подчинившихся ему различныхъ русскихъ земель и городовъ. Изъ борьбы съ послѣдними крупными пренятствіями, стоявшими на пути его стремленій къ окончательному утвержденію въ своемъ лицѣ новаго политическаго порядка, онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

Но и въ этой послѣдней значительной борьбѣ съ издавна существовавшими пренятствіями для полного осуществленія политическихъ плановъ великокняжеской Московской власти, стремленія и успія носителя этой послѣдней не стояли, такъ сказать, одиноко, не лишены были нѣкоторыхъ значительныхъ опоръ, выдвигавшихся изъ самой окружавшей его общественной среды. И одна изъ такихъ опоръ не являлась новой: она была хорошо знакома для великокняжеской Московской власти и, въ частности, для Іоанна Васильевича, по долгому существовавшему историческому опыту, и въ особенности по опыту не такъ давно минувшихъ временъ княженія Василія Васильевича Темнаго. Опора эта—русское духовенство, великая могущественная сила тогдашней Руси. Уже и прежде такъ осязательно заявившее себя и проповѣдью, и дѣломъ въ пользу интересовъ великихъ

князей Москвы среди многочисленных опасностей, угрожавших утверждавшейся въ ихъ лицѣ новой формѣ государственнаго правленія, оно и теперь, при Іоаннѣ III, за время усилій великокняжеской Московской власти къ устраненію послѣднихъ значительныхъ препятствій, мѣшавшихъ полному осуществленію ея политическихъ стремленій,—оно и теперь въ лицѣ главныхъ своихъ представителей—митрополитовъ всероссійскихъ по прежнему выступило горячимъ сторонникомъ государя Московскаго и его единовластительскихъ цѣлей. Увѣщательныя грамоты по вольнымъ русскимъ областямъ, ратовавшимъ противъ притязаній великаго князя Московскаго и не хотѣвшимъ признать надъ собою его власти,—грамоты, убѣждающія признавать и чтить власть этого великаго князя, не измѣнять ему и относиться къ нему, какъ законному Государю всея Руси и Помазаннику Божію,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ старались помочь указаннымъ высшіе представители нашего духовенства великокняжеской Московской власти въ ея стремленіяхъ къ уничтоженію на Руси послѣднихъ крупныхъ остатковъ удѣльно-вѣчевого порядка политической жизни. Неизвѣстно точно, насколько эти увѣщательныя грамоты или посланія имѣли успѣхъ. Но все-же можно думать, что онѣ производили не малое впечатлѣніе на умы и сознаніе жителей тѣхъ городовъ и областей, куда посылались, уже въ силу того высокаго нравственнаго авторитета, какимъ облечены были служители церкви въ представленіяхъ религіознаго русскаго народа; все-же возможно и законно съ нашей стороны предположеніе, что, какъ внушенія высшей церковной власти, къ которой народъ нашъ всегда относился съ благоговѣніемъ, эти грамоты въ нѣкоторой мѣрѣ облегчали Москвѣ дѣло подчиненія ея власти вольныхъ городовъ. Если онѣ и не достигали въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ сказать, частнаго фактическаго успѣха, то, безъ всякаго сомнѣнія, вообще-то служили однимъ изъ сильныхъ провод-

ликовъ въ общественное сознаніе мысли о верховномъ господствѣнномъ положеніи великаго князя Московскаго.

И не одни только высшіе представители духовенства—митрополиты заявили себя горячими сторонниками интересовъ Москвы и ея великокняжеской власти въ данное время и въ данномъ направленіи. Велѣдъ за ними и другіе высшіе и низшіе представители той-же великой тогда общественной силы сознавали необходимость проявить свое содѣйствіе выполненію политическихъ стремленій Московскаго Государи, старались такимъ или инымъ путемъ помочь успѣшному развитію и прочному укорененію въ общественномъ сознаніи государственно-политическихъ идей Москвы, которая не могла еще похвалиться отсутствіемъ у нея противниковъ.

Въ чемъ-же, частіе, выразилось со стороны различныхъ представителей русскаго духовенства ихъ содѣйствующее участіе въ развитіи Московскаго единодержавія и самодержавія за указанное время, какъ именно время настойчивыхъ усилій Московскаго правительства къ уничтоженію послѣднихъ вѣщныхъ препятствій для полнаго утвержденія въ лицѣ великаго князя Москвы новыхъ началъ государственно-политической жизни?

Когда со стороны Москвы собиралась надъ Великимъ Новгородомъ грозная туча, ясно показывавшая, что скоро ударить послѣдній часъ Новгородской вольности, что великій князь Московскій готовится къ послѣдней рѣшительной борьбѣ съ этимъ давнишнимъ врагомъ своихъ единодержавныхъ и самодержавныхъ стремленій, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ, чтобы окончательно разбить вольный политическій строй названнаго города и со всею силою положить на него свою единовластительскую руку, а Новгородскіе патріоты, во главѣ которыхъ стояли Боревскіе, дѣти умершаго посадника, вдохновляемые матерью своею Марою, раздумывали надъ средствами, какъ-бы дать отпоръ властительскимъ притязаніямъ Москвы, какъ-бы

отстоять предъ этими притязаніями свои старозавѣтныя излюбленныя права, и съ этою цѣдію—уотребляя выраженіе писателя житія Новгор. архіеп. Евонмія—„хотяху отложитися отъ державы святопомазанныхъ самодержателей россійскихъ и мысляху предатися въ повиновеніе Латинскому крало“¹⁾),—за это тревожное и страшное для Новгородцевъ время приходитъ къ нимъ два замѣчательныхъ посланія митрополита Московскаго Филліна съ убѣжденіемъ покориться великому князю Московскому, не отлагаться отъ него, не вступать въ союзъ съ иновѣрнымъ королемъ и не измѣнить православной вѣрѣ.

Архинеастьрь представлятъ сынамъ вольнаго города, что съ самыхъ первыхъ временъ существованія земли русскія, начиная отъ славнаго равноапостольнаго „Володимера, познавшаго православную истинную христіаньскую вѣру и крестившаго всю Рускую землю святымъ крещеніемъ“ и донынѣ Великій Новгородъ составлять и составляетъ „отчину господарей православныхъ—великихъ князей русскихъ“. „Отъ тѣхъ мѣсть и до сѣхъ мѣсть—виунаеть онъ Новгородскимъ гражданамъ—они естъ Господари христіаньстін рустін и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи чолшны; а жалуютъ, держать васъ, свою отчину, въ докончаніи и въ крестномъ цѣлованіи въ старинѣ, а вамъ ихъ, господь своихъ, держати ими ихъ честно и грозно безъ обиды“²⁾. Указавъ на частыя измѣны со стороны Новгородцевъ не разъ даваемому ими крестному цѣлованію—держати ими великихъ князей честно и грозно,—описавъ, въ частности, „многая несправленія“, учиненныя ими по отношенію къ Іоанну Васильевичу, жаловавшему свою отчину по примѣру своихъ прадѣдовъ и

¹⁾ См. это житіе въ Рук. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 35. Къ королю Казиміру было послано изъ Новгорода посольство, результатомъ котораго былъ договоръ о подданствѣ ему Новгорода. Акты Археогр. Экспеди. т. I. № 87, стр. 62—64.

²⁾ Акты Истори. т. I, № 280, стр. 512; см. № 281, стр. 515.

дѣдовъ ¹⁾, архипастырь, между прочимъ, обращается къ сынамъ неблагодарнаго города съ такими словами, по поводу прослышаннаго имъ ихъ намѣренія отплатить Московскому государю за все его жалованіе самой черной измѣной. „Ишѣча-же—нишетъ онъ,—сынове, слышанье мое таково, и дивлюся о томъ велии, что приходятъ въ ваша сердца неподобныя мысли, а то все господина и сына моего Великаго князя жалованье... оставиваете, а отъ нашего деи господина и сына, отъ своего господина, отчича и дѣдича, отъ христіаньскаго Господаря Рускаго, отстуете, а старину свою и обычан забывшии, да приступаете деи къ чужему къ Латыньскому Господарю къ Королю“ ²⁾. Святитель горячо осуждаетъ ихъ за союзъ съ латынскими, съ которыми предодобные и святые отцы наши не велѣли имѣть никакого общенія ³⁾, напоминая имъ, „како въ преждебывшая времена, коликия царства великихъ земель и многыя грады, преступленія ради закона и преслушанія ради, святыхъ пророкъ и Апостолъ и святыхъ Отецъ ученія не послушавше, въ нагубу многу внадоша и въ зануствѣніе быша; а непокоровшаяся земли и грады богоподручнымъ си Господаремъ, како сотрошась и разорени быша“ ⁴⁾, убѣждаетъ вразумить и остановить бунтовавшую молодежь, особенно надкую на новости и заправлявшую возмущеніями ⁵⁾, и заключаетъ оба свои посланія сильнымъ увѣщаніемъ не измѣнить Государю православному—великому князю Московскому, и заявить ему свою покорность. „Ино о томъ велии болѣзную,—нишетъ онъ въ концѣ одного своего посланія,—по своему святительскому долгу берегучи вашихъ безсмертныхъ думъ, и благословляю васъ, чтобы есте отъ той отъ своей неподобныя мысли възратилися, а отъ своего

¹⁾ Ibid., № 280, стр. 512—513; см. № 281, стр. 515.

²⁾ Ibid., № 280, стр. 513.

³⁾ Ibid., № 280, стр. 514.

⁴⁾ Ibid., № 281, стр. 517.

⁵⁾ Ibid., № 281, стр. 516.

бы есте Господина отъ Великого князя, отчича и дѣдича, не отступали, а къ Латыньскому бы есте Господарю не приступали; а въ церквѣхъ бы Божьихъ неподобна повинна у васъ не была, а въ поминаніѣ бы нѣмѣ въры Государя имени въ октеняхъ не было, а держали бы ся есте своей старины“¹⁾. „И вы, сынове,—обращается онъ къ Повгородцамъ въ заключеніи другого своего посланія—и вы, сынове, смпритесь подъ крѣпкую руку благовѣрнаго и благочестиваго Государя русскихъ земель, подъ своего Господина подъ Великого князя Ивана Васильевича всея Руси, по великой старинѣ вашего отчича и дѣдича, по реченному Павломъ Христовымъ Апостоломъ, вселенскымъ учителемъ: „всякъ повинующійся власти Божію повелѣнію повинуется, а противляійся власти Божію повелѣнію противится“²⁾.

Такъ старался путемъ пастырскаго увѣщанія утишить въ Повгородцахъ, отставившихъ свою политическую свободу и независимость въ ущербъ государственному единству, ихъ враждебное настроеніе противъ великокняжеской Московской власти и склонить ихъ къ покорности предъ этой послѣдней первопрестольникъ русской церкви, митрополитъ Филиппъ. Со всею ясностію представляя непокорнымъ сынамъ вольнаго города вѣками освященный верховный суверенитетъ властителей Москвы, онъ старался предотвратить нзмѣническіе замыслы ревнителей Повгородской вольности доводами религіознаго характера. Онъ указывалъ имъ на примѣръ Византіи, которая прочно стояла до тѣхъ поръ, пока сохраняла истинное благочестіе, а какъ заключила унію съ латинствомъ, такъ и впала въ руки поганныхъ турокъ³⁾; и такимъ образомъ представлялъ имъ, что отдача издавна составлявшаго вотчину православныхъ Государей Московскихъ Повгорода подъ власть Государя латыньской вѣры

¹⁾ Ibid., № 230, стр. 514.

²⁾ Ibid., № 231, стр. 517.

³⁾ Ibid., № 231, стр. 517.

есть измѣна не только политическая, но вмѣстѣ и измѣна православію,—есть такого рода измѣна, которая грозитъ разрушеніемъ и церкви и государства ¹⁾. И это увѣща-

Х ¹⁾ Подобныя же мысли относительно задуманной Новгородцами измѣны Государю Московскому раскрываютъ неизвѣстный, но, какъ видно, исполнѣ сочувствовавшій политическимъ идеямъ Москва, авторъ повѣсти о походѣ вел. князя Іоанна Васильевича въ Новгородъ (въ 1471 г.), имѣющей такое заглавіе: „слова избранныя отъ святыхъ Писаній, о правдѣ и смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Іванъ Васильевичъ всея Руси, емоуже и похвала о благочестіи вѣри; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихже смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловася о нихъ, Господа ради, и утѣши землю ихъ“. Повѣсть въ Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 1—15. По волярію автора, волынне силы Новгорода, задумавшіе по внушенію „прелестника діавола“ отложиться отъ Государя Московскаго и отдаться подъ власть короля Польскаго, совершали чрезъ это двойное преступленіе: съ одной стороны, они въ этомъ случаѣ нарушали неоспоримыя, вѣками утвержденныя права вел. князя Московскаго на свою вотчину—Новгородъ и всю землю Новгородскую и такъ обрѣзались измѣнниками политическими, а съ другой, переходя подъ власть короля иновѣрнаго, чрезъ это „отступали отъ свѣта благочестія, прилѣплялись ко тмѣ прелести Латинскія“ и, слѣдовательно, оказывались „измѣнниками правосл. вѣры и церкви“, хотѣвшими „лиха всему православію“. Отсюда и предпринятый вел. княземъ противъ Новгорода походъ авторъ представляетъ не только, такъ сказать, исполнѣ законнымъ съ его стороны дѣломъ политическимъ въ защиту своихъ вѣковыхъ правъ, нарушенныхъ этимъ городомъ, но и религиознымъ подвигомъ за православію вѣры и благочестіе. Въ уста Іоанна Васильевича, окончательно рѣшившагося наказать Новгородцевъ—„тихъ политическихъ и религиозныхъ преступниковъ“, авторъ вставляетъ слѣдующія, обращенныя къ Богу, молитвенныя слова: „вѣси, Господи... яко не своимъ хотѣніемъ, ниже своею волею на се державъ, еже бы пролягнися мнози кровіи хрестіанскія на земли; но стою о божественнѣмъ ти богоустановлѣмъ законѣ скытныхъ апостолъ и св. отецъ, даже и о истинномъ православіи рускія земли, а о ихъ своею огнию отступленіи къ латинству, чтоже они, людє наши, истинныя вѣры благочестія отступаютъ, а къ латиномъ ся отдавають“. Поэтому-то авторъ называетъ вел. князя Московскаго „благочестія дѣлателемъ“, „пресѣлѣмъ свѣтильникомъ благочестія“, „истиннѣ поспѣльникомъ и божественному закону хранителемъ, крѣпкимъ поборникомъ по православію“, „благовѣрнымъ и благочестивымъ великимъ княземъ всея Руси, еможе избра и възлюбѣ Господь Богъ и поручи ему держати и управляти отчину свою рускіихъ земль великое княженле“... По поводу успѣховъ вел. князя въ этомъ походѣ на Новгородцевъ авторъ замѣчаетъ: „такъ Господня благодать и милость Его свыше приде, помогая правдѣ Государя нашего благовѣрнаго и благочестиваго князя Івана Васильевича всея Руси, ради его великаго благочестья“.

ніе, некусно затрогивавшее чувствительную струну въ русскомъ народѣ, зашевелило было религіозное чувство многихъ Новгородцевъ ¹⁾; но ненависть къ Москвѣ на время взяла верхъ. „И не разумѣна окаяннѣи—разсуждаетъ въ назиданіе потокамъ по адресу Новгородцевъ лѣтописецъ—во тмѣ ходящи, отступниши отъ свѣта и пріѣнна тму своего неразуміа, не восхотѣша подѣ православнымъ царемъ быти хрестіанскимъ государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ державѣ быти, и у петиннаго настыря и учителя Филиппа митрополита всея Руси себѣ учителя пріимати, и не воспоминаша окаяннѣи написанія: кое бо пріобщеніе свѣту ко тмѣ, или кое соединеніе велиру, рекше діаволу, съ Христомъ? Такоже и поганому латынству съ нашимъ православнымъ хрестіанствомъ: они же все то забывше и отрицуша... и не восхотѣша благословенія, и удалишася отъ него, и облекошася въ клятву яко въ ризу, смутишася и подвизашася яко пѣяны, и вся мудрость ихъ поглощена бысть; еще же и крестное цѣлованіе преступиша и воздасть имъ Господь по дѣломъ ихъ“ ²⁾... Слободолюбивому державному Новгороду пришлось тяжело поплатиться за свое противленіе власти Московскаго государя, пришлось почувствовать всю тяжесть государева гнѣва и навсегда отказаться отъ своихъ излюбленныхъ правъ. Іоаннъ III окончательно сломилъ Новгородскую гордыню, нанесъ рѣшительный и послѣдній ударъ самобытности Новгорода, и положилъ предѣлъ его измѣнамъ и союзамъ съ врагами Москвы.

Съ подчиненіемъ Новгорода Москвѣ, съ уничтоженіемъ правъ и привилегій, соединявшихся съ прежнимъ вѣчевымъ строемъ общественно-политической жизни вольныхъ сыновъ его, должна была пасть и церковная

¹⁾ „Мнози—замѣчаетъ позднѣйшій лѣтописецъ—слышавше митрополіе благословеніе и поученіе, возрадовашася радостію великою, и по прѣжнему правити хотѣху къ Великому князю“. Стенени. кн. ч. II. стр. 106-107.

²⁾ Полн. Собр. Лѣтов. т. VI, стр. 191.

самобытность этого города, принужденного теперь ходить „на всей волѣ“ государя Московскаго. Рядъ туземныхъ излюбленныхъ владыкъ долженъ былъ здѣсь съ этого времени прерваться. На Новгородскую архіепископскую кафедру, которую доселѣ занимали лица, избиравшіеся самими Новгородцами и не разъ заявлявшіе себя горячей патріотической любовью къ своему вѣчному городу ¹⁾, теперь восходятъ лица, назначенныя отъ Московскаго правительства. Какъ присланные изъ Москвы, они, естественно, должны были содѣйствовать забвенію въ Новгородѣ его старыхъ порядковъ и, наоборотъ, способствовать оживленію здѣсь памяти о всемъ томъ, что запечатлѣно было сочувствіемъ къ Москвѣ и ея политическимъ стремленіямъ во время еще свободы Новгородской,—естественно должны были служить опорой властямъ для водворенія Московскаго самодержавія и помогать постепенному внутреннему объединенію Новгородской земли съ Московскою. Говоря вообще, они „ходили—по выраженію лѣтописца ²⁾—не по мысли Новгородцевъ“, а по мысли Москвы. Въ чемъ, частію, состояло служеніе политическимъ идеямъ Москвы этихъ Новгородскихъ архіепископовъ—Москвичей въ это, непосредственно слѣдовавшее за паденіемъ Новгорода, время, со всею точностію сказать нельзя. Но тѣмъ не менѣе можно сдѣлать на этотъ разъ нѣсколько замѣчаній, по крайней мѣрѣ, относительно одного изъ такихъ

¹⁾ Напр. архіеп. Іона, ходатайствовавшій предъ Василіемъ Течнымъ о сохраненіи свободы Новгорода, о чемъ упомянуто нами выше. А современникъ самому паденію Новгорода владыка Феофилъ былъ пойманъ вел. княземъ и посаженъ въ Москвѣ за то, что „думавшые быти Новгороду не за великимъ княземъ, но за королемъ, нелюбіе держа на Великого князя, понеже преже сихъ князь государь половину властей и селъ у владыки и у вѣхъ монастырей“. Стен. кн. ч. II, стр. 131. Вообще владыки новгородскіе, преданные самобытности великаго Новгорода, являлись ревностными патриотами въ случаяхъ политической неволи, и неоднократно ѣздили по главѣ посольствъ къ вел. князьямъ Московскимъ, чтобы утишать ихъ ссоры съ Новгородцами.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 236.

Digitized by Google

представлялось средство къ оправданію грозныхъ проявленій воли Московскаго Государя, или, какъ его называетъ еписатель житія сейчасъ названнаго подвижника, „благонѣрнаго и великаго князя, всея Русіи Самодержца“ ¹⁾, надъ непокорнымъ ему городомъ. По отношенію къ тому же Геннадію нельзя, далѣе, не отмѣтить высказываемой нѣкоторыми изслѣдователями ²⁾ небезосновательной догадки о появленіи при этомъ Новгородскомъ архіепископѣ—Москвитѣ и по его же инициативѣ одной изъ распространенныхъ редакцій жизнеописанія преподобнаго Михаила Клонскаго, о сочувственномъ отношеніи котораго къ политическимъ идеямъ Москвы при вел. князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ мы имѣли уже случай замѣтить. Съ точки зрѣнія политической обстановки, взгляда на характеръ общественно-государственной жизни, эта редакція (авторъ которой, какъ можно догадываться изъ собственныхъ небольшихъ оговорокъ его, принадлежалъ къ Клонскому монастырю ³⁾) могла опять таки служить хорошимъ литературнымъ проводникомъ Московскихъ политическихъ идей. Подробности, какими обставляется здѣсь пророчество Михаила о паденіи Новгорода при Іоаннѣ III (и которыя отсутствуютъ въ первичной редакціи, написанной, по предположенію Некрасова, во время архіепископа-патріота Іоны ⁴⁾), явно скрываютъ за собой намѣреніе—найти въ лицѣ Новгородскаго святаго религіозное оправданіе для совершившейся надъ Новгородомъ катастрофы. Въ содержаніе пророчества вносятся не только обстоятельства Шелонской битвы съ ея печальными для

на пиришествіи томъ“. Житіе Зосимы. Указ. рук. сборн. л. 20 об., 21 об. и 22 об. Видѣніе оправдалось во время неудачной для Новгородцевъ Шелонской битвы ихъ съ Москвитянами въ 1471 г.

¹⁾ Житіе Зосимы. Указ. Рук. Сборн. л. 22.

²⁾ См. изслѣд. Некрасова „Возрожденіе національной литературы въ сѣверо-восточной Русѣ“, стр. 109—112.

³⁾ См. названн. изслѣд. Некрасова. Приложение II: „вторая редакція жизнеописанія Михаила Клонскаго“, стр. 11.

⁴⁾ Назв. изслѣдованіе, стр. 99—104.

защитниковъ Новгородской свободы послѣдствіями, не только „взятіе великимъ княземъ Московскимъ (котораго редакція называетъ „благовѣрнымъ и христіанскимъ самодержцемъ рускіа земли“) города и учиненіе имъ здѣсь всей своей воли, но и то, что князь великій „и бгомолца“ (архіепископа Новгородскаго) отселе возметъ за (ихъ, Новгородцевъ) несправедное съгрѣшеніе и бесчестна расчленилъ и разведетъ по многимъ градомъ разошлетъ и со веѣми сѣмiami мала и велика“¹⁾; при этомъ предсказаніе соединяется съ полнымъ обвиненіемъ Новгородцевъ за внутреннія междоусобія, за желаніе пристать къ князю Литовскому („и предъ великимъ княземъ по мнозехъ дѣлахъ повинныхъ и о нашемъ братоненавидѣніи и о наглости другъ на друга веуе восколѣбашася“²⁾); самъ преподобный не безъ цѣли связывается по своему пропехожденію съ Московскимъ княжескимъ домомъ (въ уста князи Константина Дмитріевича, неожиданно узнавшаго Михаила, вкладываются слѣдующія слова относительно этого послѣдняго: „се Михаилъ Максимовъ сынъ рода княжеска“³⁾). — То-же стремленіе, — замѣтимъ, наконецъ, — со стороны сочувствовавшей Москвѣ Новгородской партіи — найти въ Новгородскихъ святыхъ оправданіе для осуществлявшихся Московскихъ политическихъ идей — можно ясно подмѣтить и въ другихъ памятникахъ агіографической письменности, явившихся въ ту-же печальную для Новгорода эпоху, когда окончательно рѣшалась судьба этого вольнаго города. Такъ, писатель житія архіепископа Новгородскаго Іоны, несомнѣнно Новгородецъ и, по всей вѣроятности, одинъ изъ иноковъ Олонецкой пустыни⁴⁾, рассказывая объ извѣстной уже намъ бесѣдѣ Іоны

¹⁾ См. вторую редакцію житіеоп. препод. Михаила въ прилож. къ названн. сочин. Некрасова, стр. 38—39.

²⁾ Ibid., стр. 39.

³⁾ Ibid., стр. 19.

⁴⁾ См. сочин. Ключевскаго „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ“ М. 1871 г., стр. 184—188. Слнсатель часто останавли-

съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Темнымъ (въ 1460 г.), во время которой владыка Новгородскій общалъ этому князю, за сохраненіе свободы Новгорода, молиться объ освобожденіи сына его отъ ордынскихъ царей и вмѣстѣ съ тѣмъ заплакалъ о судьбѣ, какую готовятъ себѣ Новгородцы своими смутами и усобицами, замѣчаетъ: „проувидѣ бо (Іона) духомъ, яко людемъ его (т. е. Новгорода) невозможно до конца содержать въ свободѣ града своего протергующияся ради неправды въ нихъ и насилія“¹⁾. А списатель житія Новгородскаго владыки Іоанна²⁾ призываетъ молитвы этого Новгородскаго свитателя о великодръжавномъ, иже въ Рустиѣ земли скинстрѣ царства дръжащу, и о благородномъ сѣмени его, и дръжавѣ его“; а въ уста умирающаго архіепископа онъ вкладываетъ, между прочимъ, такіа поучительныя для Новгородцевъ слова: „бойтесь князя еже о благочестіи православнаго, яко Бога, не туне бо мечъ носитъ Божій, во отмыщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ; за пновѣрнаго же и нечестиваго князя не предавайтесь“³⁾.

Такъ проявляли свое участіе въ развитіи и утвержденіи государственно-политическихъ идей Москвы сочувствовавшіе интересамъ ихъ носителей—государей Московскихъ представители нашего духовенства и книж-

ливается на, очевидно, хорошо знакомой ему Отенской пустыни, въ которой Іона былъ постриженъ, гдѣ онъ былъ игуменомъ и гдѣ былъ погребенъ. См. житіе Іоны въ Рук. Сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 47, об., 49 об. и л. 58.

¹⁾ Житіе Іоны въ указ. рук. сборн. л. 53 об., л. 54 и об.; оно же въ „Памяти. Стар. Русс. Литер.“ ч. IV, стр. 32—33.

²⁾ Житіе написано въ концѣ 70 и 80 годовъ XV в., когда подчиненіе Новгорода Москвѣ было рѣшено и когда въ немъ стали обнаруживаться иконоборческія мнѣнія приверженцевъ ереси жидовствующихъ. См. вышеуказанн. изслѣд. Ключевского, стр. 164; см. также самое житіе въ рук. сборн. Кіев. Дух. Академіи Аа 118, л. 22 об.

³⁾ Житіе Іоанна въ указанн. рук. сборн. л. 26 об., л. 22 об., оно же въ Четвѣ—Мѣснѣхъ Макарія, изд. Археол. комис., мѣсяцъ Сентабрь, столб. 345, 340.

ники изъ среды его въ эпоху уничтоженія Новгородской вольности и, такъ сказать, по поводу этого уничтоженія. Иенѣ всего, какъ мы видѣли, обнаружено это участіе со стороны первопрестольника русской церкви—митрополита Московскаго Филиппа, такъ ревностно старавшагося оказать свое содѣйствіе Москвѣ въ моментъ самой сильной и самой напряженной борьбы съ нею Новгорода.

Другой свититель Московскій, Геронтіи, преемникъ сѣйчасъ упомянутаго Филиппа, не менѣ послѣдняго ревностный сторонникъ новаго Московскаго порядка политической жизни, утверждавшагося въ лицѣ великаго князя Москвы, отправляетъ два замѣчательныхъ посланія (написаны между 1486—1489 г.г.) въ другую пограничную область русскаго государства, такъ же, какъ и Новгородъ, привыкшую издавна жить на всей своей волѣ, такъ же долго, какъ и онъ, не соглашавшуюся признать надъ собою власти Московскаго Государя, и такъ же постоянно стремившуюся отдѣлиться отъ Московской державы,—именно въ область Витекую¹⁾. Одно изъ этихъ своихъ посланій онъ адресуетъ Витекому духовенству или, какъ онъ самъ выражается, „всему нарицающемуся тамоньнему священству“, а другое—по его-же собственному выраженію—„всему Витекому людетву, Витекимъ хрестьяномъ“. Въ первомъ изъ нихъ, послѣ сильнаго укора Витекому духовенству за допущенное имъ ослабленіе міринамъ, архиепископъ изрекаетъ слѣдующую страшную угрозу всѣмъ его духовнымъ дѣтямъ—Вит-

¹⁾ Витчане, отличавшіеся особенною загрузѣлостію своихъ правотъ и не признававшіе надъ собою ничьей власти, жили преимущественно на болотахъ и борюся съ окружающими инородцами, а иногда и русскими землями. Два московскихъ похода противъ витчанъ при Василіи Темномъ смирили Вятку, но смирили только нѣсколько и не надолго. Буйная вятская вольница продолжала время отъ времени дѣлать грабительскія наѣды не только на татарскія земли, но и на сосѣднія Московскія владѣнія, особенно на волость Устюжскую. Окончательно покорена была Вятка при Іоаннѣ III, въ 1489 г. Краткую ист. Вятки см. у Голухова-Рюмина „Русская Исторія“ т. I, Сиб. 1872 г., стр. 385—386.

чанахъ, если они не отстанутъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ и въ томъ числѣ не заявятъ полной покорности предъ властію великаго князя Московскаго. „А тѣ ваши духовніи дѣти—пишетъ онъ—зовущееся христіане, а поганая дѣла дѣлающе, такожь еще ся не покають, а отъ тѣхъ своихъ злыхъ прежнихъ дѣлъ не престанутъ, ни Государю своему Великому князю челомъ не добьются, ни наше смѣреніе, и со всѣмъ нашимъ священствомъ имѣемъ ихъ неблагословенныхъ и отъ Божьей церкви и отъ православнаго христіанства отлученныхъ, временно и будуще, дондеже къ Богу чисто покаются и исправятся во всемъ безъ лукавства“¹⁾. Ту-же самую угрозу вмѣстѣ съ убѣжденіемъ покориться Государю Московскому и не приставать къ его недругамъ, а также прекратить разбой и грабежи и возвратитъ полонъ, выдвигаетъ архиепископъ и въ другомъ своемъ посланіи адресованномъ, какъ мы замѣтили, „всему Витекому людетву“, только въ болѣе сильныхъ и яркихъ чертахъ. „И послушаете насъ—обращается онъ къ Витчанамъ въ концѣ посланія—никогда еще на васъ будетъ милость Божія, а нашего смѣренія благословеніе, а Оснодаря Великаго князя жалованіе, по вашему къ нему несправленію; а не послушаете насъ, а своему Государю Великому Князю челомъ не добьете, а къ нему не исправитесь во всемъ безхитростно, никогда не будетъ на васъ милости Божіей и Пречистыя Его Богоматери и всѣхъ святыхъ, и нашего благословенія, и нишѣ и во вся безконечныя вѣки; а та кровь христіанская вамъ отольется, то вамъ все отъ себя придетъ“²⁾. Стараясь усилить свою святительскую угрозу указаніемъ на ея частныя проявленія, которыя не замедлятъ обнаружиться надъ непокорными жителями, если они и послѣ этихъ его увѣщаній не перестанутъ быть такими, авторъ — митрополитъ прибавляетъ: „мы и къ

¹⁾ Акты Истор. т. I, № 97, стр. 141.

²⁾ Ibid., № 98, стр. 142.

вашимъ игуменомъ, и къ попомъ, и ко всему священству, къ вашимъ духовнымъ отцемъ, тожъ есмь писал и рѣчи приказали, чтобы васъ и они не благословляли и имѣли бы проклятыхъ, но вашимъ злымъ и окаяннымъ дѣломъ, и церкви бы Божьи затворили и отъ васъ бы пошли изъ земли всеи воиъ“, а если они не сдѣлають этого, то—заключаетъ свою грозную рѣчь архиепископъ— „наше смѣреніе... со всемъ нашимъ священствомъ, имѣемъ и ихъ самихъ, и съ вами равно, неблагословенныхъ и проклятыхъ, въ сій вѣкъ и въ будущій“¹⁾. Но, какъ видно, увѣщанія и угрозы митрополита не произвели должнаго дѣйствія на Вятскихъ измѣнниковъ и крамольниковъ, такъ что пришлось къ духовной силѣ присоединить противъ нихъ силу вѣщную: посланная на Вятку шестидесятичетырехтысячная армія заставила окончательно смириться эту древнюю Новгородскую колонію, заставила ее окончательно признать надъ собою единую власть Московскаго государя, при чемъ участь ея гражданъ была одинакова съ участіемъ усмирившихъ сыновъ Великаго Новгорода: политика перевода туземцевъ изъ родной земли въ землю Московскую и обратно примѣнена была и къ Вяткѣ²⁾.

Среди такихъ усилій по уничтоженію послѣднихъ крупныхъ остатковъ прежняго строя политической жизни, въ чемъ заявляли свое носильное участіе и лица изъ среды нашего духовенства, поддерживавшія доступными имъ средствами интересы государя—великаго князя Московскаго въ его стремленіяхъ къ окончательному утвержденію на Русѣ новаго политическаго порядка,—среди такихъ усилій совершилось, какъ замѣчено нами выше, окончательное освобожденіе русской земли отъ власти царственныхъ повелителей Золотой орды, совершилось осуществленіе старой завѣтной мысли Московскихъ князей, къ исполненію которой издавна направлялись все ихъ

¹⁾ Ibid., № 98, стр. 143.

²⁾ „Ист. Россіи съ древнѣйш. временъ.“ Соловьева, т. V; стр. 1380.

желанія и для исполненія которой они неподволь подготавливали средства. Къ политическимъ событіямъ, происходившимъ въ княженіе Іоанна III-го внутри русской земли и имѣвшимъ своимъ результатомъ окончательное присоединеніе различныхъ русскихъ областей къ единому Московскому государству, прибавилось событіе, слѣдствіемъ котораго было пріобрѣтеніе объединившагося подъ верховною властію государя Московскаго Русью полной независимости извѣст. Важное для Руси вообще, событіе это важно было, въ частности, и для интересовъ собственно великокняжеской Московской власти: ея носитель являлся теперь въ образѣ не только единого, но и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждаго всякой сторонней завѣсности, въ собственномъ смыслѣ самостоятельнаго, полновластнаго государя всей русской земли. Въ его внѣшній властительскій обликъ счастливый исходъ даннаго событія приносилъ нѣкоторую новую черту величія: освободитель Руси отъ нѣкогда страшнаго Монгольскаго ига, онъ выступалъ теперь замѣстителемъ царственныхъ хановъ по власти надъ русскою землею. Страшный титулъ царя, долго означавшій на Руси почти исключительное преимущество татарскихъ хановъ, предъ которыми преклонялись и унижались наши князья, долженъ былъ теперь перейти отъ приниженныхъ незаконныхъ властителей русской земли къ ея законному могущественному владыкѣ—государю Московскому. Самое стремленіе этого государя къ окончательному освобожденію Руси отъ независимаго владычества бусурманъ должно было представляться въ глазахъ русскихъ людей не только важнымъ подвигомъ политическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности подвигомъ за православную русскую вѣру, за свѣтъ Божій церкви, подвигомъ религиозно-священнымъ, какой былъ исполнѣнъ естественъ и даже необходимъ въ положеніи великаго государя всея Руси, являвшагося не просто только ея политическимъ главою, но и верховнымъ представителемъ и защитникомъ процвѣтавшаго въ ней истиннаго православія.

И такое, безъ сомнѣнія, важное для интересовъ государя Московскаго событіе, какъ сверженіе вѣками тяготѣвшаго надъ Русью позорнаго татарскаго ига,—событіе, которымъ устранилось одно изъ крупныхъ обстоятельствъ, отнимавшихъ у Московскаго носителя окончательно утверждавшагося въ его лицѣ единодержавнаго и самодержавнаго строя государственно-политической жизни значительную долю его величія, не обошлось безъ содѣйствующаго участія представителей тогдашняго русскаго духовенства ¹⁾. Сознавая всю важность предпринимаемаго Московскимъ Государемъ подвига, усильное совершеніе котораго обѣщало окружить его славой и честію и еще болѣе расширить величіе его власти, они вѣнчески старались побудить этого государя къ полному достиженію еще предками его намѣченной, а теперь самими условіями времени твердо поставленной цѣли—уничтожить всякую тѣнь зависимости русской земли отъ ордынскихъ повелителей. По ихъ представленіямъ, какъ бы ни была слаба эта зависимость, но она не мирилась съ создавшимся теперь положеніемъ великаго князя Московскаго: какъ единый законный властитель Руси, верховный блюститель и хранитель ея православія, онъ долженъ со всею ревностію подвигнуться на священную брань за свободу русской земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за свою собственную независимость.

Самъ по природѣ трусливый, окруженный къ тому же трусливыми совѣтниками, осторожный и нерѣшительный Іоаннъ III, въ самую рѣшительную минуту, когда Московскіе полки, въ ожиданіи битвы, стояли на берегу рѣки Угры, въ виду татаръ, хотѣлъ во всемъ отдаться на волю и милость татарскаго повелителя. Великій князь Московскій, недавно такъ настойчиво и съ такимъ торжествомъ заявлявшій и обнаруживавшій свои власти—

¹⁾ „Никто—говоритъ Карамзинъ—ревностию духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечемъ“. „Ист. Госуд. Россійск.“ т. VI, изд. 2-е Слб. 1819 г. стр. 150 и слѣд.

тельскія права по отношенію къ своей непокорной отчинѣ—Новгороду Великому, теперь готовъ былъ разстаться съ своимъ величіемъ, снисканнымъ трудами восемнадцати лѣтъ, готовъ былъ снова отдать себя и свое государство, различныя части котораго съ такимъ усердіемъ скрѣплялъ подъ своею единою властію, въ полное подданство ордынскимъ властителямъ въ прежнемъ страшномъ смыслѣ этого слова. Въ этотъ-то рѣшительный моментъ и приходитъ на Угру „чудное и учительное“ ¹⁾ посланіе Ростовскаго архіепископа Вассіана, „славная память котораго осталась на вѣки неразлучною съ памятію нашей свободы“ ²⁾. Незадолго предъ тѣмъ оказавшій услугу государю Московскому, когда, по порученію послѣдняго, принималъ на себя двукратное посольство къ его братьямъ (князьямъ—Борису Волоцкому и Андрею Углицкому), заявлявшимъ рѣзкое недовольство противъ старшаго—великаго князя и рѣшившимся вооруженною силою защищать свои права отъ его притязаній,—принималъ посольство съ цѣлію уговорить ихъ оставить свои замыслы и не начинать усобицы, и не безъ успѣха, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго (въ первое посольство) выполнившій эту свою миссію ³⁾, названный Ростовскій владыка, извѣстный своею начитанностію, краснорѣчіемъ и энергіей, выступилъ теперь, подобно преподобному Сергію Радонежскому, въ роли твердаго увѣщателя къ послѣдней столь важной битвѣ съ полчищами татаръ. Его знаменитое посланіе на Угру, имѣвшее цѣлію побудить Государя Московскаго не щадить усилий и трудовъ, чтобы съ успѣхомъ выдержать предстоящую

¹⁾ Степени. кн. ч. II, стр. 139.

²⁾ Карамзинъ: „Ист. Госуд. Россійск.“ т. VI, изд. 2, стр. 162.

³⁾ См. Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 222—223; Соловьева „Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ“, т. V, стр. 1396—1397. Лѣтописецъ, описывая указанныя событія, поступокъ братьевъ наз. „отступленіемъ отъ вѣз. князя“, „высокомысліемъ“, о государѣ же Московскомъ замѣчаетъ, что онъ „оправдался предъ ними и положи уюваніе на Бога и на Пречистую Его Богоматерь“. См. II. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 19—20; см. Ник. Лѣт. ч. VI, стр. 110.

борьбу, важно для насъ въ томъ именно отношеніи, что наглядно показываетъ, какъ высоко ставили въ данное время представители нашего духовенства суверенитетъ великаго Государя всея Руси и какимъ величіемъ окружали его личность.

Возымѣвъ намѣреніе въ своемъ посланіи „воспоминати отъ божественнаго Писанія, елико Богъ вразумитъ его на крѣпость и утвержденіе державѣ благовѣрнаго и христолюбиваго, благороднаго, и Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ утвержденного, и во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшаго, наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшаго, преславнаго Государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси“,—горячій патріотъ—архіепископъ со всею силою духовнаго краснорѣчія убѣждаетъ Московскаго государя помнить высоту своего государственного положенія и вытекающую отсюда его обязанность—„крѣпко стояти за православное хрестіанство и за свое отечество противу безбожному бесерменству“, „избавити врученное ему словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго волка“ ¹⁾... Поддаться коварнымъ совѣтамъ трусовъ для Государя Московскаго значитъ отказаться отъ своего величія и своей прямой обязанности и покрыть себя вѣчнымъ срамомъ. „Внимай себѣ и всему стаду, въ немъ же ты Духъ Святыи постави, о боголюбивый и вседержавный царю!—нипетъ великому князю владыка Ростовскій—и молюся твоей державѣ, не послушай таковаго совѣта ихъ (просить милости у хана)... Помысли убо, о велемудрый Государю! отъ каковия славы въ каково безчестіе сводятъ они твое величество, толкиимъ тмамъ народа погибшимъ и церквамъ Божиимъ разоренымъ и оскверненнымъ... Не послушай, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе презложить“ ²⁾.

¹⁾ Посланіе на Угру. Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 225; см. рѣчь митр. Геронтія, обращенную къ вел. князю предъ началомъ похода. См. Карамз. „Ист. Госуд. Россійск.“ т. VI, изд. 2-е Сиб. 1819 г., стр. 150—151.

²⁾ Посланіе на Угру. Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 226—227.

Очевидно, нѣкоторые представляли великому князю такой доводъ, что татарскіе цари—законные владыки Руси, и что русскіе князья, прародители Ивана Васильевича, завѣщали своимъ потомкамъ не поднимать рукъ противъ этихъ царственныхъ повелителей. Разбивая этотъ неосновательный и легко устранимый доводъ, горячій публицистъ—архиереи въ выражасть сильное недоумѣніе относительно самого факта подчиненія татарскому хану. Вотъ что на этотъ разъ онъ пишетъ законному властителю русской земли: „аще-ли еще любоприси и глаголеши, яко подѣ клятвою есмы отъ прародителей, еже не поднимати рукъ противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю! Аще клитва по нужди бываетъ, прощати отъ таковыхъ и разрѣшати намъ повелѣно есть, иже прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ... не яко на царя, но яко на разбойника, хищника и богоборца... И се убо который пророкъ пророчествова, или апостолъ который или святитель научи сему богостудному и скверненному самому называющуся царю повиноватися тебѣ, великому русьскихъ странъ хрестіанскому царю?“ ¹⁾ Если русская земля оказалась поработенною „окаяннымъ“ Батыемъ, то это бѣдствіе, по объясненію автора посланія, было попущеніемъ Божиимъ „ради нашего сѣгрѣшенія и несправленія къ Богу, наче-же отчаянія и еже не уповати на Бога“. А что касается самого, именующагося царемъ, хана, то въ глазахъ автора онъ является не болѣе, какъ самозванцемъ и узурпаторомъ, который „разбойнически поплѣни землю нашу, и воцарися надъ нею, не царь сый, ни отъ рода царьска“ ²⁾. Между тѣмъ, напротивъ, законнаго властителя всея Руси, великаго князя Московскаго, владыка-публицистъ представляетъ богоутвержденнымъ царемъ, который, подобно „древнему Моисею и Іисусу и инымъ освободившимъ Израиля“, долженъ явиться „освободителемъ по-

¹⁾ Ibid., стр. 228.

²⁾ Ibid., стр. 228.

ваго Израиля, христоименитыхъ людей, отъ окаяннаго хвалищагося на ны новаго Фараона, поганнаго Ахмата" ¹⁾. Чтобы, такъ сказать, еще сильнѣе выставить величіе личности единаго законнаго государя всей русской земли, въ противоположность „поганому Ахмату“, авторъ прилагаетъ къ нему замѣтованныя изъ книги Псалмовъ и у пророка Исаіи божественныя слова, въ которыхъ ясно указывается значеніе царя по ученію церкви ²⁾, и въ заключеніе высказываетъ ему отъ себя такое пожеланіе: „се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сыномъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣки“ ³⁾.

Такими возвышенными чертами надѣлялъ образъ носителя Московской великокняжеской власти одинъ изъ

¹⁾ Ibid., стр. 229.

²⁾ Изъ псалма 44: „наприси, и есиѣ, и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наставишь ты чуднѣ десница твоя“... (ст. 5)...; „престола твоя правдою и кротостію, и судъ истиннымъ свершится естъ“ (ст. 7); изъ псалма 109: „иже азъ есмь послать ти Господь отъ Сіона, и одождѣши посреди врагъ твоихъ“; изъ 45 гл. прор. Исаіи: „Азъ взыдихъ тя царя правды, призвахъ ты правдою, и прияхъ ты за руку десную, и укрѣпихъ ти, да послужають тебѣ языци, и крѣпость царемъ разрушу“ и пр. (ст. 1—2). См. Посланіе. Ibid., стр. 229. Царь библейскій, свидѣніи о которомъ почерпнулись изъ священной исторіи, былъ именно первой основной идеей царя въ сознаніи русскихъ книжниковъ; другимъ живымъ представителемъ царскаго достоинства являлся для нихъ славный благочестивый царь Византіи, котораго величіе дополнялось церковнымъ освященіемъ, и для обозначенія котораго, кажется, и образовалось впервые наименованіе царя (цезаря; послѣ паденія Византіи онъ уступилъ свое значеніе и роль царю Московскому). Несомнѣнно также, что имя царя признавалось на Руси и за татарскими ханомъ: по крайней мѣрѣ, въ періодъ татарскаго могущества, когда оно наводило на русскихъ ужасъ (авторъ посланія на Угрю, называвшій хана „богостуднымъ“, „сквернымъ“ царемъ, который „ни царь, ни отъ царскаго рода“, писалъ уже въ то время, когда орда распадалась, и прежняго страха естественно не было), ханъ могъ казаться царемъ, — и царь Московскій, въ развитіи власти котораго авторитетъ татарскаго хана игралъ конечно, не малую роль, известнымъ образомъ наследовалъ ему въ верховной власти надъ русскими князьями и землями.

³⁾ Ibid., стр. 229—230.

представителей нашей церкви, своимъ знаменитымъ посланіемъ на Угру имѣвшій въ виду ободрить и укрѣпить Московскаго государя и его воинство въ подвигъ священной борьбы съ давнишними поработителями Руси—татарами. Насколько высоко поставлялъ архіепископъ—публицистъ положеніе политической главы русскаго государства, это видно уже изъ самыхъ титуловъ, какіе онъ прилагаетъ къ великому князю Московскому въ своемъ посланіи. „Пресвѣтлѣйшій во царѣхъ, преславный государь всея Руси, благовѣрный, христіюлюбивый, Богомъ вѣнчанный, Богомъ утвержденный, во благочестіи всея вселенныя въ конци позсіавшій..., великій русьскихъ странъ хрестыанскій царь“ и т. п.,—все это такія названія, которыя окружаютъ личность великаго Московскаго князя блестящими чисто царственнымъ величіемъ. Не просто лишь царь и государь всея Руси, но царь и государь именно православный, сіяющій благочестіемъ по всей вселенной—вотъ, такъ сказать, полный образъ политической главы „русьскихъ странъ“, какъ онъ представляется въ воззрѣніяхъ названнаго архіепископа—патріота. Это—образъ православнаго царя—самодержца въ истинномъ смыслѣ этихъ словъ,—царя—самодержца, на которомъ, между прочимъ, лежитъ обязанность „крѣпко стоять“ за вѣру православную. Поэтому-то и послѣдняя окончательная борьба съ незаконнымъ и самозваннымъ властителемъ Руси—царемъ ордынскимъ являлась, по представленію автора посланія, важною для государя Московскаго не въ томъ только отношеніи, что въ случаѣ своего благопріятнаго исхода, она освобождала его отъ чуждой внѣшней зависимости и тѣмъ еще болѣе расширяла его политическое величіе, но и въ томъ, что представляла для него поводъ и средство фактически оправдать возложенную, послѣ паденія Византіи (какъ увидимъ ниже), на личность Московскаго государя великую задачу—быть верховнымъ охранителемъ и защитникомъ православнаго христіанства (въ данномъ случаѣ отъ внѣшнихъ враговъ), быть „истиннымъ верховнымъ па-

стыремъ врученнаго ему словеснаго стада Христовыхъ овецъ“. Говоря иначе, въ этой необходимой и священной борьбѣ съ „окаяннымъ“ царемъ Ахматомъ единый законный государь всея Руси, великій князь Московскій, долженъ былъ получить одно изъ фактическихъ подтвержденій, что онъ дѣйствительно есть „великій русьскыхъ странъ хрестыанскій царь“.

Краснорѣчивое посланіе ревностнаго къ славію отчества Ростовскаго владыки, какъ настоятельное убѣжденіе въ минуты рѣшавшей судьбу Россіи борьбы съ монголами, безъ сомнѣнія, не осталось бездѣйственнымъ. По свидѣтельству лѣтописи, оно послужило „на укрѣпленіе и на пользу многимъ, якоже самому благочестивому самодержцу, тако и всему его воинству“ ¹⁾. Последняя рѣшительная борьба съ царственными ханами Золотой Орды имѣла вполне счастливый для Руси исходъ. Позорное иго, цѣлыхъ 200 лѣтъ тяготѣвшее надъ русскою землею, было, наконецъ, окончательно свергнуто. Если покореніе Великаго Новгорода, незадолго предъ тѣмъ совершившееся, было важнымъ событіемъ времени княженія Іоанна III Васильевича, то теперь совершилось событіе еще болѣе важное, совершилось торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Золотой Орды. Свободная Русь съ полнымъ правомъ, съ отрадою и гордостію могла заговорить теперь о русской силѣ и могуществѣ, а ея верховный представитель—государь Московскій съ полнымъ правомъ могъ теперь сознать себя могущественнымъ, ни отъ кого независимымъ, русскимъ властителемъ и принять на себя подєказанный духовенствомъ титулъ царя—самодержца. Правда, самый способъ окончательнаго сверженія ханскаго ига явился не вполне-то соответствующимъ достоинству „пресвѣтлѣйшаго царя“, какъ называетъ Іоанна Васильевича авторъ

¹⁾ Степени. кн., ч. II, стр. 149; Карамз. „Исторія Госуд. Россійск.“ т. VI, изд. 2, Спб. 1819 г., стр. 157 и прил. 232.

послѣнія на Угру, по тѣмъ не менѣе совершившееся радостное событіе вносило не малую долю величія въ общій властительскій обликъ великаго князя Московскаго; оно не увѣнчало этого послѣдняго лаврами, подобно славному герою Куликовской битвы, но утвердило вѣнецъ на главѣ его и, въ связи съ уничтоженіемъ политической самостоятельности различныхъ русскихъ областей и подчиненіемъ ихъ Московскому владычеству, сдѣлало его единымъ независимымъ государемъ всея Руси въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ.

Указавъ значеніе для Руси и ея государя одного изъ главнѣйшихъ дѣлъ времени княженія Іоанна III, мы въ заключеніе отдѣла еще разъ позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ отмѣтить, что одновременно съ выше-пимъ ходомъ политическихъ событій (сокращеніе Новгородской вольности и вообще утвержденіе состава Россіи чрезъ соединеніе ея частей въ одно государственное цѣлое, возстановленіе свободы и независимости объединившейся русской земли отъ чужеземнаго владычества), какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшимъ личнымъ единовластительскимъ стремленіямъ Іоанна Васильевича, въ пользу интересовъ носителя Московской великокняжеской власти дѣйствовала вліятельная сила, исходившая изъ самой русской общественной среды и стремившаяся предъ сознаніемъ самого русскаго общества оправдать и раскрыть создавшееся положеніе государя Московскаго, предъ которымъ должны преклониться все его враги и противники. Эта вліятельная сила—представители тогдашняго русскаго духовенства, вполне сочувствовавшіе государственно-политическимъ идеямъ Москвы, олицетворявшимся въ лицѣ ея великаго князя, и сознававшіе необходимость оказать послѣднему свое содѣйствіе въ дѣлѣ успешнаго осуществленія этихъ идей. Происходившія въ данное время столкновенія новаго порядка политической жизни съ послѣдними крупными остатками удѣльно-вѣчевой старины дали поводъ, какъ мы видѣли, двоимъ первопрестольникамъ русской церкви—митропо-

литамъ Московскимъ (Филиппу и Геронтію) выступить съ авторитетнымъ настырскимъ словомъ въ защиту единовластительскихъ правъ „благовѣрнаго и благочестиваго государя русскихъ земель“—великаго князя Московскаго, признать которыя (права) отказывались вольные русскіе города и земли, свыкшіеся съ духомъ политической свободы и независимости. Сокрушеніе вольности Господина Великаго Новгорода не могло, конечно, вдругъ и совершенно погасить излюбленныхъ политическихъ традицій въ этой, по выраженію Карамзина, „народной державѣ“¹⁾, которая жила ими столько вѣковъ и для которой тяжело было Московское владычество; не было здѣсь болѣе общаго мѣтежа, но проявилось скрытое неудовольствіе, слышались тайныя жалобы, обнаруживалась природная Новгородская строптивость, открывались и злые умыслы. И вотъ, въ видахъ окончательнаго искорененія этого несогласнаго съ стремленіями и желаніями Москвы Новгородскаго духа и для вѣрнаго утвержденія здѣсь Московскихъ политическихъ идей, наряду съ виѣшними мѣрами со стороны Московскаго правительства, на самой, такъ сказать, Новгородской почвѣ предпринимались, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ, указанныхъ нами, данныхъ, мѣры внутренняго, направленнаго къ тому, чтобы литературнымъ путемъ оправдать предъ общественнымъ сознаніемъ наступившій новыи политическій порядокъ вещей и примирить его съ этими послѣдними. Мѣры эти принадлежали мѣстнымъ представителямъ духовенства и книжникамъ изъ среды его, сочувствовавшимъ интересамъ носителя великокняжеской Московской власти. Наконецъ, стремленіе Московскаго государя утвердить свободу и величіе объединившейся подъ его единою властію русской земли чрезъ окончательное сверженіе позорнаго иноплемennаго ига дало поводъ одному изъ высшихъ представителей нашей церкви, Ростовскому владыкѣ

¹⁾ „Истор. Госуд. Россійск.“ изд. 2, Сиб. 1819 г., т. VI, стр. 107.

Вассіану, выступить въ роли твердаго увѣщателя къ столь важной для Руси и ея государя битвѣ съ полками Ахмата, при чемъ въ своемъ знаменитомъ посланіи на Угру этотъ архинастырь—публицистъ, въ качествѣ побужденія не падить усилій для усиѣннаго совершенія предпринятаго подвига, выставляетъ предъ великимъ Московскимъ княземъ создавшуюся высоту его положенія, которое онъ обрисовалъ въ самыхъ возвышенныхъ, чисто царственныхъ, чертахъ, рельефно отмѣтивъ при этомъ и главную, лежащую на „великомъ русьскихъ странъ хрестыанскомъ царѣ“, обязанность—„крѣпко стояти за православное хрестыанство“, быть верховнымъ защитникомъ „благочестивой православной вѣры, святыхъ церквей и врученнаго ему отъ Бога стада Христовыхъ овецъ“, какъ подобаетъ „истинному доброму пастырю“¹⁾.

Но заявить себя, между прочимъ, въ роли такого верховнаго защитника и охранителя русскаго православія приходилось теперь Московскому Государю въ виду вѣншихъ враговъ этого православія, именно противъ „безбожнаго бесерменства“. За то вскорѣ ему пришлось во всей полнотѣ принять на себя эту роль въ виду угрожавшей православной русскай вѣрѣ и церкви опасности со стороны враговъ внутреннихъ. Разумѣемъ появленіе и распространеніе на Руси въ концѣ XV-го вѣка ереси жидовствующихъ. На почвѣ борьбы съ этой ересью со всею силою должно было обнаружиться значеніе власти Московскихъ Государей, какъ достойныхъ замѣтителей православныхъ царей сошедшей въ половинѣ сейчасъ указаннаго вѣка (съ паденіемъ Константинополя въ 1453 г.) съ исторической сцены православной Византійской имперіи. Верховные представители богохранимой русскай державы, сдѣлавшейся, послѣ паденія Византіи, въ сознаніи русскихъ людей единственнѣмъ сосредоточіемъ и хранилищемъ чистаго, истиннаго

¹⁾ См. ¹ Послав. на Угру Позн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 226, 227.

православія, должны были теперь на самомъ дѣлѣ доказать, что они достойные наследники тѣхъ правъ и обязанностей, носителями которыхъ прежде были византійскіе императоры. Для государей всея Руси явился серьезный фактическій поводъ на почвѣ самой дѣйствительности принять эти права и обязанности, а напомнить имъ объ этихъ правахъ и обязанностяхъ и раскрыть ихъ основу и содержаніе взялись представители нашего духовенства, выступавшіе борцами противъ еретическаго лжеученія. Какъ, въ частности, выполняли они дѣло такого напоминанія и раскрытія, это будетъ видно изъ слѣдующаго отдѣла нашего изслѣдованія.

III.

Положеніе, права и обязанности Государей Московскихъ, какъ замѣстителей православныхъ Византійскихъ царей.

Въ XV вѣкѣ, подъ вліяніемъ политическихъ усилій Москвы, возрастало и ея политическое самочувствіе и церковное самосознаніе. Москва стала тяготиться своею церковною зависимостію отъ Константинополя. Постоянная смѣна (въ первой половинѣ указанного вѣка) митрополитовъ на Русь, низведеніе однихъ, избраніе другихъ и совмѣстное назначеніе нѣсколькихъ—все это краснорѣчиво свидѣтельствовало, какими интересами (матеріальными) руководились въ такихъ случаяхъ въ греческой столицѣ и возбуждало сильныя сомнѣнія въ законности существующихъ отношеній. Къ этому присоединились такого рода совершившіяся въ самой Византіи церковно-гражданскія событія, которыя весьма значительно поколебали прежде такъ высоко стоявшій авторитетъ грековъ въ глазахъ русскихъ людей. „Суемысленный и богоотверженный“ (какъ называли упоминаемый соборъ наши книжники)¹⁾ Флорентійскій соборъ, провозгласившій единеніе между восточною и западною церквами, въ связи съ неудачнымъ дѣломъ русскаго митрополита Пендора.

¹⁾ См. Степени. кн. ч. II, стр. 9. Митр. Іоанн назыв. его „доказаннымъ и богомерскимъ осмымъ сборищемъ“. См. его окружн. послан. къ Литов. епископамъ въ Русс. Истор. Библіот., т. VI, столб. 622; такое-же названіе прилагаетъ къ нему митр. Филиппъ въ посланіи къ Новгородцамъ. Ibid., столб. 729.

явившагося съ собора на Русь съ цѣлю и ея „великое православіе—по выраженію митр. Іоны—подати въ римская законоположенія и ученія“ ¹⁾, а также немного времени спустя послѣдовавшее паденіе самаго Константинополя—все эти событія сильно подѣйствовали на церковно-политическое созиданіе Руси, внесли сюда новыя понятія, которыя должны были живѣйшимъ образомъ отразиться на этомъ созиданіи. Какія-же, въ частности, перемѣны совершились въ воззрѣніяхъ русскаго общества подъ вліяніемъ сейчасть указанныхъ событій византійской исторіи?

Провозглашеніе на Флорентійскомъ соборѣ уніи между византійскою и римскою церквами наложило въ умахъ русскихъ людей густую тѣнь сомнѣній на православіе грековъ. Въ воззрѣніяхъ русскихъ книжниковъ унія повредила греческое православіе; чрезъ нее греки оказались измѣнниками чистой православной вѣрѣ, отступниками отъ истиннаго благочестія, совершили великое преступленіе, такъ какъ „приложились къ латыномъ“ и сдѣлались общниками ихъ „богоотметной ереси“ ²⁾. Чистая вселенская истина осталась только на Руси; только она одна является теперь представительницею и хранительницею истиннаго благочестія, и хранимая ею вѣра есть „высшее, великое христіанство“, „большее, истинное православіе“ ³⁾. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ воззрѣній на Русь и ея православіе, почти вездѣ за страшною вѣстію о великомъ преступленіи греческой церкви приходитъ въ Москву новая и еще болѣе страшная вѣсть.

¹⁾ См. его посланіе къ Литовъ владыкамъ, адресованное къ Смолен. еписк. Мисагу. Ibid., столб. 660.

²⁾ См. послан. русскихъ еписк. Литовскимъ о пребываніи въ союзѣ съ митр. Іоною. Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 633; см. также посланія Іоны къ Литовск. епископамъ. Ibid., столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. Ibid., столб. 727—729; Полн. Собр. Литов., т. VI, стр. 167; Никон. Лѣт., ч. V, стр. 136, 146.

³⁾ См. посланія митр. Іоны. Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 622, 637, 665; Полн. Собр. Литов., т. VI, стр. 152—153; Никон. Лѣт., ч. V, стр. 146.

Въ 1453 г. греческое царство падаетъ отъ руки „безбожныхъ агарянъ“; седмхолмный городъ, на которомъ возсіяло столько благодатей божіихъ, который прославленъ былъ и возвеличенъ нче другихъ городовъ, хранимъ былъ Богоматерію во все времена ¹⁾,—этотъ знаменитый городъ становится достояніемъ невѣрныхъ; „на царскомъ престолѣ благододѣйша суща всехъ иже подъ солнцемъ сѣде беззаконный Махметъ“ ²⁾. Естественно, что для сознанія русскихъ книжниковъ это роковое для Византіи событіе являлось не инымъ чѣмъ, какъ результатомъ отступленія ея представителей (царя и патріарха) отъ православной вѣры, Божіимъ наказаніемъ за это именно ихъ преступленіе ³⁾. Эта попущенная отъ Бога за измѣну православію и совершенная рукою „беззаконнаго Махмета“ казнь надъ Византійскимъ царствомъ служила какъ бы новымъ и при томъ неоспоримымъ доказательствомъ мысли о той роли, какая выпадала отселѣ русской державѣ. Теперь казалось несомнѣннымъ, что за лицъ земли остался одинъ только истинно - христіанскій народъ—святая православная Русь, куда и бѣжала теперь, послѣ паденія Константинополя, вселенская церковь, и гдѣ отнынѣ должны рѣшиться судьбы всего человѣчества ⁴⁾.

Но въ сознаніи русскихъ людей представленіе о православіи неизбежно должно было ассоціироваться съ представленіемъ о царѣ, какъ его высшемъ государствен-

¹⁾ Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 258.

²⁾ Степени. кн., ч. II, стр. 69; Полн. Собр. Лѣт., т. VIII, стр. 43.

³⁾ См. Посланія митр. Іоны къ Литов. епископамъ. Русс. Истор. Библіот., т. VI, столб. 623, 648—649; посл. митр. Филиппа въ Новгородъ. Ibid., столб. 728—729.

⁴⁾ По вопросу о византійскомъ преемствѣ см. статью Архангельскаго: „Образов. и Литер. въ Москов. государствѣ кон. XV—XVII вв.“ Учен. Зап. Казан. Универ. 1898 г., кн. 7—8; см. также Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русс. исторіи“. Кіевъ, 1869 г.; Терновскаго: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“, вып. 1—2, Кіевъ, 1875—1876 г.; Каптерева: „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII стол.“ М. 1885; проф. Владимірскаго-Буданова: „Обзоръ исторіи русскаго права“. Изд. 2. Кіевъ 1888 г., стр. 143 и дал.

номъ блистатель. Примѣръ и вліяніе Византіи необходимо создавали такую ассоціацію. Православная восточно-византійская церковь не могла быть безъ православнаго царя. Здѣсь этотъ царь явился для церкви, какъ ея *centrum unitatis*, разсматривался, какъ общій, поставленный отъ Бога, епископъ, имѣющій особенное попеченіе о церкви Божіей и, при возникновеніи разногласій, учреждающій соборы служителей Божіихъ ¹⁾. Первѣй вселенскій соборъ въ своей привѣтственной рѣчи императору Константину рельефно проводилъ мысль, что царская власть поставлена Богомъ для водворенія общаго церковнаго мира и для утвержденія истинной вѣры и благочестія ²⁾. Съ чрезвычайною ясностію и силой выражена идея высшей церковной власти императора въ посланіи отцовъ седьмого вселенскаго собора „благочестивѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ гоеударямъ Константину и матери его Принцѣ“. „Державнѣйшіе императоры!—писали отцы собора. Славится Глава церкви, Христосъ Богъ нашъ; такъ какъ хранимое руками Его сердце Ваше произнесло доброе слово и повелѣло намъ собраться во имя Его, чтобы сохранить непоколебимымъ и несокрушимымъ твердое и божественное ученіе церкви... Какъ руководители всего Вашего посягаго Христова имя народа, Вы увѣковѣчили слово истины и изобразили характеръ православія и благочестія, возсіяли для вѣрующихъ, яко свѣтильники, издающіе на всѣ стороны сіяніе, церквамъ, находившимся въ опасности, подали руку помощи, утвердили въ нихъ здравое ученіе и укрѣпили единомысліе между разномыслящими“ ³⁾. Сообразно такимъ возвышеннымъ взглядамъ представителей церкви

¹⁾ См. сочин. Евсевія Памфила: „О жизни блаженнаго царя Константина“, гл. 44. Сочин. Евсевія Памфила, перев. съ греч. при С.-Петербург. дух. акад., изд. 1850 г., т. II, стр. 92.

²⁾ См. Млад. вселен. соб. въ русск. перев. Казан. дух. академіи, изд. 1859 г., т. I, стр. 86—87.

³⁾ Дѣян. вселен. соб., т. VII, стр. 613; см. посл. Халкид. (IV вселен.) соб. къ импер. Валентиніану и Маркіану. Ibid., т. III, стр. 666.

на положеніе, права и обязанности императорской власти, и сами византийскіе императоры смотрѣли на себя, какъ на лицъ, которые облечены отъ Бога и царскимъ могуществомъ, и священническимъ поначеніемъ. Въ этомъ именно смыслъ они иногда называли себя „императорами и священниками“ ¹⁾, а издавая свои различные законы и постановленія, выражались, что они заповѣдуютъ „divino verbo“, издають „divina praecepta“, „divinam jussionem“ ²⁾. И хотя въ византийскомъ императорскомъ законодательствѣ ясно и точно проводилась идея о правахъ церкви на независимость и широту ея дѣятельности и власть церковная весьма высоко поставлялась въ сферѣ государственной ³⁾, но высокій взглядъ государства на права церковной власти нерѣдко существовалъ только въ теоріи; дѣйствительныя-же отношенія къ церкви царственныхъ властителей Византіи часто далеко не соответствовали той идеѣ гармоніи и согласія между властями—императорскою и церковною, между царствомъ и священствомъ, какия жила въ сознаніи самихъ-же Византийцевъ: многіе изъ этихъ царей—властителей на дѣлѣ проявляли гораздо больше власти, чѣмъ сколько позво-

¹⁾ Такъ называлъ себя напр. импер. Левъ Исавряннинъ въ своей перепискѣ съ папою Григоріемъ I. Ibid., т. VII, стр. 40—41.

²⁾ См. объ этомъ у Еписк. Никодима: „Правосл. Церковное Право“, перев. съ сербскаго Петровичемъ, СПб. 1897 г., стр. 684 и прим. 12.

³⁾ Вотъ какъ напр. опредѣляется взаимоотношеніе императорской и патриаршей власти въ уложеніяхъ императоровъ—Василія I и Льва VI: „государство—говорится здѣсь—подобно организму человеческому, состоитъ изъ частей и членовъ, и величайшіе и необходимыя члены его суть императоръ и патриархъ. Поэтому миръ и счастье подданныхъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ достигается полнѣйшею гармоніею и согласіемъ этихъ обѣихъ властей—императорской и первосвященнической“. См. „Очерки внутренней исторіи восточ. церкви въ IX, X и XI вѣкахъ“, проф. А. Лебедева въ „Чтен. въ Общ. Люб. дух. просвѣщ.“ за 1876 г., ч. I, стр. 39; см. также „Правосл. Церк. Право“ Еп. Никодима, стр. 681—683. А въ дѣяніяхъ VII всел. соб. взаимоотношеніе двухъ указанныхъ властей кратко выражено такъ: „священникъ есть освященіе и укрѣпленіе императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства. Дѣян. вселен. собор. въ русс. перев., т. VII, стр. 202.

ляла имъ церковь въ ея сферѣ ¹⁾. По свидѣтельству историка Никиты Хониата, византійскіе императоры считали для себя невыносимою обидою, если ихъ не признавали мудрецами, людьми подобными Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ -- непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ, установителями догматовъ и судьями, наказывающими тѣхъ, кто не соглашается съ ними ²⁾.

Положеніе, права и обязанности византійской императорской власти съ ея священнымъ іерархическимъ значеніемъ (какъ эта власть представлялась въ византійскихъ государственныхъ теоріяхъ) не безызвѣстны были и великимъ князьямъ Московскимъ, — тѣмъ болѣе, что сами патріархи Константинопольскіе иногда давали имъ на этотъ разъ прекрасные уроки. Вотъ что писалъ напр. объ императорахъ византійскихъ патріархъ Константинъ Антоній въ своемъ посланіи къ великому князю Московскому Василію Димитріевичу: „святой царь — говорится въ посланіи — занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни; и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари вмѣстѣ съ соборами своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ кафедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окру-

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ указанной статьѣ проф. Лебедева; см. также изслѣдов. проф. Нарбекова: „Номоканонъ Констант. патр. Фотія съ толков. Вальсамона“. Казань 1899 г., ч. I, стр. 135—142.

²⁾ Ист. Никиты Хониата въ русск. перев., СПб. 1860 г., I, стр. 271—272; см. II, стр. 122—123.

жили владѣнія и землю царя, все-же до настоящаго дня царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ церкви, по тому-же чину и съ тѣми-же молитвами помазуется великимъ мѣромъ и ноставляется царемъ и самодержцемъ (*καροτονείται βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ*) ромеевъ т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или прочихъ властителей¹⁾. Нѣтъ ничего хорошаго, если ты говориши: мы имѣемъ церковь, а не цари. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлать ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, нестествовавали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію божіею, есть государь православиѣишій и вѣриѣишій, поборникъ, защитникъ и отметитель церкви; поэтому невозможно быть архіереємъ и не почитать его. Послушай верховнаго ап. Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: Бога бойтесь, цари чтите, не сказали „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но „царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной“²⁾. Такова власть съ ея прерогативами, вмѣщавшаяся въ лицѣ православнаго византійскаго царя. Эта власть, власть въ полномъ смыслѣ неограниченная, монархическая, равно касалась какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ дѣлъ и по характеру своему считалась властію наследственной, преемства-

¹⁾ Въ княженіе Василія Дмитріевича, при митрополитѣ Кипріанѣ (который, между прочимъ, сдѣлалъ у насъ извѣстной „молитву на по-
становленіе царя или князя“) на Руси было отмѣнено помянутое именъ
византійскихъ императоровъ. По этому именно поводу патріархъ и при-
слагъ великому князю посланіе. См. Пыпина „Ист. русс. литерат.“ т. II,
СПб. 1898 г., стр. 12—13.

²⁾ Русск. Истор. Библіот., т. VI. Приложенія, столб. 272—276.

ющею отъ Бога. Въ торжественномъ обрядѣ вѣнчанія и помазанія на царство Императоръ получалъ религіозно-церковное освященіе своею властью и причислялся къ разряду лицъ священныхъ, на которыхъ ниспала благодать Божія. Царскія регалии—корона, скипетръ и держава служили вѣнчаннымъ символомъ его высшей царской власти.

И вотъ теперь, съ паденіемъ Царьграда и водвореніемъ на его мѣстѣ турецкой державы, эти православные византійскіе цари, представлявшіе изъ себя политическую главу всего православнаго міра, сошли съ исторической сцены, не устоявъ на высотѣ своего царственного призванія—быть верховными блюстителями и защитниками истиннаго благочестія, истинной православной вѣры, и даже явившись измѣнниками православію и чрезъ то навлекши на свое царство грозную божественную кару. Но если, такимъ образомъ, прежніе царственные блюстители православія не оказались вѣрными высотѣ своего положенія и такъ печально закончили свою историческую судьбу, то кто же—спрашивалось—явится ихъ достойнымъ наследникомъ, кому послѣ нихъ будетъ принадлежать высокая и священная роль царственного охранителя истинной вѣры и благочестія, если не для всей православной вселенной, то, по крайней мѣрѣ, для обособленныхъ ея частей? У русскихъ книжниковъ, благодаря предшествовавшимъ обстоятельствамъ Флорентійской уніи, скоро нашелся отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ ихъ сознаніи кто иной могъ явиться такимъ достойнымъ замѣстителемъ и наследникомъ царей византійскихъ, какъ

*) Чины вѣнчанія греческихъ царей на царство см. въ приложеніяхъ къ статьѣ Е. Барсова: „Историч. очеркъ чиновъ вѣнчанія на царство“. Чтен. въ Общ. Исторіи и древн. Россійск. при Москов. Унив. за 1883 г., кн. I, стр. 1—31. Здѣсь приведено изъ сочиненія Кодина: „Объ обрядахъ Константинопольскаго двора и чинахъ великой церкви“ повѣствованіе о вѣнчаніи царей, а также повѣщенъ чинъ коронаванія императора Мануила Палеолога въ 1392 г., описанный русскимъ путешественникомъ, Смоленскимъ іеродіакономъ Ігнатіемъ, который былъ въ Царьградѣ очевидцемъ этой коронаціи.

не Московскій великій князь, который съ ревностію возсталъ на защиту „древняго благочестія“ отъ угрожавшей ему со стороны уніи опасности, который въ это тревожное время „единъ обрѣтается Богомъ вразумляемый ревнитель по Бозѣ и по Его истинномъ законѣ“ ¹⁾, который осудилъ унію, „позналъ Сидора волкохыщнаго ересь и скоро обличивъ посрамилъ его“ и тѣмъ спасъ „святую церковь иже въ Руси цвѣтущаго благочестія безнавѣтну и безмятежну“ ²⁾, — тотъ великій русскій князь, о которомъ — по разсказу неизвѣстнаго автора „слова объ осьмомъ соборѣ“ ³⁾ — императоръ Іоаннъ Палеологъ (чтобы побудить папу Евгенія IV помедлить открытіемъ собора до прибытія представителя отъ русской земли) предъ собравшимися представителями восточной и западной церкви говорилъ, что „ему восточніи цари прислухаются и великіи князи съ землями служатъ ему“, и что только „смирения ради и благочестія не зовется онъ царемъ, но княземъ великимъ русскихъ земель православія“ ⁴⁾. Явившись главнымъ виновникомъ торжества „великаго православія русскія земли“ надъ кознями враговъ, хотѣвшихъ въ него „всѣяти, яко плевелъ во пшеницу, римское учение“ ⁵⁾, этотъ великій князь русскій вполнѣ достойно былъ названъ „новымъ Владимиромъ, благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоустановаго закона святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданія, иже во благочестіи цвѣтущимъ“ ⁶⁾, „русскія

¹⁾ Степени. кн., ч. II, стр. 11.

²⁾ См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 162—163.

³⁾ По предположенію проф. Павлова, слово это принадлежит Пахомію Сербу, современнику и сотруднику Симеона Іерея Суздальскаго, описавшаго путешествіе митр. Исидора въ Итазію на Флорент. соборъ. См. его „Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, СПб. 1878 г., стр. 100.

⁴⁾ Никон. Лѣтоп., ч. V, стр. 129; Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 153; Степени. кн., ч. II, стр. 9.

⁵⁾ Послан. митр. Іоны Литовск. князьямъ. Русск. Истор. Библ., т. VI, столб. 637.

⁶⁾ Посл. митр. Іоны къ Литов. епископамъ (1460 г.) Русск. Ист. Библ., т. VI, столб. 647.

земли утвержденіемъ и православною вѣрѣ исправленіемъ“¹⁾). Новое высокое положеніе представителя русской земли, въ которой одной, послѣ паденія Византіи, сіяетъ „истинная вѣра благочестія“, нужно было отмѣтить соотвѣтствующими прибавленіями и въ самомъ его титулѣ, и вотъ онъ сталъ называться „благороднымъ, благочестивымъ, благовѣрнымъ, христіюлюбивымъ“²⁾), „въ благочестіи цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ“, „великимъ православнымъ государемъ“³⁾), „богочестивымъ православною царемъ всея Руси“⁴⁾), а вся его „великая русская держава“—„православнымъ великимъ самодержествомъ“⁵⁾).

Итакъ, царство изъ Византіи перешло на Русь; на защиту православія, вмѣсто прежнихъ его законныхъ блюстителей—царей греческихъ, возсталъ великій князь русскій. Онъ теперь единственный православный государь, единственный „благочестивыя вѣры истинный поборникъ и о истинѣ усердный ревнитель.“⁶⁾); на него-то и должна быть перенесена теперь та идея представительства православнаго христіанства, которая прежде была достояніемъ единовѣрной Россіи имперіи греческой⁷⁾.

¹⁾ Изъ „Повѣсти, како римскій папа Емгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники“, принадл. перу Суздальскаго іерея Симеона. Уч. Зап. Имп. Каа. Унив. за 1896 г., кн. 7—8, стр. 180.

²⁾ См. посланія митр. Іоны. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 548, 621, 642, 651.

³⁾ Ibid., столб. 659, 661, 665.

⁴⁾ Изъ „слова избранна отъ святыхъ писаній, еже на латиню“, составленн. при митр. Осодосіи. См. сочин. А. Попова: „Историко-литератур. обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ“. М. 1875 г., стр. 394—395.

⁵⁾ Русск. Истор. Библ., т. VI, столб. 623 (окруж. посл. митр. Іоны литов. еписк.), столб. 662 (его-же грамота еп. Смоленск. Мисаилу).

⁶⁾ Степен. кн., ч. II, стр. 9.

⁷⁾ Мысль о преемственномъ перенесеніи въ Москву политическаго и церковнаго значенія Византіи и, въ частности, о Московскихъ государяхъ, какъ единственныхъ и законныхъ продолжателяхъ императоровъ греческихъ, нашла себѣ образное выраженіе въ цѣломъ рядѣ сложившихся на русской почвѣ сказаній. Таковы именнно сказанія объ истинныхъ генеалогическихъ связяхъ Московскихъ великихъ князей съ императорами

Такия лестныя для русскихъ патриотовъ мысли о выпавшей, послѣ паденія Царяграда, на долю православной Руси и ея представителя—государя Московскаго особой великой миссiи съ теченiемъ времени все болѣе и болѣе распространялись на русской почвѣ и все глубже и глубже входили въ общественное сознаниѣ, нашедши для себя въ первой половинѣ XVI в. окончательную и полную формулировку въ посланiяхъ старца Исковскаго Елеазарова монастыря Филовея. Вотъ что писалъ этотъ старецъ въ своемъ посланiи къ великому князю Василію Іоанновичу ¹⁾: „Иже отъ вышняя и отъ всемогущія, всесоудержащія десница Божія, иже царіе царствуютъ и иже великіи величаются и силнии нинуть правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему Государю великому князю, православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолѣ святыхъ вселенскіи и апостольскіи церкви пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея усненія, иже вмѣсто римскіи и константинопольскіи просіявшу. Старого убо Рима

римскими (Рюрикъ—потомокъ римскаго кесаря Августа) и о перенесеніи изъ Греціи на Русь, еще при Владимірѣ Мономахѣ, священныхъ царскихъ писемъ. Сказанiя эти должны были служить въ глазахъ современниковъ какъ бы оправдательнымъ историческимъ документомъ для мысли о Московскомъ царствѣ, какъ „третьемъ Римѣ“, послѣ того, какъ пали „первый“ Римъ и „второй“. Подробности см. у Пыпина: „Истор. русск. литер.“, т. II. СПб. 1898 г., стр. 2—16. Родословіе отъ Пруса, брата или сродника кесаря Августа, и сказаніе о Мономахомъ вѣнцѣ получили особенную извѣстность при Іоаннѣ IV, что можно видѣть изъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній времени этого Грознаго Царя. О царственныхъ регалияхъ см. также: А. О. Вельмана: „Царскій элатой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя импер. Василіемъ и Константиномъ пернотвичанному велик. князю Владиміру Кіевскому“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1860 г., кн. I; Прозоровскаго: „Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“ въ Записк. отд. русск. и славян. археол. Импер. Русск. Археол. Общ. 1882, III; Н. II. Кондакова: Русскіеклады. Наслѣдов. древностей великокняжескаго періода, I, СПб. 1896 г. и др.

¹⁾ По мнѣнію проф. Малинина, написано м. 1515—1521 г.г. См. его ст.: „Старецъ Елеазарова монастыря Филовей и его посланіе къ царю и вел. князю Ивану Васильевичу“ въ Труд. Кіев. дух. акад. за 1888 г., май, стр. 72—126.

церкви падеся нествѣріємъ аполдинаріевы ереси; втораго же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы съкирами и оскордми разѣжкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концѣхъ вселеншия въ православной христіанстѣи вѣрѣ во всей поднебеснѣи наче солица свѣтитя. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры сиждошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебеснѣи христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои праѣды великій Константинъ и блаженный Владиміръ и великій богонзбранный Ярославъ и прочіи блаженнии святіи, иже корень и до тебе... *Блюди и немли, благочестивый царю, яко ося христіанская царства сиждошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство имъ не достанется, но великому Богослову* ¹⁾. А въ посланіи къ дяку Михаилу Мунехину (служившему при царскихъ намѣстникахъ во Исковѣ съ 1510—1528 г.) тотъ-же старецъ, давъ названному дяку отвѣтъ на его вопросъ объ астрологическихъ предсказаніяхъ, въ заключеніе пишетъ: „о сихъ убо преупокоивше слово, мала пѣкая изречемъ словеса о нынѣшнемъ православномъ царствіи пресвѣтлѣйшаго и великостолнѣйшаго государя нашего, иже по всей поднебеснѣи единого христіаномъ царя, и браздодержателя святыхъ божіихъ престолъ, святаго вселенскія церкви, иже вмѣсто римской и Константинопольской, иже есть въ богоспасеніи градъ Москвѣ, святаго и славнаго усненія пресвятыя Богородицы, иже единая во всей вселеннѣи наче солица свѣтитя. И да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко *вся христіанская царства прендоша въ концѣ и сиждошася во едино царство нашего государя, но пророческимъ книгамъ, то есть руссійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти...* Христіан-

¹⁾ См. Правосл. Собесѣди. за 1863 г., ч. I, стр. 343—348.

ская царства потоннилася отъ невѣрныхъ, токмо еди-наго нашего государя царство, благодатию Христовою, стоитъ ¹⁾.

Такова теорія о православномъ русскомъ царствѣ въ ся, такъ сказать, заключительной Филоосевской редакціи. Послѣ паденія Византіи все православное христіанство заключилось въ одно царство православнаго русскаго государя. Старый Римъ палъ, заразившись ересью Аполлинарія; новый Римъ—Константинополь палъ и нравственно, и политически, сдѣлавшись столицей басурманства, за свое соединеніе съ латинянами на осьмомъ (Флорентійскомъ) соборѣ. На ихъ мѣсто выступилъ третій и послѣдній Римъ—Москва, которая и явилась теперь единственныя въ мірѣ убѣждицею православія и благочестія. Московскій государь сталъ теперь единственныя въ мірѣ „правовѣрствующимъ царемъ“ ²⁾. Какъ преемникъ величія и славы древнихъ всемірныхъ государей, онъ долженъ быть во всемъ подобенъ имъ: титулъ Августа и скипетръ Константина должны украшать и его, какъ самодержца и браздодержателя престоловъ

¹⁾ Правосл. Соборѣди. за 1861 г., ч. II, стр. 95—96. Мысль, что послѣ паденія Византіи на лицѣ земли остался одинъ только истинно-христіанскій царь, именно государь русскій, рельефно также выразилъ Максимъ Грекъ въ своемъ посланіи къ вел. кн. Василію Іоанновичу о переводѣ Толковой Псалтири. Проси великаго князя отпустить его съ товарищами въ тишину св. Афонской обители, Максимъ писалъ Василію Іоанновичу: „да уразумеютъ отъ насъ и тамо пребывающіи христіане, яко имѣютъ еще царя, не о языцѣхъ токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изобилююща, но яко правдою и православіемъ лаче всѣхъ прославленъ естъ, яко Константинъ и Осодосію Великимъ уподобитися моци, имъ же и твоя терзава послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царствовать, отъ нечестивыхъ работы освобожденнымъ Тобою“. См. Карамзина: „Ист. Госуд. Россійск.“, т. VII, изд. 2, Спб. 1819 г., пр. 340.

²⁾ Незавѣстный авторъ „слова къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣриемъ“ такъ отзывается о русскомъ царѣ: „аше убо вѣрныхъ царь въ нынѣшнее время испытованъ, во всѣхъ языцѣхъ, кромя русійскаго языка, не вѣны правовѣрствующа царя“. См. сочин. Ізмакина: „Митр. Давидъ и его сочиненія“. М. 1881 г., Прилож. XXII, стр. 70.

древнихъ всемірныхъ монархій, соединившаго ихъ въ одно великое цѣлое ¹⁾).

Окружая, такимъ образомъ, ореоломъ величія православно русское царство, заступившее непосредственно мѣсто славной византійской имперіи, выдвигая Московскаго государя, какъ „единого во всемъ мірѣ царя православнаго“, указанная Московская теорія этимъ самымъ сообщала русскому государю религіозное освященіе. Для усиливавшейся власти Московскихъ великихъ князей это было какъ нельзя болѣе кетати. Естественно, что эти князья спѣшили воспользоваться этимъ новымъ средствомъ для окончательнаго установленія на Руси въ своемъ лицѣ единодержавія и самодержавія. Урокъ, данный Константинопольскимъ патріархомъ Антоніемъ Василію Димитріевичу (о необходимости во всемъ христіанскомъ мірѣ признать власть единого византійскаго царя) не пропалъ даромъ. Вступившій въ бракъ съ греческой царевной, въ лицѣ которой совершилась какъ бы пере-

¹⁾ Насколько твердо укрѣпилась въ сознаніи русскихъ людей формулированная старцемъ Филооомъ идея о значеніи (послѣ паденія Византіи) Правосл. Руси в ея Государей, съ ясностію можно усматривать, м. прочимъ, изъ того, что идея эта въ той-же самой Филоооевской формулировкѣ повторена въ грамотѣ объ учрежденіи патріаршества, написанной по приказанію царя Оеодора Ивановича на пергаментѣ золотомъ и червеною краскою. Въ грамотѣ въ уста патріарха Іереміи вкладываются слѣдующія слова, представляющія изъ себя какъ-бы буквальную выдержку изъ посланій вышеназваннаго старца: „По истинѣ—сказалъ будто-бы Московскому государю Іеремія—изъ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребываетъ Духъ Святій, и отъ Бога такая мнѣсть (т. е. объ учрежд. патріарш.) тобою будетъ приведена изъ діла, ибо древній Римъ палъ Аполлмаріевою сресью, а второй Римъ—Константинополь находится въ обладаніи енукоу патріархскихъ, безбожничъ турокъ; твое же великое Россійское царство, третій Римъ, превозмола всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались съ твоемъ царство, и ты одинъ подѣ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной у всѣхъ христіанъ“. См. „Ист. русс. Церкви“ Преосв. Макарія, т. X, Сиб. 1881 г., стр. 40. Найдены Арсеній Сухановъ, отправленный около половины XVII в. на почтокъ для собранія свѣдѣній о богослужебныхъ книгахъ и обрадахъ (по поводу появившаго раскола), изъ преній своимъ съ византійцами, м. прочимъ, сказалъ: „никогдѣ, вмѣсто царя (Цареградскаго), на Москѣ Государь—царь благочестивый, единый царь благочестивый во всей подсолнечной, и царство его христіанское Богъ прославилъ“. Ibid., т. XI, стр. 155.

дача наследственныхъ правъ потомства Палеологовъ русскому великокняжескому дому, Іоаннъ Васильевичъ III первый положилъ начало претензіямъ со стороны Московскихъ князей на титулъ и власть византійскихъ императоровъ. Сынъ Іоанна III, Василій III, уже носилъ фактически царскій титулъ, а Іоаннъ IV Грозный принялъ этотъ титулъ официально вмѣстѣ съ сказаніемъ, по которому знаки царственнаго достоинства переданы были византійскими царями еще Владиміру Мономаху. Но, конечно, мало было одной воли царя и одной слишкомъ общаго характера теоріи, чтобы сдѣлать, такъ сказать, жизненными, твердо укоренить въ живомъ общественномъ сознаніи византійско-государственнаго понятія о царскихъ правахъ и обязанностяхъ, соединившихся съ новымъ положеніемъ Московскаго государя, въ какое ставила его Московская теорія, — съ положеніемъ единаго въ мірѣ царственнаго блюстителя чистоты вѣры и благочестія, верховнаго представителя единственнаго во всей вселенной православнаго царства, въ которомъ, послѣ совершившейся падъ Византіей божественной кары, наша достойное для себя мѣсто обитанія истинная православная церковь. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно и оказали Московскимъ государямъ ея представители въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., какъ будто нарочито стремившіеся и смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ представить дальнѣйшее наглядное раскрытіе идей о значеніи власти государя Московскаго, возникавшихъ на основѣ изложенной нами теоріи о православномъ русскомъ царствѣ.

Въ послѣдней четверти XV вѣка въ православномъ русскомъ царствѣ, гдѣ дотолѣ — по изображенію (кстати замѣтить, не советѣмъ-то исторически — вѣрному) Іосифа Волоцкаго — въ теченіе 470 лѣтъ не было „единаго еретическая мудрствующа, по вси славили Святую Троицу“¹⁾,

¹⁾ Сл. сказаніе о новоявившейся ереси Новгородскихъ еретиковъ... Древн. Россійск. Визаюбка, ч. XIV, стр. 128—129.

явилась и распространилась ересь, грозившая испровергнуть утвердившееся и полнымъ свѣтомъ сіявшее въ этомъ царствѣ православіе. Нужно было позаботиться принять мѣры къ искорененію злыхъ еретическихъ извѣдъ, явившихся на чистой нивѣ руссійскаго православія, нужно было удалить опасность, такъ неожиданно нависшую надъ православною Русью, издавна гордившеюся предъ всѣми другими странами чистотою своею вѣры. За измѣну этой вѣрѣ палъ первый Римъ, за измѣну ей подвергся скверному плѣненію Агарянскому и новый Римъ—Царьградъ. На мѣсто ихъ носителямъ и хранителямъ истиннаго благочестія, чистой православной вѣры выступили третій и послѣдній Римъ—Москва, Московское царство. И вотъ теперь и для этого послѣдняго Рима вдругъ создалась великая опасность потерять чистоту православія и такимъ образомъ не выполнить той роли, которая доставалась ему по Константинопольскому наслѣдству. Но кому другому,—спрашивалось,—нужно было принять на себя главную заботу объ устраненіи явившейся опасности, на комъ другомъ лежала прежде всего обязанность предпринять мѣры къ пресѣченію зла, какъ не на верховномъ представителѣ этого третьяго и послѣдняго Рима, на православномъ русскомъ царѣ, заступившемъ теперь мѣсто православныхъ царей греческихъ—прежнихъ ревнителей вѣры и ее защитниковъ при всѣхъ угрожавшихъ ей опасностяхъ. Теперь какъ нельзя болѣе благовременно было напомнить выступившимъ въ роли такихъ замѣстителей государямъ Московскимъ о соединенныхъ съ этимъ замѣстительствомъ ихъ правахъ и обязанностяхъ по отношенію къ истинной вѣрѣ и благочестію, достойнымъ средоточіемъ и хранилищемъ которыхъ явилось вѣренное ихъ попеченію и власти русское царство,—напомнить имъ и раскрыть предъ ними эти права и обязанности. Такое напоминаніе и раскрытіе, какъ нами было уже въ своемъ мѣстѣ замѣчено, дѣйствительно и совершается теперь, и идетъ оно со стороны представителей русскаго духовенства, по самому

долгу своего служенія выступившихъ поборниками православія противъ „еретическая мудрствовавшихъ“. Появленіе ереси и борьба съ нею послужили, такимъ образомъ, фактической почвой, на которой началось примѣненіе къ личности государя всея Руси началъ византійско-государственныхъ теорій о значеніи царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, которыя должны простираться на всѣ сферы жизни самымъ Богомъ вѣреннаго верховному попеченію этой власти государства, включая сюда и область жизни религіозно-церковной.

Первымъ ревностнымъ борцомъ противъ еретиковъ выступилъ Архіепископъ Новгородскій Геннадій. Въ написанныхъ имъ по поводу появившейся ереси посланіяхъ и грамотахъ съ достаточною ясностію указывается, какая роль должна принадлежать Государю Московскому въ дѣлѣ истребленія еретическаго мудрованія. По представленіямъ Новгородскаго владыки, принять заботливыя мѣры къ устраненію наступившихъ церковныхъ нестроений—прямой долгъ православнаго государя; безъ его властныхъ распоряженій уничтожить эти нестроения невозможно. „А того толке не управитъ князь великій, а того на крѣпко не обещеть—писалъ онъ епископу Суздальскому Нифонту—никогда не будетъ послѣднія дѣла горше первыхъ. И ты бы о томъ митрополиту явилъ, чтобы митрополитъ печаловался государю великому князю, чтобы поочистилъ церковь Божию отъ тое ереси“¹⁾. Чтобы государь князь Московскій не забывалъ соединенныхъ съ его властію правъ и обязанностей по отношенію къ церкви православной, особенно теперь, въ виду угрожавшей ей опасности, представители церкви, кромѣ прямыхъ напоминаній ему объ этомъ, должны тому содѣйствовать также и своими молитвами къ Богу о верховномъ представителѣ православнаго русскаго царства.

¹⁾ Грамота Геннадія Нифонту. См. „Послѣд. о сочиненіяхъ Іосифа Санина, препод. игумен. Волоцкаго“ Н. Хрущова. Спб. 1868 г. Источники, стр. XXII—XXIII.

„А вышѣ бы еси о Государѣ и Бога молить,—писалъ Геннадій архіепископу Ростовскому Іоасафу,—чтобы Государю Богъ положилъ на сердце, чтобы управилъ церковь божію, православное бы христіанство отъ еретическаго нападенія, отъ тѣхъ еретиковъ, жидовская мудрствующихъ, непоколебимо было“ ¹⁾. „И ты бы, господине,—убѣждалъ онъ митрополита Зосиму,—великому князю о томъ (объ искорененіи еретиковъ) пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великого князя: занеже не кому иному того разговаривать государю, а лежитъ то на тебѣ, на отцѣ нашемъ, и на насъ, на твоихъ дѣтѣхъ. Да того ради молитва за государя уставлена..., чтобы, дасть Богъ, онъ здоровъ былъ на многа лѣта..., да и мы тихо и безмолвно житіе проживемъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ“ ²⁾. Для истребленія злыхъ еретическихъ плевелъ и успокоенія церкви требуется разнекивать и казнить еретиковъ, а все это зависить именно отъ власти государя: его „государская гроза“—главный двигатель въ этомъ столь важномъ дѣлѣ. „Ино какже ихъ можно было донти,—сообщалъ Геннадій названному выше Ростовскому архіепископу,—аще бы великій князь не приказалъ своимъ бояромъ со мною, своимъ богомольцемъ, того обыскати? И молитвами Пречистыя Богоматере и его Государскою грозою съ его бояры... того съими обыскали на крѣпко“ ³⁾. „А не изнѣшили бы есте,—софѣтовалъ онъ собору владыкъ 1490 г.,—ставить владыку (Коломенскаго): прежде бы есте стали накрѣпко о томъ, чтобы еретиковъ обыскали накрѣпко, да тѣхъ бы велѣлъ казнить князь великій“ ⁴⁾. По возвращеніямъ Геннадія, самая честь православнаго русскаго

¹⁾ Посланіе къ Іоасафу. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 8, Сметл.

²⁾ Грамота Геннадія къ Зосимѣ. Русс. Ист. Библіот., т. VI, столб. 775—776. Актн Археогр. Экспеди., т. I, № 380, стр. 482.

³⁾ Указанн. посланіе къ Іоасафу.

⁴⁾ Грамота Геннадія къ собору епископовъ. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 779.

государя требуетъ отъ этого послѣдняго ревностныхъ заботъ объ устраненіи возникшихъ церковныхъ безпорядковъ и нестроеній; ради уже самой этой чести онъ долженъ со всею строгостію проявить свою власть на защиту православной вѣры и церкви, не чуждаясь даже въ этомъ случаѣ примѣра ревностнаго „Шпанскаго короля“, чтобы такимъ образомъ „съ своей земли соромота свести“ ¹⁾).

Такъ понималъ права и обязанности государя Московскаго по отношенію къ вѣрѣ и церкви владыка Новгородскій Геннадій, жаркій сторонникъ искорененія ереси посредствомъ казни ея послѣдователей. Какъ верховный охранитель чистоты правовѣрія, стоящій во главѣ православнаго русскаго царства, Московскій государь долженъ оправдать это свое государственно-политическое значеніе принятіемъ самыхъ строгихъ мѣръ къ уничтоженію возникшей для православной вѣры опасности, долженъ со всею ревностію позаботиться о томъ, „чтобы—по выраженію митрополита Геронтія—христіанство въ възмущеніи не было, а церковь бы Божія безмятежна была“ ²⁾.

Такіе же взгляды на права и обязанности политической главы русскаго государства—великаго князя Московскаго проводить на той же религіозной почвѣ и другой, современный Геннадію и не менѣе его ревностный, защитникъ православія противъ ереси жидовствующихъ, игуменъ Волоцкій Іосифъ. Но въ затронутыхъ и высказанныхъ имъ по данному предмету воззрѣніяхъ намъ представляется какъ бы уже цѣльная, отличающаяся полнотою и законченностію государственно-политическая теорія. Конечно, игуменъ Волоколамскій не задавался цѣлію создать такую теорію, но то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что раскрытыя имъ въ указанномъ направленіи идеи не могли не получить и нѣкотораго чисто-политическаго значенія. Явленіе это было вполне есте-

¹⁾ Указаніи. грамота его къ митр. Зосимѣ.

²⁾ Его грамота архіеп. Геннадію. Русс. Ист. Библіот., т. VI, столб. 764.

ственно и послѣдовательно въ виду той постоянной связи, какая существовала между Іосифомъ и великимъ княземъ, который весьма уважалъ вліятельнаго Волоцкаго игумена и пользовался его совѣтами.

Строгій ревнитель древней монастырской дисциплины, ревностный борецъ за преданія церкви, наконецъ, выдающійся писатель своего времени, препод. Іосифъ Волоколамскій былъ ученикомъ пользовавшагося великимъ уваженіемъ у современниковъ Пафнутія Боровскаго, основателя и игумена монастыря близъ г. Боровска (1441—1451 г.), о которомъ, между прочимъ, извѣстно, что онъ отличался чувствомъ глубокой преданности дому великихъ князей Московскихъ и ихъ интересамъ. Эту свою преданность Пафнутій нагляднѣе всего проявлялъ въ фактѣ передачи своего монастыря изъ —подъ власти мѣстнаго удѣльнаго князя въ державу вел. князя Московскаго (а подобныя факты, конечно, должны были сильно возвышать авторитетъ великокняжеской Московской власти). Когда въ 1472 г. Іоаннъ III уступилъ своему брату Борису Волоцкому Вышегородскую волость вмѣстѣ съ Суходоломъ и монастырь Пафнутія долженъ былъ отойти къ Борису, то основатель монастыря—по разсказу Іосифа Волоцкаго—„началъ говорити: ино хотя князь великій Вышегородъ да и монастырь нашъ далъ князю Борису, и изъ бію челою великому князю, ино монастырь возметь въ свою державу... и князь великій не далъ монастыря Пахнутьева“¹⁾. Въ частныхъ бесѣдахъ со своими учениками и слушателями Пафнутій любилъ сообщать имъ, между прочимъ, различныя преданія о великихъ Московскихъ князьяхъ, при чемъ своимъ назидательнымъ разсказамъ онъ придавалъ обыкновенно таинственно—религіозный смыслъ и тѣмъ еще болѣе увлекать слушавшихъ его. Въ повѣсть „о велицѣмъ морѣ“, дошедшую до насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими въ

¹⁾ См. Послан. Іосифа къ Борису Кутузову. Древн. Россійск. Визаіон., ч. XIV, стр. 188.

пересказъ ученика и писателя его житія Вассіана, архіепа Ростовскаго ¹⁾, входитъ, между прочимъ, преданіе об одной умершей и вновь ожившей инокини, которая тотчасъ послѣ своей смерти посѣтила загробный міръ и видѣла тамъ, какъ великій Московскій князь, Иванъ Даниловичъ Калита, за свою любовь къ бѣднымъ блаженствовалъ въ раю, а Витовтъ, князь Литовскій, былъ мучимъ мурминами въ аду за неповѣданіе имъ латинской вѣры ²⁾. Недаромъ указанный выше авторъ біографіи Пафнутія въ своей похвалѣ прендобному величаетъ его „теплымъ молельникомъ къ Богу о благочестивомъ и христіансколюбивомъ самодержавіи русскія земли“ и проситъ его помолиться, чтобы и на будущее время „Богъ вѣнчалъ его благородныя чуда вѣнцемъ царствія въ родъ и родъ.. и державу ихъ мирну устроить“ ³⁾. А съ какимъ глубокимъ уваженіемъ относились къ Пафнутію самъ великій князь (Іоаннъ III) и члены великокняжескаго семейства, объ этомъ самымъ яснымъ образомъ свидѣтельствуется тотъ фактъ, что во время предсмертной болѣзни Пафнутія посоль за посоль являлись въ его обители отъ самого Іоанна III, отъ супруги его Софіи, отъ матери Маріи Ярославны ⁴⁾. Отношенія Пафнутія къ великимъ князьямъ Московскимъ были причиною, что извѣстія о немъ, ставшемъ въ послѣдствіи какъ бы семейною святынею Московскаго великокняжескаго дома, вошли въ рус-

¹⁾ Не автора посланія на Угру, а Вассіана, брата Іосифа Волоцкого. См. у Шенюрева—предислов. къ III ч. Истор. русск. словесн., стр. XIV—XVIII; у Хруцова: „Изслѣд. о сочинен. Іосифа Санина“. Источники, стр. XXV—XXVIII.

²⁾ См. указани. Изслѣд. Хруцова, стр. 22, прим. 34; см. также статью свщ. Николаевского: „Русская проповѣдь въ XV и XVI вв.“ въ журн. Минист. Нар. Просв. за 1868 г., м-ць Апрель, стр. 95; см. еще „сочин. Н. С. Тихонова“, М. 1898 г., т. I, стр. 217.

³⁾ См. указани. изслѣд. Хруцова, стр. 19, прим. 28.

⁴⁾ См. „Записку Нинкентія о послѣднихъ дняхъ учителя его Пафнутія Боровскаго“. Каючевскаго: „Древнерусск. житія св., какъ историч. источникъ“. Приложен. I, стр. 444—449.

скую лѣтопись¹⁾. Черта преданности носителямъ великокняжеской Московской власти и ихъ интересамъ, какому отличался Пафнутіи, отъ учителя пердалась, конечно, и знаменитому въ свое время ученику его—Іосифу Волоколамскому.

Прошедши суровую школу монастырской дисциплины, воспитавъ въ себѣ духъ непоколебимой твердости и практической настойчивости, Іосифъ Волоцкій пришилъ на себя въ княженіе Іоанна III роль общественнаго дѣятеля и скоро занялъ (особенно при Василии Іоанновичѣ) положеніе челоуѣка, дававшаго направленіе общественнымъ дѣламъ и съ усиліемъ достигавшаго осуществленія своихъ взглядовъ по тѣмъ вопросамъ, какіе волновали тогда русское общественное сознаніе. А отсюда само собою вытекаетъ, насколько важно для насъ, въ преслѣдуемыхъ нами цѣляхъ, отмѣтить затронутыя и высказанныя этимъ столь вліятельнымъ общественнымъ дѣтелемъ конца XV и начала XVI в.в. воззрѣнія, касавшіеся власти Московскихъ государей.

Выступивъ въ роли ревностнаго литературнаго борца съ распространившеюся ересью, со всею настойчивостію проводившаго и защищавшаго тотъ же суровый взглядъ по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ, котораго держался и Новгородскій архіепископъ, и который выражался въ словахъ: „еретиковъ велѣно не токмо осуждати, но и казнити и къ заточеніе посылати“²⁾, и при этомъ сознавая, что для достиженія цѣли во всей ея полнотѣ необходимо склонить на свою сторону Московскую великокняжескую власть и сообщить ей сильный толчекъ по пути усердствованія за вѣру, Іосифъ такъ или иначе долженъ былъ въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ коснуться вопроса о правахъ и обязанностяхъ государей.

¹⁾ См. Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., т. VIII, стр. 183, 184; Степени. кн., ч. II, стр. 207; см. Акты Пстор., т. I, № 204, стр. 382, № 216, стр. 410.

²⁾ См. Послани. Іосифа къ Суздальск. еп. Нифонту. Русс. Ист. Библ., т. VI, столб. 825.

и по этому поводу высказать свои взгляды на значеніе верховной государственной власти. И мы дѣйствительно видимъ, что на почвѣ борьбы съ послѣдователями еретическаго ученія (а вмѣстѣ и съ партіей заволжскихъ старцевъ, нераздѣлявшихъ его взгляды на отношеніе къ еретикамъ) ¹⁾ онъ не разъ затронулъ указанный вопросъ и, пользуясь библейскими и византійскими источниками, со всею ясностію раскрылъ понятія о царской власти съ точки зрѣнія ея основъ и вытекающихъ отсюда ея правъ и обязанностей.

Въ такъ называемомъ „Просвѣтителѣ“ Іосифа, представляющемъ изъ себя сборникъ полемическихъ сочиненій, написанныхъ этимъ знаменитымъ игуменомъ въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью (и со взглядами партіи заволжскихъ старцевъ), встрѣчаемъ два замѣчательныя мѣста, гдѣ съ особенною рельефностію выражены воззрѣнія автора на верховную государственную власть съ указанныхъ выше точекъ зрѣнія. Одно изъ такихъ мѣстъ находится въ тринадцатомъ, другое—въ шестнадцатомъ словѣ названнаго сборника ²⁾.

Въ составъ перваго изъ этихъ словъ входитъ, между прочимъ, длинное разсужденіе о томъ, что „царемъ и княземъ и судіямъ подобаетъ еретиковъ въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати“. Вотъ при аргументаціи этой то мысли игуменъ Волоцкій и раскрываетъ свои взгляды на верховную государственную власть, указаніемъ на ея высоту, ея назначеніе и ея отвѣтственность за невыполненіе этого назначенія, стараясь обосновать необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ этой власти, и основываясь при этомъ на библейскихъ и византійскихъ источникахъ.

¹⁾ Они были противниками строгихъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ.

²⁾ „Просвѣтителемъ“ Іосифа мы пользуемся въ изданіи Казан. дух. академіи; тринадцатое и шестнадцатое слово „Просвѣтителя“ см. въ Правосл. Собесѣдн. за 1857 г., ч. 3—4. „Просвѣтитель“ есть также въ рукоп. сборн. Кіевск. дух. акад. подъ знакомъ Аз 147, но здѣсь онъ въ в. неполномъ видѣ.

Словами апостоловъ и отцевъ церкви Іосифъ старается показать, что государственная власть есть учрежденіе божественное, что ея права и обязанности самыя широкія и весьма отвѣтственныя. „О царѣхъ и о князѣхъ и о судіихъ—пишетъ онъ—святѣи апостолѣ глаголють, яко они власть пріѣша отъ Господа Бога во отмищеніе злодѣемъ, въ похвалу-же добро творящимъ“ ¹⁾. Приведа самыя относящіяся сюда апостольскія слова (1 Петр. II, 13—14; Римл. XIII, 1—8) ²⁾, онъ въ подтвержденіе той-же мысли ссылается далѣе на авторитетъ Златоуста и Григорія Акраганскаго. Словами послѣдняго онъ заявляетъ, что „царство есть свыше данное дарованіе Божіе въ человѣцѣхъ“, что „пріемшему отъ вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода подобаетъ не токмо о своихъ иеніяхъ и своего житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасати и многогрѣховнаго смятенія“ ³⁾. Опираясь на „священное писаніе, еже отъ градекихъ законъ“, Іосифъ преступниковъ противъ вѣры и церкви („еретиковъ и отступниковъ“), въ отношеніи преслѣдованія со стороны государственной власти, ставитъ наравнѣ съ различными гражданскими преступниками, „татьбу и разбойничества и ина злая дѣла творящими“ и считаетъ первыхъ гораздо болѣе („множае паче“), чѣмъ послѣдніе, заслуживающими такого преслѣдованія ⁴⁾. Авторитетъ заключающихся въ „градекихъ законахъ божественныхъ правилъ“ является, такимъ образомъ, у Іосифа новымъ доказательствомъ неоспоримости и несомнѣнности того положенія, что представители государственной власти облечены правомъ и обязанностію самымъ строгимъ образомъ наказывать еретиковъ, въ защиту православной вѣры и церкви. Сами носители власти государствен-

¹⁾ 13-е слово „Просвѣтителя“. Правосл. Собесѣдн. 1857 г., ч. 3—4, стр. 534.

²⁾ Ibid., стр. 535.

³⁾ Ibid., стр. 536.

⁴⁾ Ibid., стр. 536 и слѣд.

ной не должны забывать высоты своего положенія, налагающей на нихъ такія права и обязанности, и не должны опускаться изъ виду ожидающей ихъ тяжелой отвѣтственности предъ судомъ небеснымъ. „Слышите цари и князи,—поучаетъ ихъ Іосифъ словами Златоуста,—яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ настыря и стража людямъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ неспредимо; васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избралъ на земли, и на Свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ: вы же убо да не держите истину въ неправдѣ, и убойтеся серпа небеснаго, и не давайте воля зло творящимъ человѣкомъ, и не напущайте на праведныя человѣки, якоже пси бѣсныя, или яко, аще кто мечъ дастъ человѣку неистовящуся, и онъ не точію тѣлеса, но и душа погубить“ ¹⁾. Цари и властители должны быть „отмстители Христу на еретики“, чтобы въ противномъ случаѣ, если „они власть дадутъ злочестивымъ человѣкомъ“, не быть имъ „истязанными отъ Бога въ страшный день втораго пришествія Его“ ²⁾. Для большей силы убѣдительности своихъ разсужденій Іосифъ приводитъ, между прочимъ, рядъ примѣровъ изъ исторіи восточно-византійской церкви, какъ „святіи и преподобніи отцы наши, настыріе и учителие, моляху“ благочестивыхъ царей, „яко да еретики потребятъ“ и какъ эти православные цари „силою праведнаго своего царства и мышцею благочестія своего ущедрили церковь свою, уставили церковныя раздоры“, и какъ они „градными оружіи невѣрныхъ еретикъ крѣпость въ конецъ низложивша, вселенскими святыми соборы многоглавыя зміемъ главы яко во ужасѣ отсѣкше, чистую же и правовѣрную вѣру столпъ непоколебимъ и утвержденіе благовѣрія церкви утвердивша“. (Примѣры: первый великій

¹⁾ Ibid., стр. 539—540.

²⁾ Ibid., стр. 540.

царь равноапостольный Константинъ, „пресвѣтлая звѣзда“ Осодосіи Великій, благочестивый царь Маркіанъ, Іустиніанъ и др...) ¹⁾. Испо, что, подобно царямъ греческимъ, и православный царь русскій долженъ быть такимъ же ревностнымъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви, долженъ „поборниковъ ереси или въ заточеніе сослать, или мукамъ и смерти предати“.

Итакъ, охранять и защищать православіе—вотъ что, по воззрѣніямъ Іосифа, составляетъ главную обязанность цари. Обязанность эта стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ происхожденіемъ царской власти, которая установлена Богомъ, посылателей которой „Богъ избралъ на земли въ Себѣ мѣсто“, чтобы быть имъ истинными пастырями и стражами для всѣхъ вѣрнѣйшихъ ихъ попеченію людей и оберегать этихъ послѣднихъ отъ „злоторящихъ челоувѣковъ“, особенно отъ еретиковъ и отступниковъ. Самая тяжелая отвѣтственность угрожаетъ облеченнымъ столь высокимъ положеніемъ царственнымъ властителямъ въ случаѣ неисполненія ими указанной обязанности, но отвѣтственность не передъ какимъ-либо судомъ челоувѣческимъ—общественнымъ-ли то или частнымъ,—а именно предъ судомъ божественнымъ и только предъ нимъ.

Тѣ-же воззрѣнія на значеніе верховной государственной власти, ея права и обязанности, на той-же религіозно-церковной почвѣ и на основаніи византійскихъ же источниковъ, но съ нѣкоторыми новыми оттѣнками въ частности, высказываетъ игуменъ Волоцкій и въ шестнадцатомъ словѣ своего „Просвѣтителя“.

Обосновавъ на авторитетъ „градскихъ законовъ, подобныхъ пророческимъ и апостольскимъ и святымъ отецъ писаніямъ“, свою прежнюю мысль, что „согрѣшенія еретическая и паче отступническая тягчайши бывають разбойническихъ согрѣшеній, и татей, и убійць,

¹⁾ Ibid., стр. 542—544 и слѣд.

и блудниковъ и прелюбодѣевъ, и гробоконателей, и всѣхъ грѣховъ смертныхъ“, и что „царемъ и княземъ и судіямъ земскимъ подобаетъ еретики и отступники казнемъ ли-
тымъ и смерти предавати, якоже убійца и разбойника и нѣи злодѣя“ ¹⁾, и снова, въ видахъ болѣе убѣди-
тельности, указавъ на примѣры ревности о православ-
ной вѣрѣ, проявленной православными царями грече-
скими, которые „не точію простыя человѣки, но и па-
тріарховъ, святителей и священниковъ въ ересь впада-
вшихъ, по проклятiю, во изгнаніе и въ темницы отсыла-
ху, дондеже душа своя злѣ извергона“ (примѣры: царя
Осодосія Старшаго, сославшаго въ заточеніе патріарха
цареградскаго Македоніа со единомысленными ему епи-
скопами, Осодосія Младшаго, Маркіана и др...) ²⁾,—Иосифъ
дѣлаетъ затѣмъ такое замѣчаніе, направленное уже спе-
ціально по адресу русскаго православнаго государя:
„И аще убо нынѣ тако не сотворятъ православніи са-
модержцы, невозможно есть нынѣ чимъ никакоже иско-
ренилися еретикомъ и отступникомъ. Аще ли же о семъ
подвигнутся и ревность покажутъ Христа ради, ерѣтики
и отступники въ темницу ввергнутъ до дне смерти ихъ,
и симъ умирится имать церковь божіа и утасится зло-
честивыхъ еретиковъ и отступниковъ скверное жидов-
ское ученіе“ ³⁾. Если цари будутъ давать еретикамъ
ослабу, вѣря ихъ покаянію, которое часто бываетъ со-
вершенно ложнымъ, то, по взгляду ревностнаго игумена,
ересь не только не будетъ искоренена, но ея послѣдо-
вателямъ данъ будетъ поводъ еще сильнѣе и шире рас-
пространить ее, и въ результатѣ „послѣдніа будутъ
горша первыхъ“. „Державный великій князь Иванъ Ва-
силевичъ,—разсуждаетъ Иосифъ на почвѣ современной
русской дѣйствительности,—егда повелѣ святителямъ
проклинати еретики... и по проклятiю которыхъ повелѣ

¹⁾ 16-е слово Просвѣтителя. Прав. Собес. 1857 г. ч. 3—4, стр. 586—588.

²⁾ Ibid., стр. 593.

³⁾ Ibid., стр. 594.

въ темницѣ сажати“, то они „злѣ животь свой скончаша и никогоже отъ православныхъ не прельстиша“. А когда тотъ же „Державный ятъ вѣру покаянiю еретиковъ“ (которые начали—и многіе ложно—приноситъ раскаяніе послѣ перваго противъ нихъ собора, бывшаго въ 1490 г.), то что изъ этого вышло? Ложно покаившіеся, они „многа неизреченна зла сотвориша и многи отъ православныхъ христiанъ въ жидовство отведоша“, стремясь „сотворити такоже, якоже древніе еретики, иже погубиша многія страны и царства великая“ ¹⁾. А за такія послѣдствія отвѣтственность надасть на царей. Вотъ на этотъ случай разительный примѣръ. „Арменское и Ефiонское и Римское великое царство, отступившія отъ соборныя и апостольскія церкви и отъ православныя христiанскія вѣры, злѣ погубиша“ именно „небреженiя ради тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, и тѣмъ убо царіе и святители осуждены имуть быти на страшномъ судищи Христовѣ о такомъ небреженiи“ ²⁾. Распространеніе еретичества Іосифъ считаетъ такимъ образомъ явленіемъ, совершенно аналогичнымъ государственнымъ движеніямъ и переворотамъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ причину паденія и гибели всякаго царства. Для болѣе прочнаго обоснованія указанной грозной отвѣтственности, падающей на царей за пренебреженіе дѣлами вѣры и церкви, Іосифъ опирается на авторитетъ византійскаго императора Константина, будто бы оставившаго обширное завѣщаніе царямъ, князьямъ и судіямъ земскимъ, и отъ лица этого православнаго и равноапостольнаго царя въ такихъ сильныхъ и возвышенныхъ чертахъ изображаетъ высоту сана государственной власти, вытекающія отсюда права и обязанности ея носителей и отвѣтственность послѣднихъ за небрежное отношеніе къ этимъ правамъ и обязанностямъ. „Слышите убо и разумѣйте царіе и князи,—наставляетъ онъ представителей власти госу-

¹⁾ Ibid., стр. 597.

²⁾ Ibid., стр. 598, 601.

дарственной словами царственного завѣта,—и бойтесь страха Вышняго, яко да не вашего ради небреженія смерть выпдетъ въ міръ... Всякій убо царь или князь, или въ небреженіи живый, и о сущихъ подъ нимъ нерадя, и страха Вышняго не бояся, слугу себе сатанѣ сотворяетъ: сего ради страшно и напрасно найдеть на него гнѣвъ Господень... Да не будете волцы въ пастырей мѣсто стаду Христову, и не предадите стада Христова звѣремъ на расхищеніе, еже есть іудѣмъ и еллинамъ, и еретикомъ и отступникомъ, и всѣмъ нечестивымъ... Бози есте и сынове Вышняго, блюдитежеся да не будете сынове гнѣву, да не изомрете яко человеци, и во неа мѣсто сведени будете во адъ. Тѣмже разумѣйте царіе и князи, и бойтесь страха Вышняго, да Божію волю сотворше, пріимѣте отъ Него милость: вась бо Богъ въ Себе мѣсто посади на престолѣ своемъ. Сего ради подобаетъ царемъ и княземъ всяко тѣсненіе о благочестіи имѣти и сущихъ подъ нимъ отъ тревоженія спасти душевнаго и тѣлеснаго. Солнцу убо свое дѣло есть, еже свѣтити сущихъ на земли: царю же свое есть, еже нещися о всѣхъ сущихъ иже подъ нимъ: експетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како угодиши Давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но еже инии зло творять, ты слово отдаши къ Богу, волю давь имъ. Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человекомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу. Но якоже Богъ хощетъ вся человѣки спасти, такоже и царь все подручное ему да хранитъ отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго, яко да, Божію волю сотворше, пріимите отъ Бога со бесплотными силами присносущное радованіе¹⁾. Опираясь далѣе на авторитетъ „церковныхъ книгъ, главы 60-й“ Іустиніана, Іосифъ заявляетъ, что „царь злочестивый, небрегій о сущихъ подъ нимъ, не царь есть, но мучитель“²⁾. „Таковъ царь—замѣчаетъ

¹⁾ Ibid., стр. 601—603.

²⁾ Ibid., стр. 603—604.

онъ въ другомъ мѣстѣ—не Божій слуга, но діаволъ... Таковаго царя, лукавства его ради, не нарече царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но лисомъ: шедше, рече: рцѣте іису тому (Лук. 13, 32)¹⁾. Подобный царь—по Іосифу—недостойнъ даже послушанія: „и ты убо таковаго царя, или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію прѣтитъ“²⁾. Слѣдуетъ полагать, что проводя указанный взглядъ на отношеніе къ нечестивымъ царямъ, преподигумень Волоцкій, какъ строгій подвижникъ, хотѣлъ въ данномъ случаѣ стать въ положеніе древнихъ аскетовъ, которыхъ гнали язычники за христіанство³⁾.

Какъ видимъ, вся сила и все содержаніе главнѣйшихъ обязанностей государственныхъ властителей и въ шестнадцатомъ словѣ Іосифовскаго „Просвѣтителя“ сводится опять къ защитѣ православной вѣры и церкви отъ угрожающихъ имъ опасностей. Но за то изображеніе высоты сана царской власти здѣсь усиливается привнесениемъ нѣкоторой новой возвышеннѣйшей черты. Эта новая черта—идея отраженія въ царской власти божественной воли. Воля государя отождествляется съ волей Божіей и, какъ само собою очевидно, власть его не можетъ быть поставляема рядомъ ни съ какою другою властію въ государствѣ, ибо его власть—власть намѣстника Божія на землѣ. Царь—это не только Божій слуга, самимъ Богомъ избранный и посаженный на царскомъ престолѣ и отъ Бога призывній скипетръ царствія, но онъ и самъ

¹⁾ 7-е слово „Просвѣтителя“. Прав. Собесѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 324—335; рук. сборн. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 147, л. 31 и об.

²⁾ По мнѣнію О. Миллера, въ приведенномъ мѣстѣ изъ 7 слова „Просвѣтителя“ заключается явный намекъ на неохоту вел. кн. Іоанна III казнить еретиковъ. См. его ст.: „Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго“ въ жур. Мин. Н. Пр. за 1868 г., ч. 137, стр. 542 прим. 2. По предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, названный сейчасъ вел. князь будто и самъ не совсѣмъ чуждъ былъ еретическаго ученія. См. Костомарова: „Русс. ист. въ жизнеопис. ея главн. дѣят.“ Спб. 1874 г., стр. 332—337; также сочин. Никитскаго: „Очеркъ исторіи церкви въ Новгородѣ“, стр. 170.

является представителемъ Бога, неизмѣримо возвышающимся надъ обыкновенными людьми: этимъ послѣднимъ онъ угодивается только по своей человѣческой природѣ, а властію онъ подобенъ Вышнему ¹⁾). Съ точки зрѣнія преемствуемой цѣли проявленія царской власти аналогичны съ проявленіями власти божественной: какъ всевышній Богъ „хочетъ вся человѣки спасти“, такъ и земной богъ—царь долженъ хранить ввѣренныхъ его попеченію людей отъ всякаго вреда душевнаго и тѣлеснаго. Выполняетъ или не выполняетъ царь это свое высокое назначеніе—въ томъ и другомъ случаѣ онъ подлежитъ суду и отвѣтственности не предъ людьми, а только предъ Лицемъ Всевышняго.

Таковы воззрѣнія Іосифа на значеніе верховной государственной власти, какъ они со всею ясностію высказаны имъ въ двухъ мѣстахъ „Просвѣтителя“.

Эти же государственно-политическія воззрѣнія, только уже въ спеціальному примѣненіи ихъ къ личности верховныхъ представителей православнаго русскаго царства—государей Московскихъ, проводитъ Волоцкій игуменъ въ нѣкоторыхъ частныхъ своихъ посланіяхъ, написанныхъ имъ также въ обстоятельствахъ борьбы съ послѣдователями ереси.

Медлительность и нерѣшительность, какія долго обнаруживалъ великій князь Іоаннъ III въ принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ и которыя особенно замѣтны были для Іосифа предъ соборомъ 1504 г., когда государь не исполнилъ предъ тѣмъ даннаго имъ въ личныхъ бе-

¹⁾ Въ одномъ изъ словъ „Просвѣтителя“ Іосифъ проводитъ, между прочимъ, такую черту различія между почитаніемъ царя и Бога: „подобаетъ тѣмъ (царю или князю) поклоняться и служить тѣлесно, а не душевно, и въдавати имъ царскую честь, а не божественную, якоже Господь глаголетъ: въдадите Кесарева Кесареви, а божіа Богови. Аще сие поклонишися и служиши, итъ ти на пагубу души, но паче отъ сего научишися боятися Бога: царь бо Божій слуга есть, къ человѣкомъ милостію и казнию“. 7-е слово „Просвѣтл.“ Правосл. Соборѣдн. 1856 г., ч. 3—4, стр. 323—324; рук. сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 147, л. 30 об. и л. 31.

сѣдахъ съ Іосифомъ (въ бытность послѣдняго въ Москвѣ на соборѣ 1503 г.) обѣщанія „обыскивати и искоренити еретиковъ“, побудили Волоцкаго игумена обратиться къ царскому духовнику архимандриту Митрофану (весною 1504 г.) ¹⁾ съ просьбою напоминать государю объ его главной обязанности въ данныхъ религіозно-церковныхъ обстоятельствахъ,—обязанности „пожать ревностію о православной вѣрѣ христіанской“, такъ какъ неисполненіе съ его стороны этой обязанности грозитъ опасностію всему его царству. „Ино, господине,—ишетъ Іосифъ государеву духовнику,—тебѣ о томъ (объ искорененіи еретиковъ) Государю великому князю пригоже, да и должно поминати. Будеть государь во многихъ дѣлахъ царскихъ прозабылъ того дѣла, и въ томъ дѣлѣ государя побреги, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнить“. Просить оиъ Митрофана напоминать Московскому государю и о томъ, „каково имѣли подтичаніе и ревность черни благочестіи царіе о непогрѣшительной христіанской вѣрѣ, и како еретиковъ по проклятіи въ заточеніе послали, а иныхъ казнѣми казнили“ (примѣры—царей Пракліа, Іустиніана, Тиверія и др.). Побудить государя—великаго князя къ усердствованію за православную вѣру необходимо именно потому, что проявленія его воли—единственное и самое вѣрное средство къ окончательному искорененію ереси. „И только бы государь восхотѣлъ ихъ (еретиковъ) искоренити, ино бы векорѣ искоренилъ“. Какъ видно изъ разбираемаго посланія, государь московскій и самъ хорошо сознавалъ свои высокія права и обязанности въ этомъ религіозно-церковномъ дѣлѣ. „А коли, Господине,—сообщаетъ Іосифъ духовнику государя—былъ семи челомъ великому князю (во время личной бесѣды съ нимъ въ 1503 г.) на Москвѣ о томъ, чтобы послалъ по городамъ еретиковъ обыскати, и князь великій молвитъ: пошлю де,

¹⁾ См. „Послѣдов. о сочин. Іосифа Санина...“ Хрущова, ст. 183.

и часа того, да того обыщу; а только де и язъ не пошлю, да не понекуся о томъ, ино де и кому то зло пскоренити“ ¹⁾.

А вотъ государственно-политическія воззрѣнія Іосифа, уже во всей ихъ полнотѣ примѣненныя имъ къ личности Василія III-го Іоанновича,—того великаго московскаго князя, который по самому рожденію своему отъ византійской царевны былъ связанъ съ послѣдними византійскими царями, какъ ихъ прямой потомокъ, и который, сообразно съ желаніями Волоцкаго игумена, ревностиѣ своего отца прилежалъ къ дѣламъ церковнымъ.

Къ царскому суду этого великаго князя обращается Іосифъ, какъ къ единственной вполнѣ надежной силѣ, которая можетъ устранить угрожающія православнои вѣрѣ опасности. „И молимся тебѣ, Государь,—писалъ онъ ему въ одномъ изъ своихъ посланій (не задолго предъ соборомъ 1504 г.),—о томъ, чтобы ты, Государь, своимъ царскимъ судомъ пскоренилъ той злыи илевель еретическій въ конецъ“ ²⁾. Какъ истинный православный царь, великій князь московскій долженъ проявить самыя ревностныя заботы о чистотѣ и невредимости правовѣрія, обязанъ со всею ревностію промышлять о божественныхъ церквахъ: этого требуетъ отъ него самое значеніе царской власти, носителемъ которой онъ является, и которая есть власть, самымъ Богомъ учрежденная. „Пожалуй и понецйся и промышл о божественныхъ церквахъ,—убѣждалъ Іосифъ Василія III въ другомъ своемъ посланіи къ нему (относящемся къ 1510—1511 г.г., когда при новомъ митрополитѣ Варлаамѣ извѣстный противникъ взглядовъ Іосифа, князь—инокъ Вассіанъ Патриѣвъ, сдѣлазся „великимъ временнымъ человѣкомъ и началъ печаловаться великому князю за ерети-

¹⁾ Посланіе Іосифа къ Митрофану въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 1, смѣсь.

²⁾ Посланіе къ вел. кн. Василю Івановичу... Древн. Россійск. Визіюв., ч. XVI, стр. 424.

ковъ ')—запеже, Государь, отъ Вышняго Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и Государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя и пріяхъ тя за руку и укрѣпихъ тя. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ же подобасть, пріемиши отъ Вышняго повелѣнія правленія человѣческаго рода, православнымъ государемъ и княземъ, не токмо о своихъ пеніеся"... и далѣе приводятся уже извѣстныя намъ изъ „Просвѣтителѣ“ слова объ обязанности царей—„соблюдать врученное имъ стадо Христово отъ волковъ невредимо“. Объ этой-то главной обязанности царской власти, вытекающей изъ самой высоты этой послѣдней, и напоминалъ Іосифъ Василію Іоанновичу, какъ именно „государю и владыцѣ“, имѣющему „богопреданную мудрость“. Подобно тому, какъ и раіѣе, по примѣру благочестиваго и христіанскаго великаго царя Константина, онъ, вмѣстѣ съ боговѣдчаными отцемъ своимъ, проявилъ свою благодарственную власть по отношенію къ еретикамъ, когда (на соборѣ 1504 г.) „темныхъ и скверныхъ Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ до конца низложилъ и непорочную христіанскую вѣру поколебавшуюся и изнемогшую отъ еретическихъ и жидовскихъ ученій наки утвердилъ“, такъ и теперь онъ снова долженъ употребить эту свою власть противъ послѣдователей ереси, чтобы въ противномъ случаѣ не „погибнути всему православному христіанству“, какъ погибли прежнія многія царства: Египетское, Армянское и Римское. Поступить „подобно первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ“ и показать ревность своего благочестія верховный предста-

‘) См. въ „Псалтѣдовъ, о сочин. Іосифа Санина“... Хрущова, стр. 214; см. также у К. Н. Новоструева въ его разсмотрѣніи названной книги Хрущова, стр. 58.

витель русскаго государства долженъ и въ виду тѣхъ славныхъ послѣдствій, какія произойдутъ отсюда для его царства и для него самого: онъ долженъ это сдѣлать, „да видитъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего свѣтъ вѣчный и невечерній въ тебѣ возсіяетъ“ и „того ради непоколебимо и непревратно соблюдать и сохранить Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство“ ¹⁾.

Итакъ, въ обстоятельствахъ борьбы съ ересью и ея послѣдователями государю Московскому, по взглядамъ Іосифа, принадлежитъ та самая царственная роль, какая прежде была достояніемъ православныхъ царей греческихъ. Съ особенною ясностію мысль эту игуменъ Волоколамскій выразилъ въ своемъ посланіи къ боярину Василию Андреевичу Челяднину; когда, между прочимъ, писалъ ему: „мы, господине, по свидѣтельству свитыхъ вселенскихъ седми соборъ стали на еретики, да по свидѣтельству священныхъ правилъ били челомъ Государю великому князю Василью Ивановичу всея Русіи, какъ прежніи свитители на вселенскихъ соборѣхъ прежнимъ православнымъ царемъ били челомъ. И государь святымъ духомъ подвиженъ, учинилъ якоже и прежніи православніи цари, по свидѣтельству тѣхъ же божественныхъ правилъ“ ²⁾. По примѣру этихъ-то православныхъ царей и какъ бы въ качествѣ ихъ замѣстителей государь Московскій въ борьбѣ съ еретиками и выступалъ верховнымъ покровителемъ и защитникомъ православной вѣры и церкви. Въ немъ именно теперь заключались „надежда и упованіе всему православному христіанству“ ³⁾, такъ—что онъ вполне достоинъ того, чтобы быть

¹⁾ Этимъ вторымъ посланіемъ Іосифа къ Василию Ивановичу мы пользуемся по выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ названномъ изслѣдованіи Хрущева (стр. 242—243), а также въ сочин. Дяконова: „Власть Московск. Государей“, Спб. 1889 г., стр. 97.

²⁾ Это посланіе см. въ „Извѣст. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущева. Приложение подъ букв. Б, стр. 261.

³⁾ Ibid., стр. 262.

названнымъ „въ православїи просїавшимъ, благовѣрнымъ и христолубивымъ Государемъ и Самодержцемъ всея Руси, новымъ царемъ Константиномъ новому граду Константинову—Москвѣ, и всей русской земли, и инымъ многымъ землямъ государемъ“¹⁾).

Раскрывая, такимъ образомъ, на почвѣ борьбы съ ересью и на основаніи библейскихъ и византійскихъ источниковъ понятія о царской власти, ея правахъ и обязанностяхъ, и примѣняя эти понятія къ личности верховныхъ представителей русскаго государства—великихъ князей Московскихъ, вліятельный игуменъ Волоцкій одновременно съ этимъ старался показать значеніе и силу царственной власти Московскаго государя на почвѣ совершенно иного рода борьбы. Разумѣемъ возникшее въ 1507 г. дѣло Іосифа съ удѣльнымъ Волоцкимъ княземъ Феодоромъ Борисовичемъ и съ Новгородскимъ архіепископомъ Серапіономъ.

Волоколамскому монастырю не разъ приходилось испытывать различныя незаконныя притѣсненія со стороны только что названнаго удѣльнаго князя. Эти притѣсненія побудили Іосифа съ братіею „бить челомъ православному царю Государю всея Руси, великому князю Василию Ивановичу, еже бы избавилъ отъ мятежа и отъ насилія, взялъ бы монастырь подъ свою царскую дряжаву“²⁾. Іосифъ, конечно, заранѣе рассчитывалъ на благопріятный отвѣтъ, и не ошибся. Государь московскій, пользуясь благопріятнымъ случаемъ заявить свои верховныя права по отношенію къ удѣльному князю, не замедлилъ исполнить просьбу и „обитель Пречистыя Богородицы отъ насилія удѣльнаго взя подъ свою царскую

¹⁾ См. Митр. Зосимъ извѣщеніе о пасхалии на осьмью тысячу лѣтъ. Русск. Ист. Библ., т. VI, столб. 798—799.

²⁾ См. Житіе Іосифа, составл. Саввою, еп. Крутицкимъ. Изд. Невоструева, стр. 42; св. Житіе Іосифа, составл. неизвѣстнымъ. Изд. Невоструева же, стр. 62 („Тѣмже и молитвенная послѣ (Іосифъ) къ великому самодержцу Василию, еже тихими очима царство свое зряше, да приять будеть въ благочестивую державу его“).

руку“¹⁾. На предложеніе князя Волоцкаго возвратиться подъ его власть Іосифъ, какъ свидѣтельствуеъ одинъ изъ его біографовъ, отвѣчалъ князю такъ: „невозможно господине, сего митежа сотворити, еже поколебати православнымъ самодержцемъ“ (т. е. невозможно сдѣлать такого безпорядка, чтобы по произволу вертѣть московскимъ государемъ)²⁾. Когда недовольный и безсильный въ своей злобѣ удѣльный князь возбудилъ противъ Волоколамскаго игумена Новгородскаго архіепископа Серапіона („молитвами убо и ласками подходитъ (князь) архіерея великаго Поваграда“³⁾), и послѣдній, по его подстрекательству, послалъ игумену свою „неблагословенную и отлученую“ грамоту⁴⁾ за учиненный имъ, вопреки церковнымъ правиламъ, самовольный переходъ изъ Новгородской архіепископїи, тогда Іосифъ снова обратился къ суду царскому, принося „Дрѣжавному князю всея Русїи великую жалобу“ на озлобившагося противъ него Новгородскаго архіепископа⁵⁾. Немедленно, по повелѣнію великаго князя, составленъ былъ по этому поводу въ Москвѣ соборъ, на судъ котораго и вызвали Новгородскаго владыку. Допрошенный здѣсь, между прочимъ, и самимъ, присутствовавшимъ на соборѣ, великимъ княземъ, и единогласно осужденный, какъ нарушитель „божественнаго писанія и святыхъ правилъ закона, пресуждающій и претворяющій царскія повелѣнія и всего священнаго собора благословеніе“, архіепископъ Новгородскій преданъ былъ отлученію лишенъ своей кафедры и заключенъ въ Андрониковъ монастырь, откуда вскорѣ переведенъ былъ въ монастырь Троицкій Сергіевъ⁶⁾.

¹⁾ Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 43; см. Житіе, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

²⁾ Житіе Іосифа, составл. Саввою..., стр. 44.

³⁾ Житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63.

⁴⁾ Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 47; см. Житіе, составл. неизвѣстнымъ, стр. 63; см. также Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 249.

⁵⁾ Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48.

⁶⁾ Житіе Іосифа, сост. Саввою..., стр. 48—49; см. Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 249—250; Житіе Іосифа, сост. неизвѣстнымъ, стр. 63—64.

Не безъ шума и смущеній, какъ и слѣдовало ожидать, прошла описанная сейчасъ исторія. Передавъ свой монастырь изъ-подъ власти удѣльнаго князя въ державу Государя Московскаго, Іосифъ за этотъ свой поступокъ, которымъ нарушались вотчинныя права Волоцкаго князя въ интересахъ вел. князя Московскаго, и святительскія Новгородскаго архіепископа, подвергся сильнымъ порицаніямъ со стороны ревнителей церковно-іерархическаго порядка и враговъ Московской централизаціи, особенно когда владыка Новгородскій, отлучившій „своего чернеца“ отъ церкви, лишенъ былъ по суду соборному своей каедрѣ¹⁾. Даже друзья и сторонники Волоцкаго игумена сомнѣвались въ его правотѣ и находили лучшимъ, еслибы онъ, не начная соблазнительной борьбы со своимъ архіереемъ и княземъ, оставилъ свой монастырь и удалился въ другое мѣсто. Все это и побудило Іосифа прибѣгнуть къ литературной защитѣ предпринятаго имъ образа дѣйствій, выразившейся въ видѣ его пространныхъ и энергичныхъ посланій къ друзьямъ и благодѣтелямъ. Для насъ важно отмѣтить эти посланія, какъ ясный показатель того, насколько высоко поставилъ игуменъ Волоцкій въ проводимыхъ имъ воззрѣніяхъ значеніе и силу власти государя Московскаго, и какъ широко понималъ онъ его права во всѣхъ сферахъ жизни управляемой имъ русской земли.

Въ посланіи къ Борису Васильевичу Кутузову²⁾, приведя въ оправданіе своего поступка—передачи монастыря изъ-подъ власти удѣльнаго князя въ державу

¹⁾ Все это дѣло получило такой широкій размѣръ и имѣло такіе печальныя для Серапіона послѣдствія потому именно, что тутъ примѣшалась государственная политика.

²⁾ Биографъ Іосифа, Савва еп. Крутицкій, описывая отроческій періодъ жизни будущаго основателя и перваго игумена Волоколамскаго монастыря, говоритъ о дружбѣ его съ „отрокомъ отъ сивилитскаго роду“, Борисомъ Кутузовымъ. (Житіе Іосифа, стр. 6—7). Кутузовы были вотчинниками въ Волоколамскѣ, Дмитровѣ и Рузѣ; при Іоаннѣ III нѣкоторые изъ нихъ получили помѣстья въ Новгородѣ. Служили они въ Мо-

великаго князя Московскаго — съ одной стороны „въ нашей Русѣй землѣ“ бывшіе уже примѣры такой передачи (монастырей: Троицкаго Сергіева, Каменскаго и Толгскаго въ княженіе Василія Темнаго, и монастыря Боровскаго при Іоаннѣ III), а съ другой — рядъ примѣровъ изъ исторіи христіанской церкви, какъ различные „преподобніи и богоносніи отцы наши, пастыріе и учителіе (заботившіеся о церквахъ и монастыряхъ) отъ меньшихъ царей къ большимъ приходяще, и оборону отъ нихъ прінимаху, а большіе цари вступалися въ вотчину меньшихъ царей за церкви и монастыри“, — Іосифъ пишетъ: „И изъ, послѣдуя божественнымъ писаніямъ и преже реченнымъ онымъ святителемъ, игуменомъ и царей православныхъ суду, былъ челомъ Государю православному Самодержцу и Великому Князю всеа Русіи, чтобы Государь пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавить отъ насильства княжъ Оедорова, ... и Государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ всеа Русіи монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братьею взять въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Оедору Борисовичу вступаться ни во что¹⁾. Итакъ, ясно, что Московскій великій князь въ сравненіи съ князьями удѣльными является „большимъ государемъ“, который имѣетъ полное право вступаться въ ихъ вотчины и при всякомъ случаѣ можетъ проявить надъ ними свою верховную власть. Эту же мысль о преимуществѣ князя Московскаго Іосифъ ярко выражаетъ далѣе и въ томъ толкованіи, какое онъ даетъ словамъ архіеи. Серапіона изъ его отлучительной на Іосифа грамоты. „Да и грамоту, — сообщаетъ онъ Кутузову, — прислалъ (архіеи-

скаго и Новгородъ при архіепископѣ; Борисъ Васильевичъ былъ окольничимъ. Іосифъ до старости сохранялъ свое пріязненное отношеніе къ нему. Подъ конецъ жизни Борисъ Кут. принялъ монашество въ монастырѣ Іосифа подъ именемъ Авраамія. См. „Наслѣд. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущова, стр. 27, прим. 42; а также примѣч. Невоструева на 7 стр. изданнаго памъ житія Іосифа, написанн. Саввою.

¹⁾ Посл. Іосифа къ Юрію Кутузову. Древн. Росс. Визіоо., ч. XIV, стр. 177—189.

скопъ) такову ко мнѣ,... что де еси отдать монастырь свой въ великое государство, ино де еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному. И ты, господине, разсуди себѣ Серапіонову мудрость, учинилъ Волокѣ небомъ, а Москву землею, а князя Осодора Волоцкого небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ“¹⁾ Такимъ образомъ, на взглядъ Іосифа, является просто неразумнымъ прилагать къ личности удѣльнаго князя названіе „небесный“, а къ личности Государя Московскаго названіе „земной“: государю „большему“ свойственно и названіе болѣе возвышенное. Подъ вліяніемъ, конечно, Іосифа, такой же смелъ придавъ вышеприведеннымъ словамъ владыки Новгородскаго и самъ Московскій великій князь. По свидѣтельству Іосифа (въ томъ же посланіи къ Кутузову), на составленномъ для суда надъ Серапіономъ соборѣ государь Московскій спрашивалъ обвиняемаго: „ино ты нарекъ князя Осодора небеснымъ, а меня земнымъ, ино язь земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Осодора называешь небеснымъ?“²⁾ Въ разрѣшительной грамотѣ, данной Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ, объ этомъ послѣднемъ, между прочимъ, говорилось: „владыка Серапіонъ... писалъ къ тебѣ, Іосифу, неблагословеніе и отлученіе съ иными нѣкоторыми неподобными рѣчьми, вводя имя государя нашего неразумишь“³⁾. Очевидно, подъ этими „неподобными рѣчьми“ разумѣются здѣсь тѣже самыя слова Новгород. архіепископа изъ его отлучительной на Іосифа грамоты, которая такъ тенденціозно (въ чисто политическомъ смыслѣ) истолковалъ Волоцкій игуменъ и Московскій государь.

Значеніе и силу власти государя—великаго князя Московскаго еще рельефнѣе выразилъ Іосифъ въ посланіи къ другому своему благожелателю, боярину Ивану

¹⁾ Ibid., стр. 192.

²⁾ Ibid., стр. 194—195.

³⁾ Ibid., стр. 200.

Ивановичу Третьякову-Ховринну¹⁾. Доказывая въ оправданіе себя „неправомѣрность“ дѣйствій архіепископа Новгородскаго, который позволилъ себѣ отлучить его (Іосифа), предварительно „не обослався съ православнымъ государемъ и старѣйшимъ святителемъ“, Іосифъ въ примѣръ того, какъ въ данномъ случаѣ долженъ бы поступить новгородскій владыка, указываетъ на митрополитовъ Кипріяна, Іону и архіепископа Ростовскаго Вассіана (Рыло), изъ которыхъ у каждого была распря съ подвластными имъ игуменами, и изъ которыхъ, однако, ни одинъ не дерзнулъ самовольно „отлучити и не благословити“ тѣхъ игуменовъ, но каждый былъ челомъ великому князю Московскому, представляя такимъ образомъ дѣло на его усмотрѣніе. „И государи православные—замѣчаетъ Іосифъ—досѣли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ“²⁾. Ясно, какъ видимъ, проводится мысль, что Государь Московскій есть высшая инстанція и по дѣламъ церковнаго управленія. Высказывая далѣе свой взглядъ на поведеніе Новгородскаго владыки, обнаруженное этимъ послѣднимъ на судившемъ его, въ присутствіи самого „Державнаго“, Московскомъ соборѣ, игуменъ Волоцкій пишетъ Ховрину: „И ты, господине, поразсуди Серапіоновъ умъ: гдѣ было ему бити челомъ на соборѣ Государю православному и Самодержцу всея Руси..., и онъ сталъ сваритися съ нимъ. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитати, ни сваритися съ нимъ. Ни древніи святители дерзнуша сіе сотворити, ни четыре патріарси, ни Римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. И аще когда царь на гнѣвъ совратится на кого,

¹⁾ Этимъ посланіемъ мы пользуемся по пространнымъ выдержкамъ изъ него, приведеннымъ въ „Исслѣдов. о сочин. Іосифа Санина“... Хрущова (стр. 219—232), въ сочин. Дяконова: „Власть Москов. Государей“ (стр. 120, 212); содержаніе этого посланія, съ большими букввальными выдержками изъ него, изложено также въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1847 г., № 8, смѣсь.

²⁾ Назван. исслѣдов. Хрущова. стр. 222; названн. сочин. Дяконова. стр. 120.

и они съ кротостію и смиреніемъ и со слезами моляху царя“¹⁾). Вотъ образецъ, которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніяхъ и къ царю-самодержцу всея Руси: съ нимъ никто не долженъ дерзать „сваритися“, а на проявляемый имъ гнѣвъ отвѣтомъ должно служить смиренное и слезное предъ нимъ моленіе. Подъ властную защиту и покровительство этого-то царя и самодержца русскаго Іосифъ и передалъ свой монастырь, и можно-ли его подвергать порицаніямъ и обвиненіямъ за этотъ поступокъ, совершая который, онъ слѣдовалъ указанію „свищенныхъ правилъ“ и прежде не разъ бывшимъ примѣрамъ многихъ епископовъ и игуменовъ, у „царей и князей большихъ“ искавшихъ защиты отъ притѣсненій со стороны „царей и князей меньшихъ“. „И язъ—заявляетъ Іосифъ—билъ челомъ тому Государю, который не точію князю Осодору Борисовичу да архіепископу Серапіону, да веѣмъ намъ общій государь, но и всея русскія земли государемъ государь, котораго Го-

¹⁾ Названн. изслѣдов. Хрущова, стр. 223. Роль государя Московскаго на соборахъ святителей Іосифъ, какъ очевидно, изображаетъ, между прочимъ, въ своей духовной грамотѣ (монастырскомъ уставѣ). На порядокъ совѣщаній, какому слѣдовали на этихъ, происходившихъ въ присутствіи велик. князя, соборахъ, Іосифъ указываетъ, какъ на образецъ, которому должна подражать братія его монастыря на соборахъ монастырскихъ. Онъ пишетъ: „видѣхомъ бо и у великихъ государей и самодержцевъ сие творима: егда убо о нѣкоторыхъ дѣлахъ взысканіе творитъ, благочинно и некривчаніемъ глаголютъ же; преже убо Государя глаголетъ, потомъ же и вси прилучившіися по единому глаголютъ; аще ли же начнутъ мнози глаголати, тогда съ яростію и гнѣвомъ запрѣщеніе примуть отъ Дрѣзавнаго“. 9-е преданіе Устава. См. Четьи—Миней Макарія, изд. Арх. Комиссіей. Спб. 1868 г., к—цъ Сентябрь, столб. 609.—Извѣстный Ростовскій священникъ Георгій Скрипича въ поданномъ имъ собору 1503 г. письменномъ возраженіи противъ запрещенія идоламъ священникамъ священнодѣйствовать писалъ между прочимъ: „въ церковныхъ правилахъ сказано: если кого обидитъ епископъ, пусть исправитъ митрополитъ; если оскорбитъ митрополитъ, пусть исправитъ патріархъ; а если обидитъ кого нибудь патріархъ или соборъ, то долженъ разсудитъ царь по правиламъ святыхъ отцовъ“. См. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1848 г., № 6. отд. IV, стр. 6. Такъ понимались отношенія церковной и государственной властей на основаніи принципа, выработанаго Византіей.

сподѣ Богъ устроилъ вседержителя въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предасть ему, и церковное, и монастырское и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попечение вручилъ ему. И чтобы язъ—добавляетъ онъ—иному государю билъ челомъ, пно то бы я не гораздо учинилъ. И язъ того ради такого государя нашель, котораго судъ не посуждается“¹⁾. И когда этотъ государь—великій князь обратился къ Іосифу съ просьбою, чтобы онъ отписалъ ему мысль свою, нельзя ли ему, Іосифу, битъ челомъ архіепископу Серапіону, игуменъ Волоколамскій въ своемъ отвѣтномъ посланіи всецѣло предавалъ себя суду и волѣ государя: „А нинѣ, государь, моя мысль: какъ Богъ да Пречистая Богородица тебѣ, государю моему, на сердце положить: какъ ты, государь, велиишъ, и азъ, государь, такъ бью челомъ“ (Серапіону) и прибавляетъ: „запече, государь, надежа и упованіе по Бозѣ... ты, государь“²⁾.

Итакъ, государь всея Руси—великій князь московскій, согласно съ воззрѣніями Іосифа, представляетъ изъ себя такое царственное лицо, предъ которымъ всѣ его подданные—будетъ ли то князь, или іерархъ церкви, или иной кто-либо—должны заявлять полную покорность: для всѣхъ онъ есть единый общій государь. Онъ является какъ бы земнымъ богомъ, и его власть, врученная ему отъ Всевышняго Бога, уже въ силу этого самого происхожденія своего, есть власть неограниченная. Какъ царственный властитель, самымъ Богомъ посвященный на царскомъ престолѣ, онъ служитъ на землѣ

¹⁾ Названн. изслѣдов. Хрущова, стр. 225—226; названн. сочин. Дьяконова, стр. 212; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1847 г., № 8, смѣсь; см. разрѣшит. грам., данную Іосифу послѣ соборнаго суда надъ Серапіономъ,—грамота эта въ посланіи Іосифа къ Кутузову. Древн. Росс. Визвлюс., ч. XIV, стр. 198—201; см. также Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 249.

²⁾ См. Невоструева — Разсмотрѣніе названной книги Хрущова. стр. 55.

высшимъ источникомъ суда и милости, и можетъ творить этотъ судъ и эту милость независимо отъ какихъ либо ограниченій со стороны подвластныхъ ему людей. И при этомъ, частіе, онъ не только властитель гражданскій, но его власть простирается и на все „церковное и монастырское“; всюду, слѣдовательно, и въ области отношеній чисто гражданскихъ, и въ области отношеній религіозно-церковныхъ—государь Московскій является царемъ—владыкою со властію неограниченною, дѣйствию которой никто не можетъ и не смѣетъ „иссуждать“.

Какіе, въ частности, взгляды проводилъ Іосифъ на взаимныя отношенія между государемъ Московскимъ и удѣльными князьями, это съ ясностію можно видѣть изъ тѣхъ теоретическихъ и практическихъ совѣтовъ, какіе предлагалъ удѣльнымъ властителямъ вліятельный Волоцкій игуменъ. Въ „посланиіи къ благовѣрному имркъ“, написанномъ, какъ полагають¹⁾, къ одному изъ братьевъ великаго князя Василія Іоанновича, и именно къ Дмитровскому князю Юрію, Іосифъ, пересказывая слова Златоуста, даетъ князю такое наставленіе: „князь и властели, милowanie и заступленіе и правду искажите на нищихъ людехъ, сихъ заступленіе пріемлюще и укрѣпленіе о нихъ, и отъ сердца подающе любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія, и послушанія, и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не челоуѣкомъ“²⁾. А вотъ какой совѣтъ даетъ Іосифъ тому же удѣльному князю уже на чисто практической почвѣ. Когда „по зависти искони злоначальнаго злодѣи, врага, богопротивника и ненавистника всякаго блага“ и „смущеніемъ злыхъ челоуѣкъ дръжавный царь и государь, великій князь Василій Ивановичъ

¹⁾ См. наизвѣстн. изсѣдков. Хрущова. стр. 96. Здѣсь это посланіе надписывается: „посланіе наставительное къ благовѣрному князю“ (стр. 94).

²⁾ Посланіе это въ Памятн. Старинн. Русс. Литер., изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, стр. 192.

всѣа Русіи захотѣ поимати брата Юрья Ивановича“, и когда этотъ послѣдній, чувствовалъ свою правоту предъ Московскимъ княземъ и думавшій, во избѣжаніе кровопролитія, послѣдовать совѣту своихъ людей—„еже отступити далѣ“, обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ Іосифу, то игуменъ Волоцкій сказалъ ему слѣдующее: „Азъ ти не велю дръжавному брату своему противитися, ни наки мало совѣтъ даю, еже отступити: аще отступити, тойже крови литися, а на тебя будетъ слава во вѣки измѣнная. Азъ же нынѣ молю тебя и по твоему прошенію совѣтъ даю: приклони съ извѣщеніемъ (т. е. съ объясненіемъ дѣла) главу свою предъ Помазанникомъ Божиимъ и покорися ему: вѣрую Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою, яко сердце помазанника Божія въ руцѣ Его есть“ ¹⁾. Согласно съ совѣтомъ Іосифа, удѣльный князь оставилъ свое намѣреніе „еже отступити далѣ“ и сказалъ: „не буду противу Государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да Государь“!... Благодаря посредничеству вліятельнаго игумена, дѣло между князьями на этотъ разъ кончилось мирно ²⁾.

Таковы, по взглядамъ Іосифа, должны быть отношенія удѣльныхъ князей къ Государю всея Руси—великому князю Московскому. Безусловная покорность и послушаніе первыхъ предъ послѣднимъ—вотъ чѣмъ должны быть всецѣло проникнуты эти отношенія. Правда, удѣльные князья представляютъ изъ себя также власть богоучрежденную и потому самому должны „все обладаемое отъ тревоженія спасати“, но власть удѣльныхъ князей должна имѣть примѣненіе *только* въ предѣлахъ даннаго имъ „отечества“ (вотчины): они поставлены Богомъ *только* на своемъ отечествѣ, приняли отъ Вышняго „правленье“ *только* „своего отечества“ ³⁾;

¹⁾ Житіе Іосифа, изд. Саввою, еп. Крутицкимъ, стр. 54—55.

²⁾ Ibid., стр. 55—58.

³⁾ Другое познаніе Іосифа Волоцкаго къ Дмитровскому князю Юрію. Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 216, стр. 363—364.

между тѣмъ великій князь Московскій есть государь всея Руси, и, слѣдовательно, его власть, Богомъ ему данная, должна простираться на всю вѣренную его попеченію русскую землю (его „Богъ въ Себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади“, онъ принялъ „отъ Вышняго повелѣнія *правленія чловѣческаго рода*“¹⁾), а въ частности, и на князей удѣльных. Воля и повелѣніе московскаго государя должны представлять для князя удѣльнаго нерушимый законъ, опредѣляющій его поведеніе и дѣятельность. Случается-ли какое-нибудь взаимное недоразумѣніе, удѣльный князь—пусть будетъ даже на его сторонѣ правда—долженъ во всемъ отдаться на волю и милость своего государя, преклонить предъ нимъ главу свою, какъ предъ богодарованнымъ царемъ и помазанникомъ Божиимъ, и бить ему челомъ о помилованіи. Отступитъ отъ великаго князя для него значить наложить на себя тяжелое и вѣчное клеймо измѣнника. И нельзя здѣсь не замѣтить, что высказанныя въ этомъ направленіи Іосифомъ политическія идеи не укрылись отъ вниманія современниковъ и ближайшаго потомства. Нагляднымъ показателемъ ихъ широкой популярности въ XVI в. служить то, что при одной изъ рукописей этого вѣка („Діонтра инока Филиппа“), въ числѣ прибавочныхъ статей, не безъ цѣли, конечно, помѣщено подложное прошеніе Іосифа подъ такимъ заглавіемъ: „Извѣтъ прендобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго, новаго чудотворца Осинова монастыря, повелѣніемъ вышняго къ Московскимъ великимъ княземъ: како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей... и соединити во благоденство подъ себя вся руская земля и распространити всюду и всюду“²⁾. Являясь, безъ сомнѣнія, подлогомъ, подобнаго

¹⁾ См. отмѣчен. нами выше посланіе Іосифа къ вел. кн. Василію Ивановичу.

²⁾ См. приложеніе подъ буквою Д къ „изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа“... Хрущова, стр. 264—265. Указанная рукопись принадлежитъ Москв. Синод. библиот. (№ 758). Въ двухъ сборникахъ Соловецкаго мо-

го содержанія статья, приписанная Волоцкому игумену, во всякомъ случаѣ служить однимъ изъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ о томъ, какого рода политическія идеи приписывались Іосифу.

Но собственно не столько этими идеями о политическомъ объединеніи русской земли опредѣляется политическое значеніе Іосифа, сколько его горячей литературной проповѣдію о высотѣ сана верховной государственной власти. ореолъ божественности, какимъ окружается эта власть въ его воззрѣніяхъ, прямо ведетъ къ признанію ея полной неограниченности. Такою дѣйствительно и является власть царя во взглядахъ Іосифа. По его представленію, царь—это неограниченный владыка, по своей власти уподобляющійся самому Богу („властію же подобенъ Вышнему Богу“), и потому обладающій на землѣ почти божественными правами; въ его рукахъ сосредоточивается такая полнота власти, что, подобно Вышнему, онъ для всѣхъ своихъ подданныхъ служитъ источникомъ милости и живота („милость и животъ положи у васъ и мечъ вышняя Божія десница вручи вамъ“). Будучи главою государства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть верховный покровитель и защитникъ церкви: изъ-подъ его царственной власти не изыта и область жизни религіозно-церковной. Охраненіе интересовъ церкви, забота объ некорененіи въ ней еретическихъ лжеученій и всякихъ безпорядковъ—нотъ самый главный долгъ, самая существенная обязанность, лежащая на государѣ и вытекающая изъ самаго священнаго величія той власти, носителемъ которой онъ является. Неисполненіе государемъ этой своей важнѣйшей обя-

пастыри „Извѣтъ“ не имѣть въ заглавіи имени Волоцкаго игумена. К. П. Невоструевъ высказываетъ предположеніе, что въ этомъ послѣднемъ видѣ „Извѣтъ“ принадлежит перу извѣстнаго виднаго представителя партіи Заволжскихъ нестяжателей—князя—инока Вассіана Патрикіева. Но кѣмъ сдѣланъ подлогъ „извѣта“ на имя Іосифа Волоцкаго—трудно объяснить. См. его „Разсмотрѣніе книги Хруцова: изслѣдов. о сочин. Іосифа“..., стр. 64—66.

зависности будетъ величайшимъ съ его стороны преступленіемъ,—такимъ преступленіемъ, которое влечетъ за собою серьезнѣйшую опасность—погибель „всего православнаго христѣянства“, божественную казнь надъ всѣмъ его государствомъ, а его самого дѣлаетъ не царемъ, а мучителемъ, имѣющимъ подвергнуться страшной отвѣтственности предъ судомъ божественнымъ. Представляя изъ себя верховнаго покровителя церкви, обязаннаго заботиться объ ея благоденствіи, объ охраненіи чистоты правовѣрія и благочестія, государь имѣетъ право вносить начальственнаго отношенія ко всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ; изъ его компетенціи не изъята ни одна сторона церковной жизни; ему отъ самого Бога вручено „все церковное и монастырское попеченіе“¹⁾; къ его верхов-

¹⁾ Церковные обряды, церковная дисциплина, церковно-юридическій порядокъ вообще—все это входило къ кругу попеченій власти цари московскаго. Образъ дѣйствій цари Ивана Васильевича Грознаго на извѣстномъ Стоглавомъ соборѣ 1551 г., задававшемъ цѣлю выработать національный церковный уставъ, ясно показываетъ, что его одинаково озабочивало устройство какъ порядка государственной жизни, такъ и порядка жизни церковной. Царь обратился къ собору съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ и предложеній относительно разнаго рода злоупотребленій и безпорядковъ по всѣмъ направленіямъ церковной жизни (каковы напр.—неправильное писаніе иконъ, неправильный звонъ и пѣніе въ церквахъ, неблагоговѣйное стояніе въ храмахъ, злоупотребленія при выдачѣ антиминъ, при опредѣленіи на церковныя должности, соблазнительное поведеніе духовенства, монашествующихъ, клятвопреступленіе и т. п.). Отношеніе цари къ этимъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ и къ ихъ устраненію не было отношеніемъ посторонняго наблюдателя, а отношеніемъ хозяина, ближе и болѣе всѣхъ озабоченнаго подпорченіемъ порядка. Исправленіе „попечатавшихся“ церковныхъ обычаевъ дѣлалось на соборѣ по воли и отъ имени цари. Говоря вообще, церковное законодательство Стоглаваго собора принадлежало болѣе цари, нежели духовенству; цари мыслили и совѣтовали, а духовенство только слѣдовало его указаніямъ. Государь московскій, устанавливавшій нормы церковнаго порядка, слѣдилъ и за соблюденіемъ установленныхъ нормъ чрезъ архіереевъ и воеводъ, которымъ онъ посылалъ соответственные наказы, при чемъ подчиненнымъ органамъ предписывалось доносить о несоблюденіи „царскихъ заповѣдей“ святителей, а въ случаѣ, если святитель не упрямилъ, самому царю безчинникамъ и непослушнымъ угрожало святительскимъ запрещеніемъ и царскимъ наказаніемъ (см. „Стоглавъ“, изд. Казан. Дух. Акад. гл. 49, стр. 237—239; см. Акты Истор., т. I, № 154, стр. 252; о

ному суду и защитѣ должно прибѣгать во всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ обидахъ. И этотъ верховный судъ государя, которому одинаково подлежатъ и лица свѣтскія и сами высшіе іерархи церкви и другіе представители ея, есть судъ окончательный, безапелляціонный, который никѣмъ уже не можетъ быть „посуженъ“, т. е. отмянутъ. Государь, такимъ образомъ, является единственнымъ, ничѣмъ неограниченнымъ, кромѣ божескихъ правилъ (страхъ предъ Богомъ, судъ божественный, гдѣ въ Божіи), судьей поступковъ и дѣлъ всѣхъ безъ исключенія своихъ подданныхъ. И въ сферѣ церковно-религіозной, и въ сферѣ чисто гражданской власть государя—одинаково могущественная сила, предъ которой равно должны преклониться представители и церковной, и гражданской власти. Словомъ, образъ царской власти, какъ онъ выступаетъ предъ нами въ воззрѣніяхъ знаменитаго Волоцкаго игумена, есть образъ чисто византійскій, обрисованный чисто византійскими чертами. Это, если можно такъ выразиться, пересаженный на русскую почву образъ православнаго византійскаго царя-автократора.

Итакъ, кажется, было бы распространяться о важности такого рода государственно-политической проповѣди для интересовъ носителей великокняжеской Московской власти. Уже самое совпаденіе этой проповѣди съ эпохой окончательнаго собиранія Руси въ одно цѣлое государство и съ введеніемъ новаго монархическаго строя политической жизни ясно говоритъ за ея значеніе въ указанномъ направленіи. Не мало при этомъ значило и то, что проповѣдь эта исходила отъ такой вліятельной личности, какую представлялъ изъ себя Волоцкій игуменъ Іосифъ. Его авторитетъ служилъ вѣрнымъ руча-

твахъ и обязанностяхъ Государя московскаго по отношенію къ порядку церковной жизни см. также Стоглавъ, стр. 374, 298, 235; вообще во всѣхъ соборныхъ отвѣтахъ на царскіе вопросы и предложенія проводится мысль о необходимости царскаго контроля надъ всѣмъ „церковнымъ и монастырскимъ“).

тельствомъ за широкую популярность высказанныхъ имъ на религіозной основѣ политическихъ взглядовъ. Другое, что обезпечивало широкое распространеніе этихъ взглядовъ въ сферѣ политической—это ихъ близость со вновь выработанной Московской теоріей о православномъ русскомъ царствѣ. Теорія эта, какъ мы уже знаемъ, окружая ореоломъ величія православную Русь, явившуюся послѣ паденія Византійской имперіи единственнымъ въ мірѣ убѣжищемъ православія и благочестія, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигала Московскаго государя, какъ единого во всей вселенной православнаго царя. Старецъ Филофей, перу котораго принадлежитъ окончательная формулировка данной теоріи, въ своемъ посланіи къ Василию Ивановичу называлъ этого великаго князя „православнымъ христіанскимъ царемъ, владыкою всѣхъ, браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престолъ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви“ ¹⁾. По отношенію къ этимъ общимъ мыслямъ относительно государя всяя Руси—великаго князя Московскаго государственно-политическія воззрѣнія Волоцкаго игумена представляютъ какъ бы ихъ частнѣйшее раскрытіе,—раскрытіе, сдѣланное на фактической почвѣ и на основаніи данныхъ, какія представляла для этого византійская юриспруденція и церковное право. На почвѣ борьбы съ ересью Жидовствующихъ и въ обстоятельствахъ столкновенія съ своимъ удѣльнымъ княземъ и Новгородскимъ архіепископомъ Іосифъ самыми яркими красками обрисовалъ высоту положенія государя Московскаго, его права и обязанности, съ одной стороны, именно какъ „православнаго христіанскаго царя, браздодержателя святыхъ Божіихъ престолъ святыхъ вселенскія и апостольскія церкви“, который, по примѣру православныхъ царей греческихъ, долженъ быть верховнымъ покровителемъ и защитникомъ церкви, ревнителемъ православной вѣры, искоренителемъ ересей и расколовъ,—а съ другой, какъ „владыки всѣхъ“,

¹⁾ Сх. Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. I. стр. 344.

предъ которымъ всѣ его подданные—будутъ ли то представители свѣтской, или представители церковной власти—должны занять во всѣхъ отношеніяхъ зависимое и подчиненное положеніе.

Не задолго до смерти († 1515 г.) Іосифъ Волоцкій отпрѣавилъ посланіе „благородному и хрістолюбивому самодръжцу, царю и государю всея Русіи, великому князю Василію Ивановичу“, въ которомъ извѣщаль послѣдняго о своей болѣзни и просилъ не назначать въ его монастырь игумена изъ другихъ обителей и вопреки желанію Волоколамской братіи („не по ихъ мысли“) ¹⁾. А по духовной грамотѣ игумень Волоцкій передавалъ свой монастырь въ полное распоряженіе того-же Государя Московскаго ²⁾. Послѣдній охотно принялъ это порученіе. Исполнилъ великій князь и вышеуказанную просьбу Іосифа, утвердивъ послѣ него Волоколамскимъ игуменомъ его ученика Даниїла, избраннаго по желанію братіи. Немного времени спустя, именно въ 1522 г., этотъ преемникъ Іосифа по игуменству возведенъ былъ на каѳедру русской митрополіи, будучи избранъ на этотъ столь важный и видный постъ, какъ можно съ вѣроятностію полагать, единоличною волею Государя Московскаго ³⁾.

Воспитаніе и жизнь въ Волоколамскомъ монастырѣ, можно сказать, заранѣе предопредѣляли характеръ и направленіе воззрѣній и дѣятельности Даниїла въ санѣ всероссійскаго митрополита, заранѣе показывали, что, ставъ во главѣ русской іерархіи, онъ выступитъ горячимъ сторонникомъ, ревностнымъ защитникомъ и послѣдовательнымъ проводникомъ завѣтовъ своего знаменитаго учителя. Такимъ дѣйствительно и выступаетъ предъ

¹⁾ Посланіе это см. въ Житіи Іосифа, напис. Савною, еп. Крутицкимъ, изд. Невостр., стр. 59—60.

²⁾ Ibid. стр. 61—62.

³⁾ См. Полн. Соб. Лѣт. т. VI. стр. 264; Никон. Лѣт., ч. VI, стр. 228; см. также „Ист. рус. церкви“ прот. Макарія, т. VI, кн. I, Сиб. 1870 г., стр. 166—167.

нами митрополитъ Данилъ. Явившись яркимъ выразителемъ понятій и взглядовъ воспитавшей его школы, онъ съ этой стороны вполне заслуживаетъ признаніе за нимъ типической личности іерарха—іосифлянина, какъ основательно и называютъ его нѣкоторые историки ¹⁾. Тѣ излюбленныя идеи, за которыя ратовалъ преподобный Іосифъ, при его ученикѣ-митрополитѣ достигли господствующаго значенія, проникли въ жизнь русскаго общества и дали ей соответствующее направленіе на долгое время и послѣ Данила.

Въ область нашей задачи не входитъ, конечно, всестороннее разсмотрѣніе воззрѣній и дѣятельности названнаго іерарха—іосифлянина. Сообразно своей цѣли, мы остановимъ вниманіе лишь на той сторонѣ литературной проповѣди и практической дѣятельности митр. Данила, которая такъ или иначе касалась государственной власти и ея носителей, и такимъ образомъ, соответственно условіямъ времени, когда вводился и утверждался на Руси новый (монархическій) порядокъ государственной жизни въ лицѣ великаго князя Московскаго, могла носить политическій характеръ и имѣть политическое значеніе.

Въ ряду словъ, входящихъ въ составъ такъ называемаго „Сборника“ митрополита Данила, есть одно (восьмое) съ такимъ заглавіемъ: „яко подобаетъ къ власти послушаніе имѣти и честь имъ въздавати и еже на врагы Божіа“ ²⁾. Въ словѣ, очевидно, имѣется въ виду главнымъ образомъ власть свѣтская, или государственная, такъ какъ рѣчь здѣсь идетъ о „человѣческомъ созданіи начальства“—о царяхъ, князьяхъ и владыкахъ. Изъ содержанія слова можно также видѣть, что ближайшей отправной точкой для автора-митрополита при

¹⁾ См. сочин. проф. Павлова „Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“. Одесса 1871 г., стр. 86.

²⁾ См. рукописный „Сборникъ“ митр. Данила, принадлежащій Кіевской Дух. Академіи подъ знак. Аз 198, стр. 274 (списанъ съ рукописи XVI в., находящ. въ библиотек. Моск. Дух. Акад. за № 198).

составленіи даннаго разсужденія о власти послужила хорошо уже извѣстная намъ и столь подробно разработанная Іосифомъ Волоцкимъ тема о необходимости и законности преслѣдованія еретиковъ по предписаніямъ государственныхъ властителей. Но наряду съ этимъ непевѣроятнымъ представляется и то, что поводъ къ написанію подобнаго разсужденія могъ лежать отчасти и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ современной Даніилу русской жизни, соприкасавшихся съ вопросомъ о власти. „Время Даніила,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей жизни и дѣятельности этого митрополита,—было временемъ, когда только что входило въ силу единовластіе, смѣнившее собою удѣльно-вѣчевой строй общественной жизни. Оно же въ разсужденіи государственной власти принадлежало еще къ эпохѣ переходной, неустойчивой, когда новыя понятія о власти и ея правахъ не успѣли еще сдѣлаться общимъ достояніемъ народа, когда, напротивъ, существовали кружки людей, дорожившихъ старыми понятіями о власти и ея прерогативахъ, и враждебно относившихся къ новымъ порядкамъ, отнимавшимъ и нарушавшимъ многія изъ древнихъ родовыхъ правъ. Въ царствованіе Василія Іоанновича были перѣдки случаи „отъѣзда“ русскихъ бояръ къ Литовскому князю и нѣкоторыхъ литовскихъ бояръ къ Московскому государю¹⁾. Въ нихъ выразилось не вполне подавленное сознаніе въ русскомъ боярствѣ своихъ древнихъ правъ—свободной и юридически законной перемѣны своихъ господъ... Могло быть, что митрополитъ Даніилъ, желая

¹⁾ При успѣснѣи новаго порядка вещей приверженцы старинны— бояре и вообще вѣт. дружинники и слуги вольные—крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда и. не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, устремлялись въ Литовскую Русь, къ вел. князю Литовско-русскому. Отъ временъ Василія Іоанновича сохранилось не мало княжескихъ записей разныхъ князей—бояръ, данныхъ ими Государю Москов. за поручительство и подписью митр. Даніила. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I, № 149, стр. 414—415 (Запись князя В. Шуйскаго); № 152, стр. 420—422 (запись кл. Дмитрія Бѣльскаго); № 153, стр. 423—425 (Запись кл. Феодора Бѣльскаго), №№ 154, 157...

ослабить невыгодный для правительства взгляд боярства на свои права, позаботился представить его неблагоприятнымъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, и своимъ разсужденіемъ о повиновеніи власти выставилъ его противнымъ ученію Христа и апостоловъ“ ¹⁾.

Какъ бы то ни было, отъ чего бы въ зависимость мы ни поставляли данное разсужденіе митрополита Данила, оно выставляетъ предъ нами автора проводникомъ тѣхъ же воззрѣній на значеніе государственной власти, какія высказалъ и Іосифъ Волоцкій. Подобно этому послѣднему, и митрополитъ Данилъ проводитъ взглядъ на власть государственную, какъ на учрежденіе божественное, функціи котораго сводятся къ двумъ главнымъ формамъ дѣятельности: съ одной стороны—къ отыщенію злодѣямъ, а съ другой—къ похвалѣ благотворящимъ. „Богъ нашъ,—говоритъ авторъ слова,—многоразлично пекиися о человѣческомъ спасеніи, устрои власти въ человѣческихъ сынохъ въ отыщеніе злодѣемъ, въ похвалу же благотворящимъ, да еще презритъ человѣкъ страхъ Божій, да въспоминетъ страхъ властелей земныхъ, да боящиеся земныхъ начальствъ не поглатаютъ другъ друга якоже рыбы; тѣмъ же веліа полза даровася отъ Христа Бога человѣческому роду земными начальствы, много убо благодѣйствуютъ намъ владыци и яко слугы Божіа суть, служаще Богу“ ²⁾. Если носители государственной власти суть слуги Божіи, служащіе Богу и благодѣтельствующіе людямъ, то въ силу этого самого должно воздавать имъ честь, оказывать предъ ними подчиненіе и послушаніе. На основаніи библейскихъ источниковъ авторъ доказываетъ, что „достойно и праведно есть въздавати честь царемъ“, согласно апостольской заповѣди: „Бога бойтесь, цари чтите... въздадите всѣмъ долги: смуже урокъ, урокъ, смуже дань, дань, смуже

¹⁾ В. Жмакинъ: „Митр. Данилъ и его сочиненія“. М. 1881 г., стр. 407—408.

²⁾ См. указани. „Соборникъ“ митр. Данила, стр. 274—275; см. стр. 281.

страхъ, страхъ, ему же честь, честь“,—что „подобаетъ покарятися, а не противитися властемъ“, такъ какъ, по словамъ апостола, „противляййся власти Божію повелѣнію противляется“ ¹⁾. Не преминулъ митрополитъ—авторъ отъѣтить и то, насколько высока должна быть степень покорности, какую каждый обязанъ проявлять по отношенію къ представителямъ власти. Прочитавъ известное мѣсто изъ перваго посланія ап. Петра, что должно повиноваться „всякому человѣчю създанію Господа ради, аще же царю, яко преобладающу, аще ли княземъ, яко отъ него посланомъ“ и пр., онъ приводитъ затѣмъ толкованіе на эти апостольскія слова Василия Великаго, гдѣ, между прочимъ, сказано, что должно „властемъ повиноватися, яко не властелемъ, но Богови“ ²⁾. Не разъ настаиваетъ на видѣ при этомъ митр. Даниилъ и ту мысль, что подобаетъ покоряться именно властямъ, „Божіе повелѣніе творящимъ“ ³⁾, что повиноваться властямъ, какъ Богу, люди должны въ томъ именно случаѣ, „аще по закону Божію начальство имъ есть“ ⁴⁾; когда же власти что-либо „виѣ воли Господни повелѣвають намъ, да не послушаемъ ихъ“ ⁵⁾. Однако же св. Іосифомъ опредѣляетъ митр. Даниилъ и главную обязанность, лежащую на носителяхъ государственной власти. Обязанность эта—попеченіе о чистотѣ вѣры и благочестія вѣренныхъ ихъ управленію людей. По словамъ автора разсужденія, „подобаетъ пріемишимъ отъ Бога таковое служеніе (т. е. санъ государственной власти) яко Божіимъ слугамъ много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и съблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли злу творящимъ чело-

¹⁾ Ibid., стр. 275; см. стр. 279—280; см. также „Наказаніе“ къ слову четырнадцатому. Ibid., стр. 502. Здѣсь митрополитъ Даниилъ въ числѣ другихъ наставленій дѣлаетъ и такое: „Бога бойтеса и царя чтите, и правду и смиреніе къ нему имѣйте“.

²⁾ Ibid., стр. 280.

³⁾ Ibid., стр. 275.

⁴⁾ Ibid., стр. 280.

⁵⁾ Ibid., стр. 281.

вѣкомъ, ниже имя Божіе бесчестуется“ ¹⁾. На богоустановленности государственной власти и ея назначеніи—отмщать злодѣямъ авторъ обосновываетъ, въ частности, право и обязанность представителей этой власти преслѣдовать и наказывать еретиковъ, которые являются не только врагами церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами государства и, въ качествѣ таковыхъ, должны быть судимы, какъ обыкновенные государственные преступники. Сказавъ, что гражданскіе властители, какъ „Божіи служители“, не должны „давати воли зло творящимъ челоуѣкомъ, бесчестующимъ имя Божіе“, митрополитъ разсуждаетъ далѣе: „осужаемы бываютъ татіе и разбойники и прочіи злотворящии челоуѣци, пріемлютъ же казнь поправшени и оплевавшени образъ земнаго царя, и аще убо еси и прочіи казнь пріемлютъ, множае наче хулящени и бесчестующени Сына Божіа и Бога, и Пречистую Богородицу“ ²⁾. Тоже право и обязанность представителей государственной власти по отношенію къ „зло творящимъ челоуѣкомъ“ авторъ обосновываетъ и путемъ историческимъ, ссылаясь съ одной стороны („отъ слова, еже похвалное святымъ славнымъ и равноапостоломъ, великимъ царемъ Константину и Кленѣ Евфиміа патріарха Торновскаго“) на примѣръ перваго православнаго царя Константина—этого „всему римскому началству самодержца“, который, ревнуя о православіи, повелѣвалъ „повсюду въздвизати святыя Божія церкви, идоульскыя же храмы подѣ тѣхъ възчиневати властію“, приказывалъ „пробывающихъ въ идоульствѣ прелести главною казнити казнію“ и написалъ „къ всѣмъ властемъ державы своеа ни въ чемъ же обидѣти церковь, но всяку приазнь и покореніе тѣмъ даати“ ³⁾, а съ другой—на примѣръ русскаго князя—„подобника великаго Константина“—св. Владиміра, который, по совѣту и просьбѣ епископовъ, „начати казнити разбойники“ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 275–276.

²⁾ Ibid., стр. 276.

³⁾ Ibid., стр. 285.

⁴⁾ Ibid., стр. 287.

Являясь, такимъ образомъ, въ качествѣ автора-публициста проводникомъ совершенно одинаковыхъ съ Іосифомъ Волоцкимъ взглядовъ на высоту положенія представителей государственной власти, ихъ права и обязанности по отношенію къ вѣрѣ и церкви,—взглядовъ, о политической значимости которыхъ, какъ мы замѣтили выше, можно заключить уже изъ самого со-
владенія пропаганды ихъ съ эпохою введенія на Руси новаго (монархическаго) порядка государственной жизни въ лицѣ великихъ князей московскихъ,—митрополитъ Даніилъ гораздо яснѣе заявилъ свое политическое значеніе въ фактахъ прямого содѣйствія политическимъ интересамъ великокняжеской Московской власти.

Пользовавшійся неизмѣннымъ благоволеніемъ Василія Іоанновича и, естественно, старавшійся платить ему взаимною преданностію, митрополитъ Даніилъ оказалъ этому великому московскому князю двѣ важныхъ услуги, разсчитанныхъ на достиженіе цѣлей политическихъ. Услуги эти являются, между прочимъ, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что названный іерархъ церкви угождалъ иногда Государю Московскому болѣе надлежащаго, и ими не безъ основанія соблазнялись нѣкоторые изъ современниковъ.

Одна изъ такихъ услугъ со стороны митрополита состояла въ томъ, что онъ помогъ великому князю Московскому отдѣлаться отъ послѣдняго представителя удѣльнаго порядка политической жизни—Сѣверскаго князя Василія Шемячича, внука извѣстнаго Дмитрія Шемяки. Вызванный въ 1523 году въ Москву по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою и при этомъ обладаженный въ безопасности напередъ высланными „опаснымъ“ грамотами отъ государя и митрополита, удѣльный князь, однако, въ Москвѣ вскорѣ былъ схваченъ, какъ обвиненный въ измѣнѣ, и заключенъ въ темницу. Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали сомнѣніе въ справедливости такого обвиненія и осуждали великаго князя и особенно митрополита за наруше-

ніе данныхъ Шемяичу обѣщаній. „Язъ у митрополита бытъ и спдѣтъ есми у него одинъ на одинъ—разска- зывалъ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ откровенной бесѣдѣ съ Максимомъ грекомъ,—и митропо- литъ Великому Князю велику хвалу vzdаетъ,... а се ден Богъ его избавилъ запазушного врага; и язъ ми- трополита въспросилъ: кто запазушной государю былъ врагъ? И митрополитъ молилъ: Шемяичъ;—а того ден митрополитъ и самъ позабылъ, что къ Шемяичу гра- моту писалъ, и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые да на Чюдотворцовъ да на свою душу“¹⁾. Съ другой стороны, какъ можно видѣть изъ показаній Герберштейна, по- сле слухъ, что уликою Шемяичу послужило его писъмо, посланное имъ Польскому королю чрезъ Кіев- скаго воеводу, а этимъ послѣднимъ доставленное Васи- лію Іоанновичу²⁾. Какъ бы то, впрочемъ, ни было— былъ-ли удѣльный князь дѣйствительно виновенъ въ томъ, въ чемъ подозрѣвалъ его государь Московскій, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ поступокъ съ нимъ ми-

¹⁾ См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсентъ и Оедорѣ Жаро- номъ въ Акт. Археогр. Экспедиц., т. I, № 172, стр. 144. Относительно Бер- сента нельзя не замѣтить, что въ извѣстіяхъ этого опального представи- теля боярской оппозиціи замѣтна нѣкоторая тенденціозная преувеличен- ность въ изображеніи непріятныхъ ему лицъ и явленій того времени. О митр. Даниилѣ, который былъ политическимъ сторонникомъ вел. князя, Берсень въ той же бесѣдѣ съ ученымъ сытогорцемъ говоритъ, что „учи- телна слова отъ него нѣтъ нѣкотораго“ (Ibid., стр. 141); а между тѣмъ названный митрополитъ, судя по его сочиненіямъ, былъ несомнѣнно од- нимъ изъ самыхъ начитанныхъ и учительныхъ пастырей русской церк- ви.—Итописъ, говоря о дѣлѣ Шемяича, не указываетъ причинъ, по ко- торымъ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу, а просто замѣча- етъ: „Шемяичъ пойманъ бысть“. Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 270; Никон. Лѣт.; ч. VI, стр. 229. Курбскій въ спосѣ „Исторіи Іо- анна“ рассказываетъ, что игуменъ Троицкій Порфирій, „мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ“, торжественно и смѣло ходатайство- валъ предъ Василиемъ Іоанновичемъ за Шемяича, чѣмъ в. прогнѣвалъ государя и, сложивъ съ себя одежду игуменскую, удалился въ дѣскую пустыню на Белоозеро. (См. Сказан. кн. Курбскаго, изд. Н. Устрялова, Сиб. 1842 г., стр. 127—128).

²⁾ См. „Ист. Госуд. Россійск.“ Карамзина, изд. 2-е, т. VII, прим. 254.

митрополита Даниїла съ нравственной точки зрѣнія не можетъ быть признанъ безупречнымъ. Очевидно, митрополитъ въ данномъ случаѣ руководился главнымъ образомъ соображеніями политическаго характера, и его мысль гораздо болѣе была занята важностію преслѣдуемой государственно-политической задачи, чѣмъ выборомъ средствъ къ ея осуществленію: онъ старался оказать услугу политическимъ стремленіямъ государя всея Руси—великаго князя Московскаго.

Устроеніе дѣла о разводѣ Василія Іоанновича съ неизлудной Соломоніей и о вступленіи его въ новый бракъ съ Еленой Глинской было второй крупною услугой со стороны митрополита Даниїла политическимъ интересамъ Государя Московскаго¹⁾. Если въ поступкѣ съ Шемятичемъ митрополитъ являлся нарушителемъ своего священнаго слова, то въ данномъ случаѣ, изъявивъ свое согласіе на незаконный разводъ великаго князя и благословивъ его новый бракъ, онъ поступался каноническимъ правомъ церкви, оказывался нарушителемъ церковныхъ правилъ, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить свидѣтельству одного сказанія объ этомъ дѣлѣ²⁾, со стороны восточныхъ патріарховъ, къ которымъ, по совѣту митрополита, обращался русскій государь съ просьбою о разрѣшеніи развода, полученъ былъ рѣшительный отказъ. На разводъ великаго князя и на вступленіе его во второй бракъ митрополитъ смотрѣлъ, оче-

¹⁾ Полн. Собр. Дѣтол., т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 271; см. т. IV, стр. 296.

²⁾ Имѣемъ въ виду: „Выпись изъ Государевой грамоты о сочетаніи втораго брака и о разлученіи пернаго брака чадородія ради. Твореніе Паисіино, старца Ферапонтова монастыря“. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россіиск. за 1847 г., № 8. Смѣсь. Одни изъ изслѣдователей (напр. Преосв. Макарій—„Ист. русск. церкви“, т. VI, кн. 1, Спб. 1870 г., стр. 173. прим. 242.—Карамзинъ—„Ист. Госуд. Росс.“, изд. 2-е, т. VII, прим. 277) съ недоумѣніемъ относятся къ этому документу; другіе, напротивъ, не видятъ нужды сомнѣваться въ сообщаемыхъ здѣсь историческихъ фактахъ. См. проф. Иконникова: „Опытъ изслѣдов. о культурн. значеніи Византіи въ русс. Ист.“ Кіевъ 1869 г., стр. 354; см. также проф. Павлова: „Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи“, Одесса 1871 г., стр. 87.

видно, исключительно съ точки зрѣнія протестававшей отсюда государственной пользы, а потому и въ этомъ случаѣ, какъ и ранѣе, въ дѣлѣ заключенія Шемячича, не затруднился воспользоваться нравственно-религіознымъ средствомъ для достиженія важной цѣли политической.

Важность политическихъ побужденій, которыми руководствовался митрополитъ Даниилъ, устроая дѣло развода и новаго брака Василия Іоанновича, со всею ясностію откроется предъ нами, если мы примемъ во вниманіе, что мысли самыя тревожныя, опасенія самыя сильныя вызывались тогда отсутствіемъ у великаго князя прямого наследника престола и возникавшею отсюда возможностью прекращенія великокняжеской династіи. Самъ государь Московскій, сознававшій государственную важность прямого престолонаследія отъ отца къ сыну, былъ сильно огорченъ и обезпокоенъ продолжительною бездѣтностію, которая, повидимому, угрожала сдѣлаться постоянною, такъ-какъ и второй бракъ великаго князя около пяти лѣтъ оставался безплоднымъ. „Кому по мнѣ царствовать на русской землѣ и во всѣхъ градахъ моихъ и въ придѣлахъ?—говорилъ онъ, по свидѣтельству лѣтописца, своимъ боярамъ, открывая имъ, очевидно, уже созрѣвшую въ немъ мысль о разводѣ и вступленіи въ новый бракъ.—Братіи-ли дамы? Или братья своихъ удѣловъ не умѣютъ устранивати“¹⁾. Горьчее желаніе имѣть по себѣ преемника на престолѣ своего сына заставляло его обращаться къ молитвамъ, подвигамъ благочестія, хожденію по святымъ обителямъ. „О дивство!—воскликаетъ неизвѣстный авторъ вшедшаго въ составъ Степенной книги похвальнаго слова Василию III,—яко отъ таковыхъ превеликія царскія красоты въ каково прииде самовольное смиренномудріе, яко и по далечайшимъ пустынямъ иѣшу шествовати ему своимъ царскими стопами и съ своею боголюбивою кня-

¹⁾ Полн. Собр. Лѣтоп., т. IV, стр. 295—296.

гинею Еленою, и съ своими снискиты..., всегда бо на Бога упованіе возлагаху, и вѣрою утверждающеся и надеждою веселящеся. Извѣстно бо вѣдяху, яко вѣра возмагаєтъ, а надежда не посрамитъ; желаше бо по премногу отъ плода чрева его посадити на престолѣ своемъ въ наслѣдіе роду своему“¹⁾. По разсказу лѣтописи, Василіи Іоанновичъ, отпуская новопоставленнаго архіепископа Макарія въ Новгородъ, „велѣлъ въ октеняхъ молити Бога, и Пречистые Его Богоматере, и Чюдотворцовъ о Государѣ и его благовѣрной княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь далъ имъ плодъ чрева ихъ“²⁾. А писатель житія преп. Александра Свирскаго свидѣтельствуєтъ, что „самодержавный Государь“, по просьбѣ преподобнаго, „вся съ радостію даруєтъ ему потребная на устроєніе монастырю,... повелѣваєтъ же и о семъ възвѣстити преподобному, яко да молитъ Бога о многолѣтїи и о плоду чрева его и о державѣ царства его“³⁾. Желаніе вел. князя исполнилось: давно ожидаемый наслѣдникъ Московской державы явился. Естественно, что рожденіе этого сына—наслѣдника въ глазахъ приверженцевъ потомственной линіи русскихъ самодержцевъ должно было явиться такого рода событіємъ, государственно-политическая важность котораго совершенно искупляла противозаконность дѣла, допущеннаго по отношенію къ вел. князю со стороны митрополита. Анонимный авторъ отмѣченнаго нами выше похвальнаго слова Василію III, написаннаго именно по поводу рожденія у этого князя сына—наслѣдника, самыми яркими красками рисуєтъ предъ нами и то глубокое чувство скорби, какое волновало извѣстную часть русскаго общества вслѣдствіе неплодства царицы, и тѣ чувства живѣйшей радости и благодарности къ Богу, какія явились, взаимно перваго, по случаю рожденія будущаго

¹⁾ Степени. кн. ч. II, стр. 105—106.

²⁾ Полн. Собр. Лѣтоп. т. IV, стр. 296.

³⁾ Житіе преп. Александра Свир. въ рукоп. сборн. Киев. Дух. Акад. подъ зн. Аз 106, з. 266.

царя Грознаго. Указывая на рожденіе царственнаго наследника, какъ на проявленіе милости Божіей, „да не погибнуть безъ пастыря не точію едины Рускія страны, но и вси православніи“, авторъ обращается ко всѣмъ скорбѣвшимъ предъ тѣмъ людямъ съ такою торжественно-назидательною рѣчью: „Уже къ тому не сѣтуемъ, уже къ тому не стужаемъ Божіи славы, уже къ тому да не мѣтеся мыслию глаголя: кто потомъ да удержитъ коругви рускаго царствія? Кто да соблюдетъ православныхъ исполненіе? Кто поборетъ на безумныя? Кто да уразнитъ языческое стремленіе? Кто да посрамитъ еретическое гиппословіе? Кто да управитъ ископное вѣстествои его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мѣтежное шатаніе?“¹⁾ По воззрѣнію автора, отсутствіе великаго князя прямого наследника его царству грозило невыполненіемъ двухъ важныхъ задачъ государственнаго управленія, изъ коихъ одна—„посраменіе еретическаго гиппословія“ или дѣло преслѣдованія еретиковъ, а другая—искорененіе „гордыннаго и мѣтежнаго о благородствѣ шатанія“ т. е. совершенное уничтоженіе сохранившихся остатковъ удѣльнаго порядка жизни. Но вотъ „дарова Богъ государю царю Василию отъ Елены сына Ивана, царству его наследника“,—и угрожавшая великая опасность миновала. „Уже отдохнутомъ отъ подлежащихъ намъ печалей,—воскликнуть авторъ слова. Уже да не вѣкочитъ чужій посягатель на стадо Христово. Уже къ тому да не сидеть отъ иного племени на престолѣ рускаго царствія, и да не предложить предѣловъ иже суть установили православніи цари прежніи Самодержцы. Ниѣ же вел по Бозѣ покаяная да управитъ сынъ и наследникъ сего премудраго и милостиваго государя царя самодержавнаго Василія, употребляя всяку неправду, укрѣпляя благочестіе“²⁾. По взгляду автора, на престолѣ русскаго царства желате-

¹⁾ Степени. кн., ч. II, стр. 206, 209.

²⁾ Ibid., стр. 209.

ленъ именно прямой наслѣдникъ названнаго сейчасъ Московскаго государя въ виду высоты царскаго сана, посетелемъ котораго является государь всея Руси, такъ что вполне достойнымъ наслѣдникомъ его можетъ быть только „плодъ отъ боку царска“. И въ самомъ дѣлѣ, „царь существомъ тѣлеснымъ равенъ есть человѣкомъ, властію же приличенъ вышнему иже надо всѣмъ Богу: не имать бо высочайша себѣ на земли“; онъ „неприступимъ человѣки высоты ради земнаго царствія... Якоже око въ тѣлеси водрузися, снѣ и царь въ мірѣ устроися отъ Бога дарованнымъ ему поспѣшеніемъ и полезнымъ, да промышляетъ убо о человѣцѣхъ“. „Таковъ и бысть,—замѣчаетъ авторъ,—благочестивый царемъ царь Великій князь Василій, истовый велеумный правитель, вседоблій показатель, истинный кормчій,... всѣмъ людямъ еже о благочестіи твердый поборникъ,... окормляющій всѣхъ опасною благозаконіи, беззаконія же потоцы крѣпко отгоняющій, да не погрязнеть корабль великаго его державства въ волнахъ неправды“¹⁾.

Судя по содержанію слова, можно съ вѣрностію угадать, кто главнымъ образомъ составлялъ ту часть русскаго общества, которую болѣе всего могли смущать и тревожить печальныя опасенія, связанныя съ предположеніемъ о прекращеніи прямой потомственной линіи верховныхъ правителей русскаго царства—государей Московскихъ. Указанныя авторомъ двѣ задачи государственнаго правленія, возможное невыполненіе которыхъ такъ сильно безпокоитъ его, особенно же первая изъ этихъ задачъ, касающаяся охраненія чистоты православія отъ „еретическаго гиппословія“, укрѣпленія благочестія,—съ очевидностію, думаемъ, говорить за то, что въ своемъ похвальномъ словѣ авторъ высказалъ мысли, которыя болѣе всего могли озабочивать именно сторонниковъ и послѣдователей школы Іосифа Волоцкаго: въ воззрѣніяхъ послѣдняго охрана и защита православной вѣры

¹⁾ Ibid., стр. 209, 212.

и церкви выставляются, какъ мы видѣли, существеннѣйшимъ назначеніемъ и главнѣйшею обязанностию поспетелей царственной власти. Престарѣлый и строгій подвижникъ Волоколамскаго монастыря Кассіанъ Босой, бывшій свидѣтелемъ жизни и дѣятельности Іосифа, упоминаетъ о рожденіи у великаго князя сына (котораго потомъ онъ вмѣстѣ съ игуменомъ Переяславскаго Троицкаго монастыря воспринималъ отъ кунели ¹⁾), „воздаде благодареніе и славу Богу и возрадовался духовною радостію“ именно потому, что съ рожденіемъ наследника престола „родъ православныхъ царей русскихъ не оскудѣлъ“ ²⁾. Нужно думать, что и митрополитъ Даніилъ, какъ ревностный послѣдователь взглядовъ своего учителя—Іосифа, былъ тревожимъ тѣми же мыслями по поводу отсутствія у Василія Іоанновича прямого наследника русской державы, который такъ рельефно выразилъ авторъ указаннаго похвальнаго слова—такой же ревностный сторонникъ возрѣній знаменитаго игумена Волоцкаго ³⁾. Съ точки зрѣнія высказанныхъ этимъ неизвѣстнымъ авторомъ государственно-политическихъ опасеній за возможное пресѣченіе прямой линіи православныхъ русскихъ царей роль митрополита Даніила въ дѣлѣ развода и второго брака Василія III могла даже представляться патріотическимъ подвигомъ.

Двумя отмѣченными услугами, какія оказалъ митрополитъ Даніилъ Василію Іоанновичу, не исчерпываются вполне политическія отношенія названнаго іерарха церкви, направившіяся въ пользу интересовъ поспетелей великокняжеской Московской власти. Есть данныя, чтобы указать и еще нѣкоторые фактическія проявленія его политическаго значенія.

¹⁾ См. Пол. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 265; Степ. ки. ч. II, стр. 207.

²⁾ См. въ сочин. Невоструева: „Разсмотрѣніе книги Хруцова: изслѣд. о сочин. Іосифа Санина“, стр. 68.

³⁾ Авторъ слова съ глубокимъ уваженіемъ и съ великою похвалою отзывается объ Іосифѣ Волоцкомъ, а также о постриженникѣ Іосифа, Кассіанѣ Босомъ. См. Степ. ки., ч. II, стр. 207.

Такъ, нельзя не остановиться вниманіемъ на одномъ подробномъ и обстоятельномъ лѣтописномъ разсказѣ о послѣднихъ минутахъ жизни Василія Іоанновича, составленномъ, вѣроятно, какимъ-либо близкимъ ко двору современникомъ. Здѣсь сообщается, что великій князь, сѣвшій сдѣлать обычныя предсмертныя распоряженія, передавая собравшейся около его постели боярской думѣ собственно политическую часть своей духовной, прежде всего „приказалъ“ сына своего и наслѣдника Іоанна отцу своему Данилу митрополиту, и что митрополитъ, тотчасъ же послѣ смерти государя, „вземъ братію великаго князя, князя Юрья и князя Андрея Ивановичевъ, въ переднюю избу, и приведе ихъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, а жити имъ на своихъ удѣлѣхъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василью Ивановичу всея Руси, а государьства имъ подѣ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти, ни людей имъ отъ великаго князя Ивана не отымати;... а бояръ и дѣтей боярскихъ и княжатъ на томъ приведе ко крестному цѣлованію, что имъ великому князю Ивану Васильевичу всея Руси... и всей земли хотѣти имъ добра вправду, а иного имъ государи мимо великаго князя Ивана не хотѣти“ ¹⁾. Правда, мы имѣемъ другое лѣтописное извѣстіе, которое нѣсколько иначе рисуесть роль митрополита въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. По этому второму извѣстію, бояре сначала „межь себя крестъ цѣловали“ на вѣрность юному государю, а потомъ они же и братьевъ государя Юрія и

¹⁾ См. Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 270, 275. А чрезъ нѣсколько времени „начаша Государя ставити князя Ивана Васильевича на великое княженіе въ соборѣй церкви Пречистые Богородицы митрополитъ Данило и архіепископы и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь причетъ церковный, и князи и бояре и все православное христіанство; благослови его (велик. князя) митрополитъ крестомъ и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, благословяетъ тя, князь великій Иванъ Васильевичъ... царь и государь всеа Руси“. См. Полн. Собр. Лѣт., т. IV, стр. 299.

Андрея „часа того привели къ цѣлованію предъ отцемъ ихъ Даниломъ митрополитомъ“ ¹⁾. Но первый хѣтонисный разсказъ представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ и по своей обстоятельности, и по силѣ того соображенія, что митр. Данилъ, которому, по обоимъ извѣстіямъ, умиравшій Государь прежде всѣхъ „приказалъ“ своихъ сыновей и жену, долженъ былъ, по обязанности главнаго душеприкащика, ранѣе и болѣе всѣхъ другихъ озаботиться о принесеніи присяги наследнику государства. А если такъ, то мы имѣемъ право приписать митр. Данилу, который взялъ въ разсмотрѣніи сейчасъ случаѣ крестную присягу на вѣрность малолѣтнему государю съ князьями Юрія и Андрея, а самъ къ нимъ за великаго князя креста не цѣловалъ,—приписать ему главную инициативу первой попытки поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю на новыхъ, недоговорныхъ, началахъ.

Немного времени спустя послѣ кончины Василія Іоанновича, именно въ 1537 г., митрополиту Данилу пришлось выступить въ роли посредника для примиренія малолѣтняго великаго князя и его матери съ младшимъ братомъ покойнаго государя—княземъ Андреемъ Старицкимъ. Послѣдній былъ подозрѣваемъ правительницею и верховными боярами въ измѣнѣ юному Іоанну Васильевичу. Желая вызвать его въ Москву, и не надѣясь на успѣшность своихъ мѣропріятій, правительница и бояре обратились къ содѣйствію церковной власти, и разсчитывали на силу и вліяніе ея авторитета. Къ Старицкому князю отправлено было посольство изъ нѣсколькихъ духовныхъ особъ (Досноей, арх. Сарскій и Подонскій, и Филоосей, архимандритъ Симоновскій) съ спеціальнымъ наказомъ митрополита, въ которомъ почти цѣликомъ воспроизведены извѣстные намъ совѣты Іосифа Волоцкаго князю Юрію Івановичу. Въ наказѣ митрополитъ приказывалъ убѣждать князя Андрея, что-

¹⁾ Полн. Собр. Лѣт., т. VIII, стр. 285—286.

бы онъ „отсталъ отъ своего злого помысла“, не измѣ-
нять князю Московскому и не нарушать своего крест-
наго къ нему цѣлованія, чтобы припомнилъ заповѣды
Апостола, повелѣвающую подчиниться и вѣрно служить
установленной власти и потому быть бы во всемъ „бла-
гопокоренъ и послушенъ“ своему Государю ¹⁾. Митро-
политъ обѣщалъ взять князя Старицкаго на свою отвѣт-
ственность („на свои руки“), если онъ „поѣдетъ къ Го-
сударю и Государыни“, а въ случаѣ упорства повелѣ-
валъ посламъ предать его, какъ „непослушнаго и непо-
корнаго“, отлученію и проклятію ²⁾. Наказъ не достигъ
своей цѣли. Удѣльный князь рѣшился спасаться бѣг-
ствомъ въ Новгородъ и тамъ разсчитывалъ паскоро со-
бранною силою защищать себя. Но его разсчетамъ не
суждено было осуществиться: взятый Московскими вое-
водами, онъ заключенъ былъ въ тюрьму, гдѣ скоро и
умеръ ³⁾. Дѣло Андрея Старицкаго было послѣднею сла-
бою попыткою удѣльнаго князя возобновить старинныя
междоусобія. Выѣстъ съ этою попыткою прекратились и
старыя удѣльныя отношенія. Московское единоподержавіе
послѣ того уже не подвергалось подобнаго рода тревогамъ.

¹⁾ „Данилъ митрополитъ велѣлъ тобѣ говорити: слухъ къ намъ при-
шесть, что деи хочешъ оставити благословеніе отца своего... и жалованье
и бжеженіе Государя своего, Великого Князя Ивана, и матери его Великия
Княгини Елены, и обещанье свое и крестынное целованіе... Писано есть въ
посланіи великого Апостола Павла, ежъ къ Тимоѣю ученику его и апо-
столу и епископу: воспоминай, рече, имъ, началомъ и властемъ повинно-
ваться, и покоряться, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти... И тыбѣ-
чадо, поминяи обещанье свое и крестное целованіе... и злихе бы еси мысли
оставити, и быть бы еси съ нимъ, со Государемъ своимъ, съ Великимъ
Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи... безъ всякого противленія
и разкола и раздора, во всемъ благопокоренъ и послушенъ, и въ мирѣ и
любви“. См. Собр. Госуд. Грам. и Догов., ч. II, № 32, стр. 40.

²⁾ „Данилъ митр. велѣлъ тобѣ говорити... се ты, чадо непослушное
и непокорное, самъ на себе налагаешъ тягость церковную духовную и
юзу вѣчную... И се еси отлучилъ самъ себе и вѣчную юзу на себѣ назо-
жия: не буди на тобѣ милости Божіа, и Пречистыа Его Матери Богоро-
дицы... и по Божественныхъ святыхъ апостольскихъ и отеческихъ прави-
лохъ да будещи проклятъ“. Ibid., стр. 41.

³⁾ Разсказъ о дѣлѣ князя Андрея Старицкаго см. въ Полн. Собр.
Дѣл., т. VIII, стр. 292—295.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, политическое значеніе митрополита Даниїла для интересовъ великокняжеской Московской власти яснѣ всего выразилось въ его практическаго характера услугахъ государю Московскому. Что же касается собственно высказанныхъ имъ въ восьмомъ словѣ „Соборника“ теоретическихъ воззрѣній на значеніе государственной власти, ея права и главныя обязанности, то этихъ его воззрѣній, сравнительно съ такими же воззрѣніями Іосифа Волоцкаго, недостаетъ въ его литературно-публицистической проповѣди прямого и ближайшаго примѣненія ихъ именно къ личности великаго князя Московскаго. Съ этой стороны замѣтиѣ выступаетъ предъ нами другой послѣдователь Іосифа и его школы—Новгородскій архіепископъ Оеодосій, бывшій сначала инокомъ Волоколамскаго монастыря, затѣмъ, въ 1531 г., не безъ вліянія митрополита Даниїла, назначенный игуменомъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря и, наконецъ, въ 1542 г. поставленный архіепископомъ Новгорода¹⁾.

Въ посланіи къ великокняжескому дворецкому Ивану Шигонѣ, написанномъ въ концѣ 1534 г., вскорѣ послѣ смерти Василія Іоанновича, Оеодосій—тогда еще игуменъ Хутынскій—въ самыхъ возвышенныхъ чертахъ обрисовываетъ въ лицѣ государя Московскаго образъ единого православнаго царя—самодержца, на котораго возложено попеченіе о всѣхъ внутреннихъ его власти людяхъ. Оплакивая смерть Василія Іоанновича и возлагая всѣ надежды на даннаго ему Богомъ сына—наслѣдника русскому царству, авторъ посланія пишетъ: „но-стиже насъ ночь глубока и темна, лишихомся твердаго и крѣпкаго столпа, пастыри и учителя, праведнаго царя,... наставляющаго и окормляющаго все свое стадо къ спасенію духовному, и отъ лютыхъ врагъ и тревожнѣйшій изымающа, и до крове за душа наша подвижающася. Нишѣ же таковѣй свѣтъ отъ очію нашею зайдетъ. Горь-

¹⁾ Полн. Собр. Лт. т. VI, стр. 256; т. IV, стр. 305.

намъ грѣшнымъ и окаяннымъ, яко во тмѣ и сѣнѣ смерт-
нѣй ходимъ, отъ великія и печаемыя скорби и бѣды, и
заблудихомъ яко овца немуща пастыри! Но не до конца
Христось остави насъ сирыхъ: за молитвъ Угодника Его
далъ Богъ отъ чреслъ его Царя и Государя Великаго
Князя Ивана Васильевича пасти люди Божія; отъ того
утѣшеніе пріємлемъ, и тѣмъ ся окормляемъ, и на то ся
надѣемъ, великое жалованье и милость получитьи отъ
него, якоже и отъ отца его“¹⁾.

Высокое и священное положеніе верховнаго пред-
ставителя русскаго государства — великаго князя Мо-
сковскаго частиѣе раскрываетъ тотъ же авторъ—публи-
цистъ въ посланіи (1547 г.) къ Іоанну Васильевичу Гроз-
ному, котораго онъ проситъ принять мѣры къ прекра-
щенію въ Новгородѣ корчемства, грабежей и смерто-
убійствъ²⁾. Умоляя „благороднаго и христіюлюбиваго и
всѣдръжавнаго, превысочайшаго и свѣтлѣйшаго, Богомъ
избраннаго и Богомъ почтеннаго царя—самодръжца всея
Русіи“ употребить свои всеисильныя мѣры противъ нов-
городскихъ безчинствъ, такъ какъ кромѣ него, государя,
„того душевнаго вреду и тревоженія вѣдѣшняго уста-
вити нѣкому“, Осодосіи пишетъ Іоанну Васильевичу:
„О сихъ тебѣ пишу, богоутверженный владыко, не яко
уча и наказуя твое остроуміе и благородную премуд-
рость,... но яко ученикъ учителю, яко рабъ государю,
въспоминаю тебѣ и молю нынѣ безирестани: занеже то-
бѣ, государю, по подобію небесныя власти далъ ти естъ
небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы, да че-
ловѣки научивши правду хранити и сже на ны бѣсов-
ское отженении желаніе“. Такъ высока, священна и все-
объемлюща власть православнаго царя—государя, ка-
кимъ является великій князь Московскій. Его положеніе
во вѣренномъ ему государствѣ подобно положенію корм-
чаго, отъ бдительности и распорядительности котораго

¹⁾ Послан. см. въ Акт. Историч. т. I, № 294, стр. 537—538.

²⁾ Посланіе въ Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 41, стр. 55—56.

зависитъ судьба корабля, совершающаго далекое плаваніе среди великихъ и многочисленныхъ опасностей. „Якоже кормчій бдитъ всегда, тако и царскій многоочитый твой умъ сдержитъ твердо добраго закона правило, изсушаа крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погризнетъ волнами смущенія“. Проявленія его царственной власти подобны проявленіямъ власти Царя Небеснаго: „якоже страшное и всевидящее око Небеснаго Царя всѣхъ человѣкъ сердца зритъ и помышленіе вѣсть, такоже и царское твое остроуміе бодрину имать всѣхъ силу изрядиѣ управити благое свое царствіе, и страшень будещи сана ради власти царскіе и заиретниши не на злобу обращатися, но на благочестіе“. Въ отношеніи къ своему царству единый православный Государь представляетъ изъ себя то-же, что представляетъ солнце по отношенію ко всей твари, съ тѣмъ лишь, показывающимъ превосходство перваго, различіемъ, что свѣтъ, отъ солнца пронетекающій, пронадеетъ съ наступленіемъ ночи, а царь долженъ быть чуждъ вліянію тьмы. „Солнцу свое дѣло свѣтити лучами всю тварь, царя же добродѣтели еже имловати ниція и обидныя; свѣтлѣйше же того, благовѣрный царь, солнце заходитъ пріятіемъ ночи, сей же не попускаетъ въехищенъ быти злымъ, но свѣтомъ истиннымъ обличаетъ тайная несправды; елико силою всѣхъ превѣйшыи еси, толма и дѣла подобаеши свѣтити“. Забота о чистотѣ вѣры и благочестія—главнѣйшая обязанность православнаго русскаго царя: „подобаетъ же ти, благочестивый царю, всяко тѣсаніе о благочестіи имѣти, и сущихъ подъ тобою отъ тревоженія спасати душевнаго и тѣлеснаго“.

Такими же яркими и сильными красками описываетъ Оеодосій высоту и значеніе царскаго сана въ лицѣ государя Московскаго и въ двухъ своихъ посланіяхъ къ Іоанну Васильевичу по случаю Казанскаго похода (1545—1546 г.г. ¹⁾). Примиѣняя къ личности верховнаго

¹⁾ Эти два посланія см. въ Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 37, стр. 38—40. Весьма близкое, доходящее часто до буквальности, сходство съ

представителя русскаго царства принципъ богоустановленности царской власти, авторъ такимъ возвышеннымъ титуломъ величаетъ государя всея Руси: „Вседержителемъ созданный, иже божественною благодатию остигаемый, иже же Богомъ почтенный,... пресвѣтлаго разума Божіимъ милосердіемъ исполнена истинная вѣтъ родителей своихъ врожennyхъ на земли,... Богомъ направляемый и всякія чести достойный, милостивый государь,... всея Руси самодержецъ“. Высоту положенія государя русскаго, „о благочестіи дръжавы“ котораго „день и ночь“ возносятся къ Богу „молитвы и молебны“, Осодосій рельефно также выставляетъ, прилагая къ нему занимавшія у пророка божественныя слова относительно царей: „Азъ воздвигохъ тя съ правдою царя, и приахъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языци, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери и гради не затворятся“ и пр. По воззрѣнію архіепископа—автора, русскій „Богомъ утверженный царь“, предпринимающій походъ противъ царства, „идѣже темни и бесерменстѣи языци идоломъ поклоняются“, обнаруживать черезъ это свойственную его царственному положенію ревностную заботу о „святыхъ церквахъ и православномъ христіанствѣ, за нихъ же Христосъ кровь свою проліа“ и такимъ образомъ угодоблялся первому христіанскому царю Константину, „иже крестомъ честнымъ побѣди враги своя“.

Тѣ-же возвышенныя понятія о верховной государственной власти, сосредоточивающейся въ рукахъ государя всея Руси—великаго князя Московскаго, раскрываются и въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ самаго виднаго изъ сторонниковъ и послѣдователей взглядовъ Іосифлянской школы, какимъ былъ знаменитый

этими посланіями арх. Осодосій представляетъ собою посланіе къ царю Іоанну Васильевичу Грозному о укрѣпленіи на брань съ литовцами (1563 г.), принадлежащее арх. Новгородскому Пимену. См. Ак. Ист. т. I, № 302, стр. 549—551.

іерархъ русской церкви XVI в. — митрополитъ Макарій¹⁾. Священное значеніе царской власти, права и главныя обязанности ея носителей провозглашаются Макаріємъ совершенно въ духѣ Іосифовскихъ воззрѣній и выражаются иногда въ словахъ, буквально заимствованныхъ изъ писаній Волоцкого игумена.

Въ санѣ Новгородскаго архіепископа Макарій производитъ реформу въ устройствѣ внѣшняго быта мѣстныхъ монастырей (введеніе общежитія) не иначе, какъ „по царскому повелѣнію“ и считаетъ необходимымъ извѣщать о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ „вседержавнаго государя“, „по божественному—какъ онъ выражается—писанію: неся да сказана бывають царю и архіерею“²⁾. Въ написанномъ имъ по поводу этой реформы посланіи къ Василию Іоанновичу изображеніе высоты царскаго сана до буквальной сходимости съ изображеніемъ ея у Іосифа, въ посланіи къ тому-же великому князю. „Бога ради, государь, и пречистые Богородицы и великихъ чудотворцовъ,—пишетъ Макарій „вседержавному царю-самодержцу всея Руси“,—подтицися и промысли о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастырехъ: занеже, государь, отъ вышняа Божіа десница поставленъ еси самодержецъ и государь всея Руси, тебя, Государя, Богъ въ себе мѣсто избра на земли и на свой престолъ“

¹⁾ Архіепископъ Новгородскій, а потомъ стол. павѣстный всероссийскій митрополитъ времёнъ Іоанна Васильевича Грознаго, Макарій по своимъ воззрѣніямъ и по характеру позученнаго имъ книжнаго образованія вполне подходилъ подъ духъ того направленія, яркимъ выразителемъ котораго былъ преп. Іосифъ Волоцкій. См. ст. Лебедева: „Макарій митр. Всероссійскій“ въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. за 1877 г., мѣсяцъ сентябрь, стр. 392—406. Солидарность воззрѣній Макарія съ воззрѣніями Волоколамской школы находитъ свое объясненіе, помимо его знакомства съ сочиненіями Іосифа Волоцкаго, отчасти и въ томъ, что онъ нѣкоторое время подвизался въ монастырѣ Пафутія Боровскаго, гдѣ началъ свои монашескіе подвиги и препод. Іосифъ. См. Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. III, стр. 412.

²⁾ См. Послѣд. архіеп. Макарія велик. князю Василию Іоанновичу, объ учрежденіи общежитія въ Новгород. монастыряхъ. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 25, стр. 22—23.

вознесъ посади, милость и животь тебѣ поручи всего великого православія“ ¹⁾. „Попечение о своей Богомъ порученѣй паствѣ, о святыхъ Божиихъ церквахъ и честныхъ монастырехъ, и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, о ихъ единокровныхъ и безсмертныхъ душахъ“ — это существенѣйшая обязанность занимающаго столь недостижимо-высокое положеніе государя русскаго; выполняя эту обязанность, онъ унодобляется древнимъ царямъ православною Византію. „Ты, о боговѣнчанный государь, унодобился еси благочестивому и равноапостольному великому царю Константину: якоже онъ христіанскій родъ въ своемъ царствіи изъ рова пренеподняго возведе и всяко благочиніе церковное утверди, такоже и ты створилъ еси, боговѣнчанный самодержецъ и государь всея Русіи, въ своемъ царствіи, попреже сихъ десть явльшуюся чрезъ Поугородскихъ еретиковъ до конца изложилъ еси, съ богохульными ихъ преданіи, и свое великое православіе всѣхъ вѣрующихъ въ святую и животворящую Троицу сердца возвеселилъ еси, и вся церковная и монастырское благочиніе и благостояніе въ всѣхъ церквахъ и монастырехъ боголѣпно и благообразно управленіе имуть, твоимъ царскимъ остроуміемъ и богоданнѣй ти ревности, государю и самодержцу царю. Такъ и нынѣ,—умоляетъ архіепископъ вел. князя Московскаго,—потщися и покажи ревность о божественныхъ церквахъ и честныхъ монастырехъ своихъ богомолей, въ твоей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и Исковѣ упраздни лѣкое бесчиніе, своимъ царскимъ повелѣніемъ. Тебѣ-бъ должно, государю и самодержцу, отъ тревоженія снасти и съблюдати“ ²⁾.

Итакъ, по высотѣ своего положенія, по значенію своей царственной власти русскій государь—какъ-бы намѣстникъ Божій на землѣ, самимъ Богомъ избранный и посаженный на царскомъ престолѣ. На немъ именпо.

¹⁾ Ibid., стр. 22.

²⁾ Ibid., стр. 23.

какъ на верховномъ представителѣ православнаго русскаго царства, лежитъ главная забота о православнои вѣрѣ и благочестіи и объ утвржденіи ихъ въ русскомъ государствѣ, имъ управляемомъ. Проявляя дѣтельно эту заботу, единый государь всея Руси чрезъ то принимаетъ на себя роль, когда-то принадлежавшую православному царю греческому—прежнимъ ревнителямъ чистоты вѣры и благочестія.

Эти же самыя возрѣнія на царскую власть, ся главнѣйшія обязанности проводятся въ рѣчахъ и посланіяхъ Макаріи, обращенныхъ къ царю Иоанну Васильевичу Грозному. Въ посланіи къ этому государю, написанномъ съ цѣлю укрѣпить послѣдняго на священную брань съ Казанскими татарами (въ іюлѣ 1552 г.), авторъ—митрополитъ, чтобы означить высоту положенія, занимаемаго „православнымъ царемъ и самодержцемъ всея Руси“, цитуетъ извѣстное пророческое мѣсто о поставленіи царей: „Азъ воздвигохъ тя царя правды, и призвахъ тя царя правдою, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя“ и проч...., и при этомъ отъ себя выражаетъ Иоанну Васильевичу такое пожеланіе: „се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ Господь въ руки твои, и сыновомъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ, и въ вѣки, Богомъ утвржденный царю“. Въ этомъ же посланіи онъ такъ опредѣляетъ главнѣйшую обязанность, которая лежитъ на московскомъ государѣ, какъ на „благотворномъ и благочестивомъ царѣ“, стоящемъ во главѣ великаго и славнаго царства русскаго: „подобаетъ намъ не подвижати васъ за святую и чистую нашу и пречестнѣйшую вѣру христіанскую греческаго закона, яже во всей поднебесной, якоже солнце, сіяше православіе во области и державѣ нашего царьскаго отечества и дѣдства и прадѣдства великаго твоего царьскаго благородія и господства“ ¹⁾. А въ своей отвѣтной рѣчи Иоанну Васильевичу, просившему у митрополита благо-

¹⁾ Послан. это см. въ Акт. Истор., т. I, № 160, стр. 290—295.

словенія и молитвъ предъ основаніемъ въ странѣ Казанской города Свіяжска (въ 1551 г.), Макарій относительно той же главной обязанности царя торжественно говорилъ русскому государю: „тебѣ подобаетъ царю на Бога упованіе положить и на Пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцовъ подвизатися за благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству, якожъ ты Святый Духъ наставитъ, да не росхитятъ безбожнии волцы порученныхъ тебѣ овецъ“. Долгъ государя—подвизаться за вѣреннйй ему отъ Бога народъ и за благочестіе, а долгъ пастырей церкви—молиться о спасеніи Государю помощи отъ Бога ¹⁾).

Высотой положенія, какое занимаетъ государь всея Руси—великій князь Московскій, опредѣляются и отношенія къ нему со стороны подданныхъ. Безусловныя послушаніе и покорность предъ нимъ—прямая обязанность каждаго. „Аще цареву сердце въ руцѣ Божіи,—писалъ Макарій въ отмѣченномъ уже нами посланіи къ Грозному во время похода подъ Казань,—то веѣмъ подобаетъ по волѣ Божіи и по царьскому велѣнію ходити, и повиноватися со страхомъ и трепетомъ, якоже рече божественный апостоль Петръ: „Бога бойтесе, и царя чтите“ и пакы тойже апостоль рече: не туне царь мечъ носитъ, но въ месть убо злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ“ ²⁾. Каждый долженъ служить ему „веледуш-но, сердечнымъ хотѣніемъ“, чтобы „отъ него честь воспріяти“ ³⁾; каждый долженъ помнить, что онъ представляетъ изъ себя „главу веѣмъ, якоже крестъ есть глава

¹⁾ Никон. Лѣт., ч. VII, стр. 74—75. Въ поученіи царю Ивану Васильевичу и царю Анастасію по совершеніи надъ ними обряда бракосочетанія (въ 1547 г.) митр. Макарій говорилъ между прочимъ: „се, о благочестивыи царю и царице, пріали есте царство отъ Бога разсудити и управити люди ваши въ правду: и вы храните бодрено отъ дивныхъ възъ губящихъ ѣ, да не растлѣтъ Христова стада словесныхъ овецъ, отъ Бога вданнаго вамъ“. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 40, стр. 54.

²⁾ Акт. Истор. т. I, № 160, стр. 292—293.

³⁾ Речь митр. Макарія при выступленіи въ походъ противъ царства Казанскаго (въ 1550 г.). Никон. Лѣт., ч. VII, стр. 67.

церкви“¹⁾, что онъ есть „святѣйшій царь“, дѣйствующій по всей своей волѣ, „какъ ему, Великому Государю, Всесильный Богъ извѣститъ и положить на сердца“²⁾.

Какъ бы въ соотвѣтствіе столь возвышеннымъ представленіямъ о значеніи власти государя Московскаго, знаменитый Макарій заявлялъ себя и прямымъ служеніемъ интересамъ утверждавшагося въ данное время на Руси единодержавія и самодержавія въ лицѣ великаго Московскаго князя.

Отмѣченный нами случай съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, имѣвшій мѣсто въ малолѣтство Грознаго, помимо участія въ немъ въ пользу интересовъ великаго князя со стороны митрополита Данила, не чуждъ былъ участія въ ту-же пользу и со стороны Макарія, бывшаго тогда Новгородскимъ архіепископомъ. Отказавшись явиться лично въ Москву, не смотря на настоячивое требованіе Московскаго правительства, скрѣпленное грознымъ митрополитымъ наказомъ, князь Старицкій, какъ мы знаемъ, воспользовался единственнымъ, находившимся въ его распоряженіи, средствомъ избѣгнуть подчиненія волѣ Москвы, именно рѣшилъ снасаться бѣгствомъ въ Новгородъ. Вѣроятно, имъ руководилъ въ данномъ случаѣ не безосновательный расчетъ найти въ указанномъ городѣ, гдѣ еще не умеръ окончательно духъ свободы и недовольства Москвою, достаточное количество горючихъ матеріаловъ для возстанія. Но надежды удѣльнаго князя далеко не оправдались. „Въ Великомъ Новгородѣ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—тогда бысть печаль велика; преосвященный же архіепископъ Макарій собирая честные игумены и священники, и дѣяконы и по вся дни молебная совершая... о устроеніи земекомъ и о тишинѣ и о Государевѣ здравіи

¹⁾ Отмѣчен. поученіе Макарія царю Іоанну Васильевичу и царю Анастасію по совершеніи брака бракосочетанія. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 40, стр. 54.

²⁾ Окружное послан. митр. Макарія о милостивѣ святогорскихъ старцамъ (1547 г.). Акт. Истор., т. I, № 300, стр. 545—546.

великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи... и избавилъ бы Господь богоспасаемый преименный градъ Москву и Великій Новѣградъ и вся грады и страны христіянскія отъ междоусобицы брани“. По свидѣтельству того же лѣтописца, владыка Макарій и намѣстники и всѣ Новгородцы не пустили князя Старицкаго въ Новгородъ, а послали къ нему на встрѣчу воеводу Бутурлина со многими людьми и пушками ¹⁾. Интересы великаго князя были вполне такимъ образомъ соблюдены въ Новгородѣ и, безъ сомнѣнія, многими обязаны были на этотъ разъ вліянію Новгородскаго архіепископа.

Немного времени спустя послѣ избранія и поставленія Макарія на кафедрѣ всероссійской митрополіи произошло весьма важное въ исторіи государей Московскихъ событіе. 16 января 1547 года въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ торжественно совершенъ былъ священныи обрядъ царскаго вѣнчанія: великій князь Московскій и всея Руси торжественно провозгласилъ себя царемъ. Правда, титулъ „царя“ не былъ совершенно новымъ: онъ употреблялся и ранѣе, при отцѣ и дѣдѣ Іоанна, но со времени Іоаннова коронованія употребленіе этого титула сдѣлалось постояннымъ во всѣхъ государственныхъ актахъ ²⁾. Фактъ царственнаго вѣнчанія Грознаго имѣлъ большое значеніе: онъ явился какъ-бы реальнымъ воплощеніемъ тѣхъ мыслей о православномъ русскомъ царствѣ и его представителѣ—великомъ князѣ Московскомъ, которыя, какъ мы видѣли, весьма рано, еще съ половины XV в. и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ событій византійской исторіи ³⁾, явились въ сознаніи рус-

¹⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣтол., т. VI, стр. 302.

²⁾ „Исторія Россіи“ Плаваяскаго, т. III, М. 1890 г., стр. 169.

³⁾ Есть мнѣніе, высказанное г. Успенскимъ, по которому образованіе на Руси понятія о Москвѣ, какъ „третьемъ Римѣ“, объясняется вліяніемъ западныхъ и, частію, вліяніемъ неоднократныхъ попытокъ римскихъ папъ, надѣявшихся обратить Россію въ католицизмъ, соблазнить Московскаго Государя различными политическими планами и комбинаціями отно-

скихъ людей и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивались и крѣпли, пока не сложились въ цѣльную теорію, нашедшую для себя окончательную формулировку въ посланіяхъ старца Филовея. Чрезъ торжественное вѣнчаніе на царство на Московскаго государя какъ бы осязательно переносилось то значеніе, какое имѣли въ свое время царственные властители Рима и Византіи. Вѣнецъ и бармы—эти царственные регалии, нѣкогда присланныя, по заявленію нашихъ книжниковъ, изъ Греціи славному Владиміру Мономаху, теперь въ лицѣ Грознаго нашли для себя вполне достойнаго носителя¹⁾. Торжественно возложивъ на себя, при цер-

сительно Цареградскаго наслѣдства, гдѣ Москвѣ указывалось опредѣленное мѣсто и назначеніе. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1884 г., № 8, стр. 383). Но послѣ серьезныхъ изслѣдованій Каптерева, весьма основательно доказавшаго, что понятіе о „третьемъ Римѣ“ сложилось на Руси именно подъ византійскимъ вліяніемъ, указанное сейчасъ мнѣніе не можетъ быть принято. См. послѣд. Каптерева: „Характ. отнош. Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII вв.“. М. 1885 г.

¹⁾ Въ ряду созданныхъ на русской почвѣ сказаній о пришествіи изъ Греціи на Русь, при Владимірѣ Мономахѣ, царственныхъ регалиевъ, наиболѣе раннимъ текстомъ—если не первоначальнымъ, то ближайшимъ къ первоначальному—признается текстъ такъ называемаго: „Сказанія о великихъ князехъ владимірскихъ“; сказаніе это болѣею частью буквально воспроизводится въ „повѣстаніи о Мономаховомъ вѣнцѣ“, принадлежащемъ инокѣ Спирidonу—Савѣ, современнику Василія III, и написанномъ не позже 1523 г.,—а также въ разсказѣ о Мономаховыхъ утваряхъ, какъ отдельной статіи, встрѣчаемой въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, различныхъ сборникахъ, и имѣющей такое заглавіе: „Поставленіе великихъ князей русскихъ откуда бѣ и како начаша ставитися на великое княжество свѣтлыми бармами и царскимъ вѣнцомъ въ лѣто 6403“. Краткіе пересказы см. Полн. Собр. Лѣт., т. VII, стр. 23; т. IX, стр. 144. Подъ указаннымъ сейчасъ заглавіемъ сказаніе о пришествіи царскихъ регалиевъ напечатано по списку Посольскаго приказа XVI в. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1883 г., кн. I, стр. 39—41. По одной редакціи того же сказанія Владимір Мономахъ, получившій изъ Греціи царственные регалии, предъ смертію собралъ знаменитое духовенство, бояръ, кунцовъ, и сказалъ имъ: „да не вѣнчаютъ никого на царство по моей смерти! Отечество наше раздѣлено на многія области: если будетъ царь, то удаленные князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ и государство погибнетъ. Онъ вручилъ царскую утварь шестому сыну своему Георгію, велѣлъ хранить оную, какъ зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца, въ государствѣ Велико-россійскомъ“. См.

ковномъ священнодѣйствіи, принадлежности царской власти, Государь Московскій въ полномъ смыслѣ являлся „святымъ боговѣнчаннымъ царемъ и самодержцемъ“, какъ повсюду называется онъ въ чинѣ вѣнчанія¹⁾, въ собственномъ смыслѣ выступалъ замѣтителемъ православныхъ царей византийскихъ. Отъ Константинопольскаго патріарха, у котораго, какъ у единственнаго авто-

Карама: „Ист. Госуд. Росс.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1842 г., кн. I, т. II, прим. 220. Не представляя само въ себѣ значенія историческаго факта, заключающаго цѣлый рядъ анахронизмовъ и примыхъ несообразностей, отмѣченное сказаніе пользовалось, однако, весьма широкою популярностію: даже въ документахъ оффиціального характера дѣлались ссылки на это сказаніе. Вотъ что напр. читаемъ въ „чинѣ вѣнчанія на царство царя Іоанна Васильевича“ Грознаго: „Архіепископъ и два епископа приносятъ къ митрополиту животворящій крестъ на златомъ блюдѣ, и митрополитъ... да благословитъ великаго князя тѣмъ крестомъ животворящаго древа... что прислалъ тотъ крестъ Греческій царь Константинъ Мономахъ на поставленіе къ великому князю Русскому, съ бармами и съ шанкомъ, съ Неономъ Ефесскимъ митрополитомъ и съ прочими посланниками“. См. Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 39, стр. 4х; см. № 222, стр. 378 (мѣсто изъ „Духовнаго завіщанія царя Іоанна Васильевича“; см. также чины вѣнчанія на царство:—Оеодора Іоанновича (Собр. Госуд. Грам. и Догов., ч. II, № 51, стр. 77), Михаила Оеодоровича (Ibid., ч. III, стр. 70), Алексѣя Михайловича и Оеодора Алексѣевича (Древн. Росс. Вивлио., ч. VII, стр. 234 и 304). Въ грамотѣ Царскаго Патр. Іоасафа, утверждающей санъ царя за Государемъ Московскимъ, присылка изъ Греціи русскому князю Владиміру Мономаху царскихъ регалій принимается за несомнѣнный историческій фактъ. См. эту грамоту въ изд. Оболенскаго, М. 1850 г., стр. 23. О циклѣ сказаній о Моном. вѣнцѣ см. въ статьѣ Архангелскаго: „Образъ и Литер. въ Москв. госуд. коп. XV—XVII вв.“ Учен. Зап. Казан. Унив. за 1893 г., кн. 7—8, стр. 184—192. Критическій разборъ сказанія о Мономаховыхъ регаліяхъ и о царскомъ вѣнчаніи ими Мономаха см. въ сочин. Ф. Терновскаго: „Изученіе Визант. исторіи и ея тенденціозное прилож. въ древней Руси“, изд. II, Кіевъ 1876 г., стр. 155—166.

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 39. Чинъ вѣнчанія, нужно познать, составленъ былъ самимъ митрополитомъ Матаріемъ. Въ составъ чина входитъ, между прочимъ, довольно длинное „Поученіе митрополитиче къ (нововѣнчанному) великому князю“. Въ этомъ поученіи митрополитъ, въ изясненіе смысла совершеннаго надъ русскимъ государемъ свящ. коронованія, говоритъ нововѣнчанному царю: „се отпущѣ отъ Бога поставленъ еси князь великій и боговѣнчанный царь правити хоругви и съдръжати скипетро великаго царства Російскаго, и вѣнчанъ еси симъ царскимъ вѣнцемъ по благодати Святаго Духа, и по милости Пресвятыя Богородицы... Ты, боговѣнчанный православный царь... приахъ еси отъ

ритета, испрашивать чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ Васильевичъ подтвержденія своего новаго титула или собственно благословенія на его принятіе; была прислана въ Москву утвердительная грамота, что служило какъ-бы новымъ подтвержденіемъ мысли о царственномъ замѣстительствѣ.

Столь великое и славное для государей московскихъ событіе, какимъ являлось торжественное вѣнчаніе на царство Іоанна Васильевича Грознаго, не могло, конечно, совершиться безъ участія высшего представителя русской церкви—митрополита Макарія. Но важно для насъ отмѣтить собственно то, что это участіе со стороны названнаго митрополита далеко не было однимъ лишь тѣмъ официальнымъ участіемъ, которое онъ необходимо долженъ былъ принять въ этомъ случаѣ по самому своему іерархическому положенію. Имѣются данныя, на основаніи которыхъ можно съ полною вѣроятностію предположить, что митрополиту Макарію главнымъ образомъ принадлежала самая инициатива по вопросу о принятіи царскаго титула великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. Согласно съ показаніемъ дѣтописнаго извѣстія („Царственной книги“), юный великій князь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ и долго говорилъ

Бога скипетро правити хоругви великого царства Російскаго и разсудити и управити люди твои въ правду, блуди и храни бодремо отъ дѣвѣихъ вѣкъ губящихъ ѣ, да не растлѣтъ Христовъ стада словесныхъ овецъ отъ Бога вданнаго ти... (Ibid., стр. 48). Въ этомъ же поученіи есть одно мѣсто, представляющее собою буквальное воспроизведеніе словъ о сущности царской власти изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вел. князю Василію Іоанновичу объ искорененіи ереси: „смыслите, царіе, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Всшняго; вѣсть бо Господь Богъ въ Себе мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вѣнчашъ посади, милость и животъ положи у вѣсть“ и проч. (Ibid., стр. 49). Но здѣсь слова эти имѣютъ, такъ сказать, свой особенный вѣсъ. Такъ-какъ поученіе по чину вѣнчанія являлось официальнымъ документомъ и въ ненамѣтномъ видѣ повторялось при вѣсахъ царскихъ древне-русскихъ коронаційныхъ, то чрезъ внесеніе сюда вышеуказанныхъ словъ официально и положительно выражалось ученіе о теократическомъ абсолютизмѣ царской власти.

съ нимъ наединѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицомъ веселымъ, отиѣлъ молебень въ храмѣ Успенія, послалъ за боярами, даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Принятіе царскаго титула было рѣшено, и счастливая тайна вскорѣ всѣмъ была открыта¹⁾. Въ чемъ состояло предварительное совѣщаніе между великимъ княземъ и митрополитомъ по указанному вопросу—мы не знаемъ точно. Нужно полагать, что митрополитъ въ бесѣдѣ съ Государемъ сильно поддерживалъ и развивалъ въ немъ мысль о царственномъ коронованіи. Послѣ совѣта съ Іоанномъ Васильевичемъ, митрополитъ созываетъ къ себѣ бояръ, въ числѣ которыхъ были и опальные,—созываетъ, конечно, не съ иною цѣлю, какъ для того именно, чтобы несогласныхъ среди нихъ на задуманное дѣло побудить дать свое согласіе. Вѣроятность предположенія о первенствующей роли митрополита Макарія въ предварительной разработкѣ вопроса о царственномъ вѣнчаніи Государя Московскаго, кромѣ данныхъ, представляемыхъ лѣтописнымъ объ этомъ дѣлѣ извѣстіемъ, подтверждается и слѣдующими соображеніями. Трудно допустить, чтобы молодой семнадцатилѣтній Государь, какимъ былъ въ это время Іоаннъ Васильевичъ, одними собственными усиліями могъ такъ глубоко представить себѣ историческія основанія коронаціи, съ какими она является въ его сознаніи, а окружавшіе его бояре—потомки древнихъ владѣтельныхъ князей, еще живо номинившіе о своихъ удѣльно-княжескихъ предкахъ, имѣли прямой интересъ не развивать въ немъ желанія коронаціи, какъ рѣшительнаго знака самодержавія; ихъ не особенно-то должно было радовать, что великій Московскій князь принимаетъ титулъ, который долженъ былъ рѣзко выдѣлять его властительскій образъ изъ среды остальныхъ

¹⁾ См. „Ист. Госуд. Россійск.“ Карамзина, т. VIII, изд. 4-е, Спб. 1834 г., стр. 83 и примѣч. 139.

князей единоплеменных¹⁾. Кому же послѣ этого всего естественнѣе могла принадлежать главная инициатива, главное и самое живое участіе въ дѣлѣ принятія Государемъ Московскимъ царскаго титула, кто изъ приближенныхъ къ юному великому князю болѣе всего былъ на это способенъ, какъ не митрополитъ Макарій, симпатіи котораго и теоретически, и практически всецѣло были на сторонѣ единого Государя всея Руси—великаго князя Московскаго, и который по этому самому болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ склоненъ въ данномъ случаѣ пойти на встрѣчу интересамъ этого Государя, нуждавшагося, для полноты своего величія, въ торжественномъ и оффиціальномъ провозглашеніи себя православнымъ царемъ православнаго русскаго царства, его единственнымъ царственнымъ представителемъ?

Излагая воззрѣнія на значеніе верховной государственной власти въ лицѣ Государя Московскаго, раскрывавшіяся въ литературной проповѣди представителей духовенства въ теченіе взятаго нами времени, нельзя обойти молчаніемъ посланій, присланныхъ Благовѣщенскому іерею Сильвестру,—тому знаменитому іерею, который былъ однимъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей въ теченіе первой, отмѣченной рядомъ знаменательныхъ происшествій въ государственномъ и церковномъ управленіи, половины царствованія Іоанна Васильевича Грознаго,—который былъ одною изъ главныхъ причинъ спасительной перемѣны, сдѣлавшей государя, преданнаго съ ранней юности грубымъ наслажденіямъ и порокамъ, строитиваго и до свирѣлости жестокаго, милосердымъ и настоящимъ царемъ правды,—котораго, наконецъ, одна лишь мрачная подозрительность больной души царя Грознаго могла обвинять въ какихъ-то злымъмышленіяхъ и коварствахъ и самымъ добрымъ дѣламъ его приписать худыя побужденія²⁾.

¹⁾ См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. временъ“, т. VI, стр. 158.

²⁾ См. „Сказанія Курбскаго“, изд. Н. Устрялова, Спб. 1842 г., стр. 9, 62, 63, 187—188, 223—224.

Приписываемыя названному лицу посланія, которыя помѣщаются въ такъ называемомъ „Сильвестровскомъ Сборникѣ“ и которыя мы для своей цѣли считаемъ нужнымъ отмѣтить, это: а) „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, написанное, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ годину большого Московскаго пожара 1547 г.¹⁾; б) посланіе въ Казань къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову, написанное вскорѣ по назначеніи его сюда воеводою (6-го октября 1552 г.²⁾ и в) „посланіе утѣшительное къ нѣкому любимцу“—вѣроятно, къ тому же князю Шуйскому по случаю постигшей его въ 1553 году царской опалы³⁾).

Взгляды на значеніе власти Государя Московскаго, какіе проводятся въ указанныхъ посланіяхъ, предста-

¹⁾ См. „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“,—исслѣд., начатое Д. П. Голохвастовымъ и оконченное архимандр. Леонидомъ. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1874 г., кн. I. По предположенію исследователей, „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“, написанное Сильвестромъ въ пору Моск. пожара 1547 г., и послужило непосредственной ближайшей причиною той благотѣльной перемѣны въ Іоаннѣ, которую приписываютъ вліянію Сильвестра (Исслѣд., стр. 13—14, 67). Принадлежности „посланія къ царю Ивану Васильевичу“ іерею Сильвестру, кромѣ авторствъ коллективнаго изслѣдованія, признаетъ также—хотя не съ полною рѣшительностію—Ждановъ въ своей ст. „Матеріалы для Стоглаваго Собора“ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1876 г., №№ 7—8), но не считаетъ его причиною благотѣльной перемѣны въ Іоаннѣ и время написанія его полагаетъ между 1550—1553 г.г. Професс. Барковъ думаетъ, что посланіе это писано во время опричнины т. е. между 1565—1572 г.г., и наиболѣе вѣроятнымъ авторомъ его считаетъ епископа Коломенскаго Вассіана Топоркова, который былъ племянникомъ Іосифа Володскаго и въ малолѣтство Грознаго сосланъ былъ въ Пѣнонскій монастырь. См. его рефератъ, читан. въ Петерб. Археолог. Инстит. 10 мая 1880 г.: „къ вопросу объ авторѣ „посланія къ царю Ивану Васильевичу“, Сильвестровскаго сборника бібліотеки С.-Петербург. Дух. Академіи“. Соображенія автора нуждаются однако въ болѣе большомъ подтвержденіи. Для нашей цѣли гораздо болѣе важны проводимыя въ данномъ посланіи политическіе взгляды, чѣмъ точное обозначеніе того, кто именно изъ представителей духовенства былъ его авторомъ.

²⁾ См. указани. коллективное изслѣд., стр. 66. Несоचितная принадлежность этого посланія Сильвестру видна, между прочимъ, изъ самого посланія, гдѣ авторъ называетъ себя „непотребный раба Сильвестринико“.

³⁾ То же изслѣдованіе, стр. 64.

вляють полное соотвѣтствіе возрѣніямъ на тотъ же предметъ Іосифа Волоцкаго. Въ такихъ же возвышенныхъ чертахъ рисуется здѣсь высота и величіе царскаго сана, носителемъ котораго является Московскій Государь, тѣ-же самыя указываются и царственныя права и обязанности, соединенныя съ высотой положенія политической главы православнаго русскаго царства.

Идеаль царской власти, рисуемый въ первомъ изъ вышеотмѣченныхъ посланій, выставляетъ предъ нами Государя Московскаго въ образѣ единого православнаго царя русскаго царства, въ рукахъ котораго безраздѣльно вмѣщается вся абсолютная полнота государственной власти, равно какъ и вся полнота государственнаго разума. „Царю и Государю Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, Самодержца вѣчна, православна вѣры истинна наставника, на Божіа враги крѣпкаго борителя, Христовѣ церкви столпа непоколебимаго и основаніе недвижимо и стѣна непобѣдимая, и градъ поистинну неслѣняемый, и воинъ крѣпкаго Бога и Царя всѣхъ, и Свѣтильница прехирна... Престоль твой правдою и крѣпостію и судомъ истиннымъ утвержень есть, жезлъ правды, жезлъ царствія твоего... Ты на царствіи Богомъ утвержень еси, Царь Великій, Самодержецъ христіанстей области, скипетры царствія великаго державу по закону пріемы крестною силою Царя царемъ и Господа господемъ. Царь еси предобръ и умирительъ всему, на супротивныя храбръ, яко да покорени будутъ врази твои подъ ногами твоими, и поклоняють ти ся цари и князи, и послужають ти языцы, и будещи благословенъ, и одолѣши посреди врагъ твоихъ... Обладаети отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя—твоя, и поклонятца тебѣ всѣ царіе земстии и вси языцы поработаютъ тебѣ... И будетъ утвержень твоему царствію, яко во вѣки не подвижитца... и всѣ языцы возвеличаютъ тя... Тако глаголетъ Господь Вседержитель: Азъ воздвигохъ тя царя правде, и призвахъ тя правдою, и рихъ тя за руку и укрѣ-

нихъ ты“¹⁾. Занимая высокое и славное положеніе Богомъ возвышеннаго „православнаго, царя всеа Русіи“, Государь Московскій не долженъ забывать и лежащихъ на немъ главнѣйшихъ обязанностей. Ему „подобаетъ еже подъ его великою областію о многихъ прилежати и въ разумъ истинный привести, понеже Государь—глава всемъ людямъ своимъ, избранъ Божією благодатію“²⁾. Высотъ положенія и важности обязанностей носителя царскаго сана соответствуетъ и тяжесть ответственности его предъ судомъ божественнымъ,—отвѣтственности не только личной, но и за все вѣренное ему царство. „И тебѣ, Великому Государю, которая похвала: въ твоей великой области множество Божіихъ людей заблудиха? На комъ то ся възыщеть? О семъ бо самъ Господь изъяви во Благовѣстіи: и всякому, ему жъ дано будетъ много, много и възыщета отъ него. Понеже государь еси въ православной своей области, Богомъ поставленъ, и вѣрою утверженъ, и ограженъ святостію, глава всемъ людямъ своимъ, и Государь своему царствію, и наставникъ крѣпокъ людямъ своимъ, и учитель, и ходатай къ Богу, и теплъ предстатель; понеже многое множество даровалъ ти Господи Богъ, и нарекъ тя пастыремъ, начальника, судью и пророка, и дивна совѣтника, вождя и учителя всемирна, и заблужшимъ наставника“³⁾. Укротить и смирить „людей, рабовъ своихъ, дерзновеніемъ и небреженіемъ и безстыдными скверными удаляющихся отъ Бога“—сдѣлать это въ полной власти государя, ибо власть эта всемогуща: „сего смиряеши, а сего возносиши... царскимъ судомъ вся смиряеши“⁴⁾.

Образъ православнаго царя—ревнителя вѣры и благочестія, воплощающійся въ особѣ государя всеа Русіи,

¹⁾ См. „Послан. къ царю Ивану Васильевичу“ въ прилож. къ указани. псалмѣдов. Голохвастова и архим. Леопида. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1874 г., кн. I, стр. 69—70.

²⁾ Ibid., стр. 73.

³⁾ Ibid., стр. 82; см. стр. 80, 81.

⁴⁾ Ibid., стр. 83; см. стр. 84.

рельефиѣ выступаетъ въ посланіи къ воеводѣ Казанскому, князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову. Здѣсь на чисто конкретной почвѣ проводится параллель между первымъ православнымъ царемъ греческой имперіи—равноапостольнымъ Константиномъ, и державнымъ самодержцемъ всея Руси—Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Какъ великій царь Константинъ, озаренный благодатнымъ свѣтомъ вѣры Христовой, „многое и безчисленное множество Эллини обрати къ Господу и просвѣти святымъ крещеніемъ“, а также силою креста Христова „многія противныя и невѣрныя языки побѣждалъ“, такъ и русскій „благовѣрный царь“, верховный представитель православнаго русскаго царства, прославилъ себя такими же царственными подвигами. „Илиѣ,—пишетъ авторъ посланія,—Христіолюбецъ, державный Государь нашъ, Самодержецъ всея Росіа, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, Божією благодатію угодился царю Константину: тою жъ царьскою багряницею обложенъ сестъ, то жъ правовѣрія хоругви въ руку своєю благочестно содержитъ; отъ начала бо и донилѣ также бо благодать способствуетъ; въоружибоя все-сильно божественною силою и всеоружествомъ Животворящаго Креста, и безчисленная варварьская нахожденія и противъ оуполченія крѣпче победы, и градъ Казань разори... и враговъ своихъ до конца погуби“ ¹⁾. Но главное, что совершилъ Государь Московскій, что главнымъ образомъ и уподобляетъ его царю Константину, это то, что онъ, благочестивый Самодержецъ, „невѣрныхъ въ вѣру обратилъ,... многихъ злолютыхъ своихъ врагъ, кровопивецъ христіанскихъ... святымъ крещеніемъ освятилъ, и во благочестивой вѣрѣ наказуетъ, и въ духовнѣ разумѣ просвѣщаетъ, волки овцамъ, стаду Христову, присовокупляетъ“ ²⁾.

¹⁾ Посланіе къ кн. Александру Борисовичу... въ прилож. къ тому же издѣлію, стр. 89—90.

²⁾ Ibid., стр. 91.

Такимъ образомъ, государь всея Руси—великій князь Московскій является вполне достойнымъ замѣстителемъ православныхъ царей греческихъ—прежнихъ ревнителей православной вѣры. Онъ во всемъ подобный имъ Самодержецъ, усердный покровитель вѣры и благочестія, глава всемъ своимъ людямъ, ихъ верховный пастырь, начальникъ, судья, вождь и наставникъ. Ему, какъ носителю неограниченной царственной власти, полученной имъ отъ Бога, все другіе князья и властители, которымъ онъ поручаетъ „опечение о своихъ людехъ“, должны воздавать „должное покореніе и послушаніе“, должны „работать ему по всей воли его и по повелѣнію его .., яко Господени работающе, а не чловѣкомъ“¹⁾. Они не должны позволять себѣ даже „хульнаго помысла и глагола неблагочестиваго на своего Государя“, ибо „сердце Царево въ руцѣ Божіи и онъ слуга есть Божій въ наказаніе согрѣшающимъ, а поставленъ есть отъ Бога на всехъ творящихъ обиду и содѣвающихъ неправду, якоже и апостолъ пишетъ: „Бога чтите, а царя бойтесь, не туне бо мечъ носятъ въ похвалу добродѣемъ, а во отмищеніе злодѣемъ“²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 96.

²⁾ Посланіе утѣшител. къ нѣкому любимцу. Ibid., стр. 104. Въ поученіи къ сыну (Аноиму), которое составляетъ 64 главу такъ называемаго Сильвестровскаго Домостроя и есть несомнѣнное произведеніе пера Сильвестра, авторъ, поучая сына быть вѣрнымъ царю, внушаетъ ему слѣдующее: „Чадѣ мое, единородное и любимое, Аноимъ! Прозволилъ Богъ, и благочестивый, православный Царь Государь велѣлъ послужити тебѣ въ своей царской казнѣ, да у тамѣяныхъ дѣлъ; и нынѣ молю тя, чадѣ, и со слезами глаголю: Господа ради, памятуя царское наказаніе, прося у Бога помощи и разума, отъ всей души и отъ всего помышленія; служи вѣрою и правдою, безъ всякія хитрости, и безъ всякаго лукавства;... душевредная бо твоя служба Государю не была ни въ чемъ; а самъ благодѣиющимъ Государьскимъ урокомъ сытъ буди“... См. „Домострой“, изд. Кожанчикова, подъ редакц. Яковлева, Сиб. 1867 г., стр. 155. Безотносительно къ личности автора, отмѣтимъ здѣсь также 5 главу Домостроя (по указ. наданію), гдѣ содержатся слѣдующія наставленія о повиновеніи носителямъ государственной власти: „Царя бояся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отънюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ истину отвѣщай ему, яко самому Богу, во всемъ пови-

Согласные съ Иосифовскими взгляды на верховную государственную власть проводить, на основаніи библейскихъ и византійскихъ источниковъ, и извѣстный литературный противникъ ереси Осодосія Косого и его посядѣвателей—инокъ Отенской Новгородской пустыни Зиновій († 1568 г.). Коснуться даннаго предмета инокъ-полемистъ долженъ былъ въ виду тѣхъ воззрѣній лжеучителей, что всякія земныя власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ для себя оправданія въ божественномъ Писаніи и должны считаться явленіями развращеннаго человѣческаго преданія¹⁾.

Идея богоустановленности государственной власти ясно выступаетъ у Зиновія, когда онъ въ доказательство необходимости повиновенія этой власти ссылается на повелѣніе Христова „вызывать царя царя“, не разъ приводитъ извѣстное мѣсто изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ, свидѣтельствующее, что „сущая владычества отъ Бога учинена суть“, что князи суть „служители Божіи, отмстители въ гнѣвъ злое творящему“, и, согласно этому апостольскому ученію, отъ себя неоднократно заявляетъ, что „царскія чиновначальники Богомъ поставлены“, что „власти и владычества учинены Богомъ“²⁾. Выставляя и обосновывая общую мысль, что власть есть учрежденіе божественное, Зиновій часто касается въ своей рѣчи специально носителей власти царской и рельефно отмѣчаетъ высоту ихъ положенія.

внуша ему. Аще земному Царю правдою служивши, и боитися его, тако научивши и Небеснаго Царя боитися... Такожъ и княземъ покоряеся, и должею чести воздавати имъ, яко отъ него посланыи, во отмыщеніе злодѣямъ въ похвалу же добродѣетъ... Глаголетъ Павелъ апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да—аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому велможѣ не тѣшиа служить злему и клевету и лукавствомъ; погубитъ Господь вся глаголающая злу"... Ibid., стр. 11—12; см. гл. 12, стр. 28—29.

¹⁾ См. „Истинны показаніе"... изд. Каз. Дух. Акад., стр. 219—220 см. „Посланіе многословное", изд. А. Попова, "Ист. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1680 г.", кн. 2, стр. 144.

²⁾ См. „Посланіе многословное"... гъ изд. Попова, стр. 220—221, 285, 284.

Въ одномъ мѣстѣ своего „Посланія многословнаго“ авторъ-инокъ, цитую первую бесѣду Іоанна Златоуста къ Антиохійскому народу по поводу сверженія царскихъ статуѣй, приводитъ, между прочимъ, изъ этой бесѣды и слѣдующія слова относительно высоты царскаго сана: „не бо есть отъ малыхъ никогоже бо точна имъ себе честію на земли, царь бо есть верхъ и глава иже на земли человѣкомъ всѣмъ“¹⁾. Въ другомъ своемъ полемическомъ сочиненіи Зиновій относительно посителей царской власти заявляетъ, что хотя царь есть также человѣкъ, однако по своей власти онъ настолько возвышенъ надъ всѣми другими людьми, что каждый изъ этихъ послѣднихъ долженъ выслушивать и принимать царскія слова съ молчаніемъ и боязнію. „Ни синклити предъ царемъ повелѣвати могутъ, такому же человѣку сущу и царю, и сего ради боязнію и молчаніемъ слово его предпочитаютъ“²⁾. Слово цари никто не смѣетъ считать праздыми и никто не „смѣетъ преобидѣти“ царской бесѣды³⁾: такъ авторитетны слова государя. А насколько, дѣйствительно, высоко царское достоинство поставляетъ человѣка—царя въ ряду другихъ людей, это съ особенною ясностію показываетъ Зиновій, когда говоритъ о почитаніи царскихъ изображеній. Вотъ это мѣсто: „видимъ и человѣка образъ, яко честнѣйшии есть и вышши всѣхъ повинующихся ему. Не токмо бо простіи чловѣци земледѣльцы и рукуходожицы, вшегда цареву образу вносиму въ грады митрополеціи, но и воины царевы и старѣйшии мужіе граду, и честнѣйшии сановинцы, и сами синклиты, и воеводы, и епархи устрѣтають съ честію многою и поклоняются образу цареву чловѣчю, яко и самому цареву; и есть образъ царевъ честнѣйшии всего синклита его, и воеводъ, и епархъ, и патрикіевъ, вси бо тѣи поклоняются образу цареву и

¹⁾ „Посланіе многосл.“, стр. 88.

²⁾ „Пѣтины показаніе“, стр. 136.

³⁾ „Пѣтины показаніе“, стр. 83—84, 261.

многую честію въ устрѣтеніи его, яко и самого царя, и тѣмъ показующе повиновеніе къ царю и возлюбленіе свое къ нему. Отъ сего познавается, яко много хуже суть образа царева человѣча вся свѣтлыя и великія честныя саши, и спаршескія, и воеводскія, и синклитскія, и царевъ человѣчъ образъ... честнѣйши есть и вышше есть всѣхъ ихъ“¹⁾. „О сей же почести царскихъ образовъ,—замѣчаетъ Зиповій въ другомъ мѣстѣ,—нѣсть видѣти отъ отецъ негодования, ниже отъ апостолъ, ни отъ Самого Господа, но и рекшу Господу: воздадите убо яже Кесарева Кесареви“²⁾. Почитаніемъ царскаго изображенія свидѣтельствуется „благоуміе и покореніе къ царю“; наоборотъ, тѣ, кто не воздастъ этому изображенію подобающихъ почестей, „самого царя въ иконѣ его преобижаютъ и на ярость его раздражаютъ“. что и случилось „нѣкогда въ гречестѣхъ царствіи“, именно при царѣ Осодосіи въ Антиохіи, гдѣ хульники свергли царскія статуи³⁾.

Касаясь того пункта джеученія Косого и его послѣдователей, по которому земныя власти считались учрежденіемъ развращеннаго человѣческаго преданія, инокъ Отенскій старается показать, сколь необходимъ для блага человѣческихъ обществъ институтъ верховной государственной власти и при томъ власти, сосредоточивающейся въ рукахъ одного высшаго властителя. По его воззрѣнію, и плачевенъ и гибеленъ тотъ порядокъ вещей, когда люди не имѣютъ надъ собой одного общаго владыки и „каждый по свосму хотѣнію творить“; слѣдствіемъ такого порядка бываетъ „всякое нестроеніе, мятежъ и разрушеніе землямъ и царствію“. Наоборотъ, „покой, тишина и во благожизниіи наслаженіе живущимъ бывають“, когда всѣ признають одного верховнаго пред-

¹⁾ „Истинны показаніе“..., стр. 283—284; см. стр. 483.

²⁾ „Истинны показаніе“..., стр. 361; см. стр. 479, 484; см. „Посланіе многосл.“, стр. 81, 93.

³⁾ „Истинны показаніе“..., стр. 361 и слѣд.

ставителя власти и ему подчиняются ¹⁾. „Въ жизни-говорить Зиновій—всѣмъ дотолѣ несправляется благочиніе и согласіе, допелѣже добръ покарятся: иже въ дому—господицу, въ пути—предводищему, во области—князю, въ царствіи—царю“ ²⁾. Раздоры и раздѣленія пронеходятъ тамъ, гдѣ нѣтъ „единого владычествующаго“ или есть нѣсколько такихъ властителей³⁾. „Единоначаліе добро и полезно есть, а многоначаліе зло и пакостно“, потому что,—разсуждасть Зиновій,—„егда ко единому началу вси вкуиѣ и взирають и покарятся, тогда вся добръ несправляется не еущу прекословію, ни распрѣлію; вшегда же проишкнеть прекословіе, ту и распрія, а пдѣже распрія, ту и непокореніе, а пдѣже непокореніе, тамо отъ начальствующаго отложеніе есть“ ⁴⁾. Итакъ, необходимою принадлежностію всякаго благоустроеннаго царства является существованіе въ немъ верховной власти въ лицѣ единого владыки—царя. Пужно только, по словамъ Зиновія, чтобы „сами царева раземотрили всему царствію общія пользы и крѣпости“, а не заботились только о себѣ самихъ. Если они „вся начнутъ творити правая лишь предъ очима своимъ“, то „погубить свое царство или чужимъ преподадуть, якоже вавилонетіи владыки Персияномъ, Перетіи—Макидономъ, а Макидоны—Римляномъ“, или какъ это было съ нѣкоторыми царями Израильскими и Іудейскими, а также царями греческими, „уповавшими собою и сотворившими правая предъ очима своимъ“ ⁵⁾.

Раздѣляя воззрѣнія Іосифа на высоту сана верховной государственной власти, Зиновій проводитъ одинаковый съ Іосифомъ взглядъ и на главную обязанность, лежащую на носителяхъ этого сана. „Рцйте намъ,—съ укоризною спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ лжеучителей,—чесо ради отбѣгаете начальникъ владычества, не

¹⁾ Истинны показаніе..., стр. 575.

²⁾ Истинны показаніе..., стр. 586.

³⁾ Истинны показаніе..., стр. 587.

⁴⁾ Истинны показаніе..., стр. 589—590.

⁵⁾ Истинны показаніе..., стр. 575—576.

явѣ ли яко сего ради, да злобу всякую творяще вы, и антихристу пропутіе творяще ученіемъ своимъ, никимже возбранени будете, не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣянія ваша и безбожная словеса, да въ всяцѣи воли своен все зло съдѣете“..., и вслѣдъ за этимъ дѣласть ссылку на извѣстное апостольское ученіе о томъ, что князи суть „Божіи слуги“, предназначенные быть „отмыстителями во гнѣвъ злое творящимъ“¹⁾. А въ другомъ мѣстѣ, упоминая о ереси жидовствующихъ, возникшей „въ дѣла великаго князи Іоанна и сына его великаго князя Василія“, Зиновій въ качествѣ главной причины, содѣйствовавшей уничтоженію ереси, выставить именно ревность этихъ „благочестивыхъ русскихъ самодержцевъ“²⁾.

Итакъ, соотвѣтственно преслѣдуемой цѣли, мы изложили въ этомъ отдѣлѣ своего изслѣдованія, съ одной стороны, тѣ литературно-публицистическія воззрѣнія представителей русскаго духовенства и монашества (такъ называемаго „Іосифлиискаго“ направленія) за время отъ конца XV по начало 2-ой половины XVI в. включительно, въ которыхъ затрогивается и раскрывается вопросъ о значеніи верховной государственной власти, о правахъ и обязанностяхъ ея носителей. Всѣ эти воззрѣнія, переносимыя въ своей совокупности на личность государя всея Руси—великаго князи Московскаго, окружаютъ эту личность ореоломъ чисто царственнаго величія, возводятъ Государя Московскаго на священную высоту единого верховнаго представителя православнаго русскаго царства. Полновластный владыка, получившій царственную власть отъ самого Бога, единый глава всѣмъ своимъ подданнымъ, изъ которыхъ никто не можетъ сравняться съ нимъ по достоинству и чести, а всѣ равно должны воздавать ему благопокореніе и послушаніе, Государь русскій, по самой этой высотѣ своего положенія, обла-

¹⁾ Посланіе многословное..., стр. 284—285.

²⁾ Истинны показаніе..., стр. 964—965.

дасть самыми широкими правами и несетъ на себѣ великія и важныя обязанности. Онъ не гражданскій только властитель вѣршеннаго ему народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности представитель его совѣсти и вѣры, носитель его нравственно-религіознаго міра¹⁾, блюститель и защитникъ русскаго православнаго христіанства. Онъ не просто русскій государь или царь, но государь именно православный, царь благовѣрный и христіолобивый. Ему, по примѣру православныхъ царей греческихъ, принадлежитъ роль верховнаго покровителя церкви, государственнаго представителя православія, охранителя чистоты вселенской древне-христіанской истины. Словомъ, онъ вполне достойный преемникъ и наследникъ сошедшихъ съ исторической сцены православныхъ носителей цезарской гречко-римской власти; онъ во всемъ подобный имъ царь—автократоръ²⁾.

¹⁾ Въ одномъ изъ произведеній XVI в., именно апокрифической „Бесѣды преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“ (составленіе которой неизвѣстнымъ авторомъ повѣйшіе историки относятъ ко времени послѣ 1553—1554 г.г.) на царя возлагается даже обязанность слѣдить за говніемъ мірля. По словамъ „Бесѣды“, царю слѣдуетъ „нездѣ установить своею царскою смиренною и всегодною грозю, чтобъ покаяться и говѣти по вся годы всякому вездѣ мужеску полу и женску двюнадесять лѣтъ: о томъ царю самому крѣпко и крѣпко печися паствы своея о спасеніи міра, о всегодномъ посту всегодными прямыми постыми людьми во благоденство хіру всего“. См. „Ист. русс. Литерат.“ А. Н. Пыпина, т. II, Сиб. 1898 г., стр. 149—152, 157.

²⁾ Всѣ эти мысли о Государѣ всея Руси—великомъ князѣ Московскомъ ясно выражаются въ тѣхъ величественныхъ титулахъ, которые, какъ мы видѣли, постоянно прилагаются къ Государю Московскому въ литературно-публицистической проповѣди представителей нашего духовенства и монашества. Перечислимъ здѣсь кромѣ нѣкоторые титулы Государя Московскаго, какіе пришлось намъ встрѣтить въ произведеніяхъ агіографической письменности, въ изобиліи явившихся на Руси во дни знаменитаго Макарія и составлявшихся подъ большимъ или меньшимъ его вліяніемъ (то по его вызову и порученію, то по его благословенію). Московскій Государь у авторовъ—писателей житій святыхъ обыкновенно называется: „*Державнымъ царемъ православнымъ*“, „*православнымъ Государемъ всея Руси*“, „*Державнымъ Государемъ, посящимъ багряницу царскую и скипетры всея Руси*“ (См. житіе Іосифа Волоцкаго, написан., по порученію Макарія, Саввою, еп. Крутицкимъ, въ 1546 г., изд. Невостр., стр. 14, 43, 70), „*благовѣрнымъ и христіолобивымъ царемъ и Государемъ Самодержцемъ руския*

Съ другой стороны, одновременно съ изложеніемъ теоретическихъ воззрѣній на значеніе верховной государственной власти, какъ они высказаны въ литератур-

желы *скипетры державили*“, „*Самодержавнымъ Царемъ и Государемъ, просержиющимъ начальство рускаго царства*“ (См. житіе преп. Александра Свирскаго, написанн. игуменомъ его монастыря Продономъ въ 1545 г. по порученію Макарія и арх. Новгород. (модосіа. Рукоп. сб. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 106, л. 227 об., л. 257 об.; о времени написанія сего житія и его авторѣ см. у Ключевскаго: „Древнерусск. житія святыхъ, какъ историч. источникъ“. М. 1871 г., стр. 362), „*великимъ Государемъ православною на Русіи*“ (См. Описаніе позднѣйшихъ чудесъ препод. Иосифа Соловецкаго, сдѣланное, какъ можно видѣть изъ содержанія, въ мазолѣтство Грознаго, когда „*великомъ приминимъ самовластіе, много зла сотворится между ними*“. Рукоп. сборн. Кіевск. Дух. Акад. подъ зн. Аа 106, л. 65), „*благочестивымъ и Богомъ омычаннымъ царемъ, озлославленнымъ благодатию Св. Духа*“ (См. житіе митр. Іоны въ редакціи Макаріенскаго времени у Ключевскаго въ приложен. къ указанному сочин., прилож. IV, стр. 460—461), „*благочестивымъ и ласкымъ остойнымъ самодержцемъ, достогославнымъ во царствѣ, правящимъ скипетръ царства великому Россійскому*“ (См. житіе св. Стефана Махрищскаго, написанн. по порученію царя и митр. Макарія игуменомъ Іоасафомъ въ самомъ началѣ 2-ой полов. XVI в. Рукоп. сбор. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 155, л. 186 об.; о времени написанія и авторѣ см. у Ключевскаго, стр. 279—280), „*въ православіи преставилымъ царемъ*“ (См. житіе Никиты, еп. Новг., написанн. тѣмъ же игуменомъ Іоасафомъ и около того же времени. Рук. сбор. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. Аа 118, л. 176 об., 186 об.; о времени напис. и авторѣ см. у Ключевск., стр. 278 и 265) и т. п. О томъ или другомъ снятомъ въ житіяхъ замѣчается, что онъ „*молитвы къ Богу воздающе о оержаяхъ царства Государя великого князя, да умножитъ Богъ царство самодержавнаго Государя*“ (См. указани. Житіе Александра Свирскаго, л. 266 об.), что онъ „*о самодержавнахъ молился*“ (Указани. Житіе Новгород. еп. Никиты, л. 182 об.), „*училъ насъ работати Государеву*“, что онъ „*благочестивому и христіанскому великому князю Самодержцу всея руссіи земли... и всѣмъ православнымъ благовернымъ княземъ тензій молебникъ Богу и ходатай изрядный къ Пречистѣй Богородицѣ, яко да подастъ имъ побѣду на всея видимыя и невидимыя враги, и да умножитъ Богъ зѣла живота ихъ въ благоденствіи... и да вѣнчаетъ Богъ благоудолья чуда вѣнцемъ царствія въ родѣ и родѣ*“ (Похвалы, слою Пафлутію Гороскому Макарьевск. времени. См. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1868 г., ч. цѣ февраль, ст. свѣщ. Николаевскаго: „Русск. Проводѣ въ XV и XVI вв.“, стр. 362—363). Но особенно интереснымъ съ точки зрѣнія политической обстановки, изъ житій XVI в. является житіе мазѣстнаго митрополита второй половины царствованія Грознаго — Филиппа, написанное кѣмъ-то въ Соловецкомъ монастырѣ, по порученію игумена и братія (Ключевск., стр. 311). Въ немъ ясно обрисовываются политическія воззрѣнія Филиппа, представляющія совершенное сходство съ воззрѣніями

ной проповѣди указанныхъ нами представителей духовенства и монашества, отмѣтили мы и обнаруженіи практическаго содѣйствія со стороны нѣкоторыхъ изъ тѣхъ-же представителей политическимъ интересамъ великихъ Московскихъ князей. Въ этомъ отношеніи, кромѣ прямой политической дѣятельности знаменитаго игумена Волоцкаго Іосифа, указали мы на двѣ крупныя политическія услуги, оказанныя великому князю Московскому митрополитомъ Даніиломъ. Побуждаемый важностію государственно-политическихъ задачъ, преслѣдуемыхъ великокняжескою Московскою властію, названный митрополитъ помогъ Василию III отдѣлаться отъ послѣдняго представителя удѣльнаго строя политической жизни — удѣльнаго князя Василія Шемячича. Руководясь тѣмъ же побужденіемъ и ради важности преслѣдуемой цѣли поступаясь даже каноническимъ правомъ церкви, тотъ-же

Іосифовскими. Вотъ для примѣра мѣсто изъ помѣщеннаго въ житіи поученія царю Іоанну Васильевичу, сказаннаго Филиппомъ при возведеніи въ санъ митрополита: „яко великимъ сподобился еси отъ Бога благимъ, — говорилъ митрополитъ Грозному, — тома большая долженъ еси воздати Ему... Не приложенъ еси человекѣмъ ради земаго царствія, крѣпко же буди требующимъ державы ради горняя власти... Икоже кормчій бодрствуетъ всегда, тако и царскій многоочинный умъ, содержаи твердо добраго закона правило и ижеущая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемирныя жизни не погрознетъ волнами неправды... Паче всея славы царствія добротѣ царя вѣнецъ украшаетъ“... Царь долженъ „за православную вѣру стояти твердо и непоколебимо, еретическая гнилая ученія удобно отысаяюще, держати же еже апостоли научиша и еже отцы предаша“..., долженъ „въ той же истинны мудрованіи руководити и подъ нимъ вчиненныхъ, ничтоже такоаго тѣсненія и прилежанія нещепати честнѣйше“. (См. Житіе митр. Филиппа въ рукоп. сборн. Киев. Дух. Ак. подъ знак. Т. 335, л. 349, 350, 351 об.). Въ другой разъ, при обвиненіи преступныхъ дѣяній Грознаго, тотъ же митрополитъ говорилъ ему: „о самодержавный Царю! Чести великія превышши имѣя санъ, чти насъ всего сему ты сподобившаго Бога, яко по подобію небесныя власти данъ ти есть скипетръ земаіныя силы, да человекѣи научиши правду хранити... Естествомъ убо тѣлеснымъ точенъ еси всякому человекѣ, о царю, властію же сана подобенъ еси иже надо всѣмъ Богу, не паче бо на земли вышши себе... Учиненъ еси отъ Бога еже разсудити люди Божіа въ правду, а не мучительски санъ держати, добротѣ царя вѣнецъ украшаетъ... Аще убо царю и образомъ Божіимъ почтенъ еси, но перети земаей приложенъ еси“ (Ibid., л. 367 об., л. 368, л. 369 и об., л. 379 об., л. 372 об. и 380).

митрополитъ устроилъ дѣло о разводѣ Василія Іоанновича съ неплодною Соломоніей и о вступленіи его въ новый бракъ, при которомъ возможно было рожденіе прямого наследника русскаго государства. Отмѣтили мы также роль митрополита въ непосредственно слѣдовавшихъ за смертію Василія Іоанновича обстоятельствахъ принесенія присяги на вѣрность малолѣтнему наследнику престола—будущему царю Грозному, при чемъ лѣтописный рассказъ объ этомъ дѣлѣ далъ намъ основаніе приписать митрополиту Данилу главную инициативу попытки поставить отношенія удѣльныхъ князей къ великому на новыхъ, недоговорныхъ, началахъ.—Отмѣтили мы, наконецъ, факты прямого служенія интересамъ утверждавшагося на Руси въ лицѣ Государя Московскаго единодержавія и самодержавія со стороны знаменитаго іерарха русской церкви временъ Грознаго—Макарія. Въ санѣ Новгородскаго архіепископа, онъ одновременно съ митрополитомъ Даниломъ дѣйствуетъ въ пользу великокняжеской Московской власти по поводу столкновенія съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Старицкимъ. А въ санѣ всероссійскаго митрополита онъ принимаетъ самое живое и дѣйтельное участіе въ томъ важномъ въ исторіи Государей Московскихъ событіи, какимъ было торжественное вѣнчаніе на царство Іоанна Васильевича Грознаго въ 1547 году. Въ отношеніи къ этому славному событію, представившему изъ себя какъ бы практическое завершеніе сложившейся на Руси теоріи о православномъ русскомъ царствѣ съ единымъ православнымъ царемъ во главѣ,—въ отношеніи къ этому событію митрополиту Макарію, какъ пужно полагать на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ, принадлежала роль не только, такъ сказать, оффиціального совершителя извѣстнаго церковнаго обряда, но и главнаго инициатора въ самой разработкѣ вопроса о царственномъ вѣнчаніи Государя Московскаго.

IV.

Государственно-политическія воззрѣнія „Заволжскихъ нестяжателей“.

Мы видѣли, что на почвѣ борьбы съ ересью жидовствующихъ весьма ясно обнаружилось у насъ на Руси значеніе верховной государственной власти, какъ значеніе это опредѣлялось въ византійскомъ правѣ. Главный борецъ противъ ереси, игуменъ Волоцкій Іосифъ, не могъ исполнѣ достигнуть своей цѣли, пока не успѣлъ склонить на свою сторону Государей Московскихъ—Іоанна III и Василія Іоанновича. По отношенію къ власти Государя Московскаго борьба съ еретиками наглядно показала, что эта власть со стороны присущихъ ей правъ и обязанностей, подобно власти византійскихъ императоровъ, простирается на все сферы жизни ввѣреннаго ей попеченію государства, имѣетъ, въ частности, рѣшающее значеніе и въ дѣлахъ церковныхъ; отъ этой именно власти зависитъ главнымъ образомъ устраненіе угрожающихъ чистотѣ вѣры и благочестія опасностей. Стоитъ лишь Государю Московскому проявить свою волю въ видѣ суровыхъ наказаній по отношенію къ еретикамъ—и ересь будетъ уничтожена. Такія именно представленія о значеніи и силѣ верховной государственной власти должны были вызываться смысломъ всехъ тѣхъ усиленныхъ просьбъ и увѣщаній, съ какими постоянно обращались къ Государю Московскому борцы съ ересью, умоляя его принять свои всецѣльные мѣры къ искорененію явившагося и распространившагося въ русской церкви зла (казнить еретиковъ).

Такимъ образомъ, вопросъ объ еретикахъ заключать въ себѣ, между прочимъ, и весьма важную государственно-политическую сторону, послужить почвой, на которой затрагивались представленія государственно-политическаго характера (въ пользу политическаго значенія Государя Московскаго). Но вмѣстѣ и рядомъ съ этой почвой явилась и существовала въ XVI в. и другая, также нечуждая отбѣнка политическаго (и въ томъ же направленіи). Это—вопросъ о правѣ монастырей на владѣніе землями и крестьянами,—правѣ, конемъ они пользовались въ самой широкой степени.

Изъ отшельническихъ келій, разбѣянныхъ въ Бѣлозерскихъ лѣсахъ и имѣвшихъ близкія сношенія съ монастыремъ Кирилла Бѣлозерскаго, въ самомъ началѣ XVI в. вышли шумные протесты противъ монастырскаго землевладѣнія, въ причинной связи съ которымъ стоялъ упадокъ нравственности въ монашествѣ. Завоженіе, нестяжатели, съ Ниломъ Сорскимъ во главѣ, настойчиво проводили и защищали мысль о необходимости отобрать у монастырей села и вотчины и черезъ это уничтожить причины, такъ или иначе способствовавшія нравственной деморализаціи монашества. Но, въ виду преслѣдуемой нами цѣли, вниманіе наше въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя то обстоятельство, что осуществленіе указанной мысли противники монастырскаго стяжательства поставляли въ зависимость отъ той-же единой воли Государя Московскаго, съ проявленіями которой, какъ намъ извѣстно, связывали дѣло уничтоженія ереси жиждовствующихъ борцы за чистоту вѣры и благочестія. И подобно тому, какъ эти послѣдніе, для достиженія своихъ цѣлей, постоянно, можно сказать, взывали къ власти Государя Московскаго, какъ верховнаго блюстителя церковно-религіозныхъ интересовъ, умоляя его проявить благодарованныя ему царственныя права для защищенія церкви отъ вкрадшагося въ нее еретическаго зла; такъ представители и защитники „нестяжательности“ не разъ обращались къ тому же царю—государю

съ усиленными просьбами отнять у монастырей ихъ стяжанія, и такимъ образомъ уничтожить происходившее отсюда церковно-монастырское нестроеніе. Одинъ изъ писателей житія Іосифа Волоцкаго, неизвѣстный по имени, но, какъ по всему видно, близкій ко времени самого прендобнаго, вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ намъ о Московскомъ соборѣ 1503 г. ¹⁾: „бысть царскому повелѣнію, священныя мужи съ архіерен въ господствующій градъ собирающу видѣти о словесехъ, монастыремъ села и нивы еще не пріятна суть? Иѣкоимъ бо отцемъ, иже безмолвіе и уединенное житіе проходящимъ и любящимъ ²⁾, и отеческая ученія о нестяжаніи черноризцемъ добръ внявшемъ, поболѣша о стяжаніи сель монастыремъ, нещующе, яко суетно отреченіе міра сотворяють входящій въ монастырь... И сихъ ради *молитва самодержца* (объ отобраніи у монастырей вотчинъ), аки имуще дерзновеніе къ нему, ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества“ ³⁾. Ревностный ученикъ Нила Сорскаго, инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣвъ, принявшій на себя пропанду идей своего учителя и иѣкоторое время занимавшій при дворѣ Василія III положеніе всесильнаго временщика ⁴⁾, въ своихъ полемическихъ противъ Іосифа Волоцкаго сочиненіяхъ самъ заявляетъ,

¹⁾ Цѣль созванія этого собора въ одномъ изъ письменныхъ памятниковъ того времени обозначена въ слѣдующихъ словахъ: „о еже како въ второе лѣто (не совѣтъ ясное хронологическое указаніе) князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи велѣлъ быти на Москвѣ святителемъ и Нилу и Іосифу, попомъ ради, иже дръжаху наложницы, паче же рещи въсхотѣ отымати села у святыхъ церквей и у монастырей. См. Обвинительные пункты Іосифа Волоцкаго противъ Нила и Вассіана, наложенныя въ полемическихъ сочиненіяхъ послѣдняго. Правосл. Соборъ. за 1863 г., ч. III, стр. 206.

²⁾ На соборѣ были оба главныхъ вождя заводскихъ нестяжателей — старецъ Паней Ярославовъ (восприѣмникъ вел. кн. Василія III отъ св. купели) и его ученикъ Нилъ Сорскій, а съ ними и другіе пустынники Вѣлззерскіе. См. Посланіе неизвѣстнаго о враждѣ на Іосифлянъ („письмо о нелибкахъ“) Прибавл. къ Твор. св. о.о., ч. X, стр. 505.

³⁾ Житіе Іосифа, напис. неизвѣстнымъ, изд. Невоструева, стр. 39.

⁴⁾ См. въ сочин. проф. Павлова: „Историч. очеркъ секулярна. церк. земель въ Россіи“, стр. 65, прим. 2.

что онъ не разъ „бесѣдовалъ съ боголюбивыми князи, плачяся и рыдая церковное нестроение“ и, несомнѣнно, убѣждалъ ихъ „у церквей и монастырей села отнимати“¹⁾. Цельзя здѣсь также не отмѣнить интимныхъ бесѣдъ, какія велъ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV одинъ изъ заволжскихъ пустынниковъ, именно старецъ Артемій, во время соборныхъ засѣданій 1551 г. Какъ можно видѣть изъ свидѣтельства самого Артемія въ его посланіи къ царю Грозному, бесѣды касались именно вопроса о монастырскихъ владѣніяхъ. И вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ названный сторонникъ „нестязательности“ относительно частнаго содержанія этихъ бесѣдъ. „А всѣ шнѣ съгласно враждуютъ,—пишетъ онъ Грозному,—будто азь говорилъ и писалъ тобѣ—села отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ. А отъ того мню, государь, што азь тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой (т. е. высказывая личный взглядъ на дѣло), а не говоривалъ есми имъ (членамъ собора) о томъ, ни тобѣ не совѣтую пуженіемъ и властію творити что таково... А и то есми, государь, писалъ азь и говорилъ тобѣ о истиннемъ и непрелестнемъ пути Христовыхъ заповѣдей, и о томъ не ускори съблзнитися... А азь въ томъ виноватъ предъ Богомъ, занеже безъ времени ино глаголахъ... Оплотился есми, государь, притчею оною, сяже глаголахъ иѣкогда: аще царь земный поручити иѣкому имѣніе, повелѣвая дати сія, иже въсхотѣлъ еси дати, той же пріемный отдастъ, иже самъ въсхотѣлъ, а не по твоему приказу. Не будещи-ли бранити? И ты, господарь, отвѣщай еси, яко не токмо бранити, но и мучити хочу его. И отъ того мнѣлъ есми, яко мощно разумѣти тобѣ, яко достонѣти хранити заповѣди Господня, якоже повелѣлъ, а не якоже мы хотимъ, умнишаемъ человѣческими помысли“. Въ своемъ „иносказаніи“ нестяжатель ясно намекнулъ государю на не-

¹⁾ См. Подемич. сочиненія инока—князя Вассіана Патрикѣева въ Правосл. Собесѣдн. за 1863 г., ч. III, стр. 197, 207.

обходимость отъ его царской воли зависящаго устраненія тѣхъ нарушеній „заповѣдей Господнихъ“, которыя обуславливались монастырскимъ землевладѣніемъ. „И нынѣ же,—какъ бы въ цѣляхъ полнаго выясненія своей притчи добавляетъ авторъ посланія, обращаясь къ царю,—якоже познаваю, дай разумъ твой отъ тогдашняа рѣчи, еяже глаголахъ еси“ ¹⁾.

Итакъ, по мысли „нестяжателей“, для уничтоженія церковныхъ нестроеній, связанныхъ съ монастырскимъ землевладѣніемъ, главное и единственное средство—отобраніе у монастырей ихъ вотчинъ. А фактическое примѣненіе этого средства зависить исключительно отъ власти Государя Московскаго, который является верховнымъ вотчинникомъ всей русской земли и которому eo ipso принадлежитъ право распоряжаться веѣми, въ томъ числѣ и монастырскими, землями, по его волѣ, какъ найдеть нужнымъ. Выраженіемъ такихъ именно мыслей о значеніи власти Государя Московскаго и служили отмѣченные нами факты обращенія къ царямъ-государямъ съ просьбами и мольбами объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ со стороны Завождцевъ-нестяжателей.

По стремленія сторонниковъ нестяжательно-скитскаго монашества склонить Государей Московскихъ къ фактическому осуществленію идеи секуляризациі не имѣли въ данное время практическаго успѣха, и вотъ

¹⁾ См. Посланія старца Артемія въ Русс. Истор. Библиот., т. IV, столб. 1440—1441. Ученый святгорецъ Максимъ Грекъ, другъ и сторонникъ князя—инока Вассіана, въ своихъ „поучительныхъ главахъ начальствующимъ правотѣрно“, посланныхъ имъ Иоанну Васильевичу IV (вѣроятно, въ самомъ началѣ его самостоятельнаго правленія), горько жалуется на то, что всѣ дѣлнія стязанія, яже отъ правотѣрныхъ царей и князей возложена святымъ Божіимъ церквамъ“, архіереи обращаютъ на „свои потребности прензлпппія и житейскія устроенія“ и совершенно забываютъ о „нищихъ Христовыхъ, голодомъ и наготою и страданіемъ погибающихъ“. Максимъ напоминаетъ Государю, что на немъ лежитъ обязанность „исправлять сщепенныя священническія недостатки“ по примѣру „древнихъ православныхъ царей—Константина, Феодосія и Іустиніана великихъ“. См. сочин. преподоб. Максима Грека, изд. при Казан. Дух. Академіи, ч. II, стр. 174—175.

по какимъ причинамъ. Землевладѣльческія права церквей и монастырей опирались не только на освященныя вѣками традиціяхъ, но и на божественномъ правѣ, и неприкосновенность церковнаго достоянія съ точки зрѣнія этого права была однимъ изъ тезисовъ, получившихъ наиболѣе обстоятельную аргументацію въ древнерусской литературѣ. А порядокъ, складывавшійся и существовавшій въ теченіе вѣковъ и къ тому-же запечатлѣнный характеромъ священности, уничтожить вдругъ, однимъ ударомъ, трудно и почти невозможно даже и для самодержавной воли государя. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, государи московскіе, конечно, хорошо понимали всю трудность борьбы съ сильною и вліятельною партіею защитниковъ монастырскаго землевладѣнія, во главѣ которой послѣдовательно стояли такіе видные представители духовенства, какъ Волоколамскій игуменъ Іосифъ, митрополитъ Даниилъ, митрополитъ Макарій... Наконецъ, въ-третьихъ, у московскихъ государей были и своего рода политическія соображенія, которыя удерживали ихъ отъ рѣшительнаго шага по планамъ нестяжателей. Дѣло въ томъ, что „вопросъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ—скажемъ словами проф. Павлова—былъ вмѣстѣ вопросомъ объ отношеніи церкви къ государству, или, точнѣе, объ отношеніи духовной іерархіи къ мірекому правительству. Примѣръ Іоанна III (на московскомъ соборѣ 1503 г.) показалъ, что поднимать этотъ вопросъ значило только доставлять первой случай торжествовать надъ послѣднимъ. Между тѣмъ, вотчинный бытъ церковной іерархіи ставилъ ее въ необходимую зависимость отъ свѣтскаго правительства, которая чувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще и рѣшительнѣе повторялась, вблизи самого великокняжескаго престола, мысль о неприличіи монахамъ владѣть селами и о неправильномъ употребленіи архіереями церковныхъ доходовъ. Чтобы обезопасить свои интересы, которымъ грозила промѣна нестяжателей, духовныя власти естественно должны были съ особеннымъ усердіемъ входить

въ планы и виды правительства, помогать ему силою своего духовнаго авторитета. Напротивъ, послѣдняя цѣль нестяжателей была именно та, чтобы поставить церковную іерархію, несвязанную никакими земными интересами, на прежнюю высоту духовной независимости отъ мірскаго правительства; они хотѣли-бы видѣть въ наставникахъ церкви, по примѣру стараго времени, „печаловниковъ земли русской“, представителей нравственно-религіозной силы народа, предъ которыми склонялись-бы Московскіе государи съ своими матеріальными силами и деспотическими тенденціями“ ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія вполне понятными становятся политическія причины, въ силу которыхъ великіе князья Московскіе, какъ ни соблазнительно было для нихъ присвоеніе богатыхъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній, не рѣшались, однако, на секуляризацию этихъ имѣній, и склонны были къ реформѣ монастырей въ духѣ Іосифа Волоцкаго, а не Нила Сорскаго. Владѣніе вотчинами, которыя даны великими княземъ и которыя тѣмъ-же княземъ могли быть и отобраны, поставляло духовенство въ сильную зависимость отъ великокняжеской власти, такъ или иначе дѣлало его служебнымъ орудіемъ. „Землевладѣльческія хлопоты—замѣчаетъ проф. Ключевскій—создавали тѣсную политическую связь между иночествомъ и главою государства, заставляли первое постоянно обращаться къ послѣднему съ просьбами и за милости поддерживать его всѣмъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ“ ²⁾. Наоборотъ, реформа нестяжателей, поставляя духовную іерархію въ независимое отъ великаго князя положеніе въ матеріальномъ отношеніи, вела къ независимости ея и въ другихъ отношеніяхъ, что вовсе не соответствовало расчетамъ Государей Московскихъ, которые теряли-бы въ этомъ случаѣ въ лицѣ большей части духовенства одну изъ сильныхъ поддержекъ для своихъ политическихъ стремленій.

¹⁾ „Историч. очеркъ секуляриза. пер. земель въ Россіи“, стр. 84.

²⁾ „Боярская Дума древн. Руси“, М. 1882 г., стр. 297.

II справедливость требуетъ сказать, что политическіе разсчеты великихъ князей Московскихъ на этотъ разъ были, какъ нельзя болѣе, вѣрны. Ревностное служеніе новымъ политическимъ идеямъ Москвы, преданность безусловному принципу Московскаго самодержавія, готовность поддержать самовластные стремленія Московскаго Государя—вотъ черты, которыми отличались политическія отношенія вліятельныхъ представителей духовенства, стоявшихъ во главѣ сторонниковъ вотчинныхъ правъ церкви. Идеаль царя—избранника Божія, земного бога, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ абсолютную полноту власти,—этотъ величественный идеаль, очерченный въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей, являлся, конечно, вполне соответствующимъ личнымъ желаніямъ Государей Московскихъ, хотѣвшихъ быть именно такими, безусловно неограниченными самодержавцами, судъ которыхъ уже нигдѣ и нѣкъ не можетъ быть „посужаемъ“. Литературная проповѣдь подобныхъ политическихъ воззрѣній, въ связи съ неоднократными практическаго характера политическими услугами, какія оказывали тѣ-же представители духовенства великокняжеской Московской власти,—безъ сомнѣнія, стояли того, чтобы не трогать старинныхъ вотчинныхъ правъ церковной іерархіи. Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, проповѣдь, да иногда и самое дѣло, выходившія изъ среды сторонниковъ нестяжательности, не всегда отзывались согласіемъ съ личными стремленіями Государей Московскихъ, всецѣло направленными на одинъ предметъ — достиженіе полного, нѣкъ и ничѣмъ нестѣняемаго, самодержавія, грозная сила котораго чувствовалась бы во всѣхъ сферахъ жизни русскаго государства.

Въ первой половинѣ XVI в. рьянымъ противникомъ „Іосифлянъ“ выступилъ ученикъ Нила Сорскаго, князь—инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, сторону котораго держалъ также и хорошо извѣстный въ исторіи русской церкви

ученый святогорецъ Максимъ Грекъ. Этотъ-то князь—инокъ, челоуѣкъ, безъ сомнѣнія, сильный духомъ и словомъ, и рѣшился взять на себя литературную пропаганду взглядовъ Заволжскихъ пустынножителей на современные, пользовавшіе тогда русскіе умы, вопросы церковно-государственной жизни (объ отношеніи къ еретикамъ, о монастырскихъ вотчинахъ). Но въ отношеніи къ личности Вассіана Патрикѣева для нашей цѣли важно въ данномъ случаѣ отмѣтить собственно то, что на почвѣ своей литературной борьбы съ „Іосифлянами“ названный князь—инокъ заявилъ себя не только горячимъ послѣдователемъ религіозно-церковныхъ идей своего учителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонникомъ княжеско-боярскихъ политическихъ тенденцій,—заявилъ себя не только инокомъ—представителемъ партіи нестяжателей, но и княземъ—бояриномъ, который не сумѣлъ скрыть подъ иноческой одеждой своихъ политическихъ симпатій. Съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ Вассіанъ Патрикѣевъ можетъ быть названъ литературнымъ проводникомъ и сторонникомъ тѣхъ государственно-политическихъ идей, которыя нашли для себя болѣе сильное и рельефное выраженіе не такъ много времени спустя въ сочиненіяхъ другого князя и боярина—знаменитаго Андрея Курбскаго. Въ виду этого, раскрывая государственно-политическія воззрѣнія князя—инока Патрикѣева, мы сопоставимъ ихъ въ подлежащихъ пунктахъ съ воззрѣніями князя Курбскаго, а вмѣстѣ съ этимъ отмѣтимъ и ихъ отличіе отъ воззрѣній Іосифлянскаго доктрина.

Прежде всего, во взглядѣ на характеръ отношеній церкви и государства проходитъ замѣтная черта различія между воззрѣніями князя—инока Вассіана и его сторонниковъ и воззрѣніями Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей. По взглядамъ „Іосифлянъ“, государство ставится въ служебное отношеніе къ церкви, а церковь—въ служебное отношеніе къ государству, при чемъ верховная государственная власть является блюстителемъ всѣхъ церковныхъ интересовъ, за каковую услугу цер-

ковъ съ своей стороны платитъ услугами государственной власти, поддерживая ее въ ея начинаніяхъ и дѣятельности. Тѣсный союзъ церкви съ государствомъ—вотъ основная мысль, которая красною нитью проходитъ черезъ воззрѣнія Іосифа и его послѣдователей; содѣйствіе торжеству Московскихъ государственныхъ порядковъ—вотъ, сообразно съ политическими условіями времени, ближайшее слѣдствіе Іосифлянской доктрины. Между тѣмъ, въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ князи—инока Вассіана ясно просвѣчиваетъ общія у сторонниковъ монастырской нестяжательности цѣль—поставить церковную іерархію на ту высоту духовной независимости отъ свѣтскаго правительства, на какой она стояла во времена прежнихъ государственно-политическихъ порядковъ, когда власть церковная представляла изъ себя силу, предъ которой съ полною покорностію склонялись носители власти свѣтской. „Не убо занустьтися Божіимъ церквамъ хощемъ,—выражаетъ Вассіанъ въ одномъ мѣстѣ своихъ полемическихъ сочиненій желанія свои и своихъ сторонниковъ,—но исправитися правильнѣ и на первую духовную красоту и удобрѣніе възратитися желаемъ“¹⁾. „Полна изначала Спасова церкви—завлѣкаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—глаголавшихъ о злобѣ и добродѣтели и за истину възненавидѣвшихъ бывшихъ, не только архіереевъ и священниковъ и прочаго чина церковнаго, но и иноковъ и простцовъ, ревность Божію показавшихъ, еще же ниже на ны въ силу съ высоты облыкъшеся, о истинѣ мужественѣ подвѣгошася“²⁾. Въ этихъ словахъ, безъ сомнѣнія, заключается явный намекъ на ту перемѣну въ духѣ церковной іерархіи, какая замѣчалась съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ въ полной своей силѣ грозный принципъ Московскаго самодержавія, предъ которымъ должна была склониться

¹⁾ Полемич. сочин. Вассіана. Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. III, стр. 197.

²⁾ Ibid., стр. 183.

и церковная ієрархія со всѣми своими старшинными правами (въ томъ числѣ и правомъ печалованія),—принципъ, который часто и представителей церкви обращалъ въ послушное орудіе для достиженія цѣлей Московскаго правительства. Недовольство настунившимъ порядкомъ дѣлъ, проглядывающее въ приведенныхъ словахъ князя—пшюка¹⁾, вмѣстѣ съ скрывающимися за этимъ недовольствомъ желаніями и цѣлями церковно-государственнаго характера, выразилъ потомъ—только съ гораздо большей силой и рельефностью—другой бояринъ—писатель, князь Андрей Курбскій. Вотъ что писалъ, между про-

¹⁾ Сторонникъ и другъ Вассіана, Максимъ Грекъ, имѣя, очевидно, въ виду современныя проявленія отношеній церковной власти къ власти государственной, въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій жалуется, что среди русскихъ пастырей его времени нѣтъ „Самуила великаго, іерея Вышняго, противоположившагося, со дерзновеніемъ, Саулу преступнику“; нѣтъ „подобныхъ Иліи и Елисею ревнителей, не стыдившихся беззаконнѣйшаго насильника царя самарійскаго“; нѣтъ „Амвросіа чуднаго, архіерея Божія, неубоившагося высоты царства Феодосія великаго“; нѣтъ „Василія Великаго, премудрѣйшими ученіи ужасившаго гонителя (церкви) Уалента“ (Валента); нѣтъ „Іоанна великаго и златаго языкомъ, сребролюбиву и лихонимцу царю Евдокію изобличившаго“. (См. Сочин. преп. Максима Грека, изд. Каа. Дух. Акад. ч. II, стр. 336—337). Смотри, согласно византійскимъ государственнымъ теоріямъ, на „священство и царство“, какъ на „два величайшихъ блага, дарованныхъ отъ вышняго божественнаго благости чело-вѣкомъ“, какъ на двѣ силы, отъ взаимно-согласнаго дѣйствія которыхъ происходитъ великая польза для чело-вѣчества, Максимъ Грекъ къ числу обязанностей, лежащихъ на представителяхъ церкви, относитъ и то, чтобы они „совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніи... исправляли всегда царскія скипетры на лучшее“ (Ibid., стр. 162—163), чтобы такимъ образомъ они, чуждые униженію и рабству предъ вѣщною силою мірской власти, когда нужно, оказывали на эту послѣднюю умѣренное, сдерживающее вліяніе. Замѣтимъ также, что въ сочиненіяхъ Максима Грека встрѣчается и мысль о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою, священства надъ царствомъ (см. сочин. Максима, ч. III, стр. 155),—та самая мысль, которая съ особенною яркостью и вышуклостью проведена въ извѣстной въ исторіи католицизма царственной грамотѣ, данной будто бы царемъ Константиномъ ванѣ Сильвестру на владѣніе всей Италіею. Эта грамота тенденціознымъ образомъ помѣщена была патриархомъ Никономъ въ рядъ дополнительныхъ статей къ печатной славянской Кормчей, и помѣщена при томъ въ самой обширной редакціи, сравнительно съ редакціями византійскихъ канонистовъ и сравнительно съ предшествовавшими русскими редакціями.

чимъ, въ одномъ изъ своихъ посланій этотъ представитель оппозиціоннаго боярства времени царя Грознаго: „посмотримъ на священническій чинъ, въ какихъ обрѣтается,... не токмо душа своя за паству Христову полагають, но и расхищаютъ, вѣмъ, яко бѣдно ми глаголати: не токмо расхищаютъ, но и учителя расхитителемъ бывають, начало и образъ всякому законопреступленію собою полагають; не глаголютъ предъ цари, не стыдяся о свидѣніи Господни, но наче пошаконики бывають;... богатствы многими кинять, и корыстѣми, яко благочестіемъ, украшаются. Гдѣ убо хто возирѣти царю или властелемъ о законопреступленныхъ и заирѣти благо- временно и безвременно? Гдѣ Ілія, о Наофенѣ крови возревновавый и метя царю въ лице обличеніемъ? Гдѣ Елисей, посрамивый царя Израилева, сына Ахавова? Гдѣ лжи пророкъ, обличающіи неправедныхъ царей? Гдѣ Амбросій Медиоланскій, смиривый великаго царя Осодосія? Гдѣ златословесный Іванъ, со зѣлымъ прещеніемъ обличивый царицу златолюбивую? Гдѣ патріарховъ лжи и боговидныхъ святителей и множества преподобныхъ, ревнующе по Бозѣ и нестыдно обличающихъ неправедныхъ царей и властелей въ различныхъ законопреступныхъ дѣлѣхъ?... Кто нынѣ нестыдися словеса евангельская глаголетъ?—азъ не вѣмъ хто!... Ни заступающаго, ни помогающаго пѣть, развѣ Господа“¹⁾. Такимъ образомъ и Курбскій, подобно Вассіану, желалъ-бы видѣть въ представителяхъ церкви лицъ, которыя, не будучи связаны какою либо зависимостію отъ мірскаго правительства, спокойно возвышали-бы свой голосъ противъ государственныхъ властителей.

Пропагандируя необходимость отнять у церквей и монастырей земли и вотчины, инокъ—князь Вассіанъ Патрикѣевъ и его сторонники стремились главнымъ

¹⁾ См. Правосл. Соборн. за 1863 г., ч. II: „Три, доселѣ незаданные, посланія князя Андрея Курбскаго“, стр. 564—565; см. Сказанія Курбскаго, изд. Устряловымъ, стр. 291—292.

образомъ именно къ тому, чтобы чрезъ подобную реформу порвать ту тѣсную политическую связь духовенства и инокества съ главою государства и ту зависимость первыхъ отъ послѣдняго, которая создавалась, благодаря земельно-вотчиннымъ правамъ церквей и монастырей, пользовавшихся этими правами въ самой широкой степени. Въ виду такого рода цѣлей, Вассіанъ хотѣлъ-бы совершенно раздѣлить сферы церковную и государственную, хотѣлъ-бы отнять у духовенства всякое право вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. По его словамъ, царю нечего совѣтоваться съ иноками—этими „жертвенцами“, умершими для міра: „не съ иноки Господь повелѣлъ царемъ царство и грады съ волостями держати“ и „инокъ отъ всего мірскаго достоинъ отставить“¹⁾; „всѣмъ владѣти уставлено и повелѣно зановѣдати о всемъ царемъ и имъ въ мирѣ и вездѣ властемъ мірскимъ владѣти, а не свитительскому, ниже священническому чину, окромѣ ихъ свитительскихъ властей въ правду о законѣ, и о благовѣрїи, и о спасенїи мира сего Царьской небесной грозѣ“²⁾. Такимъ образомъ, не въ области дѣятельности государственной, а въ области дѣятельности чисто религіозно-правственной—вотъ гдѣ,

¹⁾ Представители инокества—писалъ въ одномъ изъ своихъ посланій упомянутый уже нами Іаковлѣскій пустынникъ, старецъ Артемій—не должны „съ мірскими связатися“, „человѣчскія дружбы“ должны быть „чюжи“ монашескаго „общанія и только отстояти отъ нихъ (инокъ), еликоже виднѣть мертвыя отъ живыхъ стоица“. Русск. Истор. Библ., т. IV, столб. 1261—1262.

²⁾ См. „Разсужденіе инока—князя Вассіана о несприличїи монастыремъ владѣть отчинами“, изд. проф. Бодякинъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1859 г., кн. 3. Принадлежность „разсужденія“ названному князю—иноку, кромѣ проф. Бодянскаго, признаютъ: проф. Устряловъ (См. паданіи. имъ „Сказанія кн. Курбскаго“, Спб. 1842 г., стр. 307—308, прим. 5), Невоструевъ (См. его „Разсмотрѣніе книги Хрущова: изслѣдов. о сочин. Іосифа Волоцкаго“, стр. 64—65); Преосвящ. Макарій склоняется въ пользу принадлежности „разсужденія“ перу Вассіана (Ист. русск. церкви, т. VII, стр. 259). Проф. Павловъ отрицаетъ происхожденіе названнаго сочиненія отъ князя—инока („Истор. очеркъ секуляриз. церк. земель въ Россіи“, стр. 136, прим. 2; Правосл. Соборѣдн. 1863 г., ч. III, стр. 95—96), а проф. Ключевскій считаетъ данное „разсужденіе“ пронаве-

на воззрѣнію Вассіана, исключительно могутъ и должны проявлять свою компетенцію представители церкви.

Если обратимся теперь къ тѣмъ воззрѣніямъ князя—инока, которые касаются собственно личности носителей верховной государственной власти, то и въ этомъ пунктѣ найдемъ нѣкоторые черты отличія взглядовъ Вассіана отъ воззрѣній Іосифлинекой доктрины.

Правда, принципъ царской власти у Вассіана тотъ же, что и у Іосифа Волоцкаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на основаніе необходимости „покориться благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ,... во всемъ имъ примити и Бога молити за нихъ,... добра имъ во всемъ хотѣти, и за ихъ животомъ своимъ помирати и главы подкладати“, князь—инокъ указываетъ на то, что цари суть „помазанники Божіи, Богомъ избранные“, которымъ „свыше дана есть Богомъ власть надъ всѣми“ и которые „должны нециса за весь миръ,... да за всѣхъ стануть ко отвѣту предъ Вышнимъ Царемъ“¹⁾. Но констатируя такіе положенія относительно царской власти, Вассіанъ, тѣмъ не менѣе, далеко не склоненъ слишкомъ возвеличивать личность царя, какъ это, наоборотъ, замѣчается у Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей. Онъ не окружаетъ, подобно Іосифу, личность царя—государя ореоломъ божественности, не сравниваетъ его съ Богомъ, не уподобляетъ его „Царю Вышнему“. Не на божественныхъ, такъ сказать, прерогативахъ царской власти останавливается главное вниманіе князя—инока, а на различныхъ недостаткахъ, какіе присущи носителямъ царской власти и которые бываютъ причиною великихъ несчастій, постигающихъ ввѣренныхъ ихъ поше-

деніемъ неизвестнаго автора боярскаго происхожденія („Боярская Дума древн. Руси“, стр. 304—305 и прим. 1-е). Но въ содержаніи „разсужденія“ нѣтъ ничего такого, почему бы его нельзя было признать за произведеніе Вассіана.

¹⁾ См. указанн. „Разсужденіе инока—князя Вассіана о неприличіи монастыремъ владѣть отчинами“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1859 г., кн. 3.

ченію государства. Такъ, онъ горячо осуждаетъ русскихъ царей—государей за то, что они неправильно распоряжаются своими владѣніями и предоставляютъ церквамъ и монастырямъ то, чего они не должны имѣть. По его словамъ, цари, дарующіе инокамъ „волости со христіянъ“, обнаруживаютъ черезъ это лишь свою „царскую простоту“, царское „пребреженіе, неразсужденіе и святыхъ Божіихъ книгъ невниманіе“; такихъ царей онъ называетъ „царями малосмысленными, Христу противниками“¹⁾. Но что особенно представляется характернымъ въ политическихъ воззрѣніяхъ инокъ—князя Вассіана, представители боярскаго сословія, и въ иночествѣ, очевидно, не оставившаго излюбленныхъ боярскихъ традицій,—это нескрываемое желаніе, чтобы цари—государь „всякія дѣла милосердно дѣлали со своими пріятелями, князи и бояры, и съ прочими великородными и праведными людьми мірескими“. Вотъ такимъ образомъ идеаль государственнаго правленія, какой предносился сознанию автора „разсужденія о неприличіи монастыремъ владѣть отчинами“. Во главѣ этого правленія долженъ стоять царь съ своимъ совѣтомъ: „царю достойтъ не просто вати, со совѣтники совѣтъ совѣщавати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-на-крѣпко думать“²⁾. Одинъ только авторитетъ выше думы госуда-

¹⁾ Ibid... Максимъ Грекъ также смѣло поставилъ на видъ различные недостатки, замѣчавшіеся въ „богомудренныхъ и благопріятѣльныхъ царяхъ—самодержцахъ“, смѣло возвышалъ свой голосъ противъ тѣхъ, „иже благочестный санъ царскій растѣвають вселескими своими неправдowanіи и лихоуманіи и богомерскими блужденіи (разводъ вел. князя Вассіа III), ихъ же ноги скорѣнши въ еже изливати крови, по неправедному гнѣву своему, и ярости звѣрской“ (Сочин. Максима, т. II, стр. 327 и слѣд.; см. также стр. 157—184, 185—212).

²⁾ Посвященный, несомнѣнно, своимъ другомъ (Вассіаномъ) въ уряды современной политической жизни Руси, которая естественнѣе всего могла быть связываемы съ только что установившимся самодержавнымъ строемъ государственнаго правленія, Максимъ Грекъ также весьма несочувственно относился къ тому абсолютизму власти въ лицѣ Государей Московскихъ, къ какому стремились эти послѣдніе и который, дѣйствительно, не чуждъ былъ въ тѣ времена нѣкоторыхъ аномальностей въ своихъ проявленіяхъ. Какъ бы въ противовѣсъ политическимъ желаніямъ

ревыхъ совѣтниковъ—слово Божіе: „а святымъ божественнымъ книгамъ достоинъ царю всѣхъ слыше совѣтовъ внимати и почаству ихъ прочитати“.

Итакъ, раздѣленіе верховной государственной власти между личностію царя и царскими совѣтниками, или, говори иначе, отрицаніе самодержавно-неограниченныхъ правъ государя—вотъ наиболѣе характерная черта политическихъ воззрѣній Вассіана. Онъ не можетъ представить царя безъ полноправныхъ совѣтниковъ; въ его словахъ такъ и слышится снисхожденіе къ отжившей старинѣ съ ея удѣльно-дружинымъ или книжеско-боярскимъ строемъ политической жизни. Обличая перазумную „простоту“ русскихъ царей, раздающихъ землю монастырямъ и не раздѣляющихъ своей власти съ князьями и боярами, авторъ „разсужденія“ довольно, однако, искусно пріурочиваетъ свои основныя мысли къ возвышеннымъ понятіямъ самихъ Московскихъ властителей о политическомъ значеніи самодержавія: „непохвально есть—нищеть онъ—царемъ таковое дѣло (т. е. раздача инокамъ волостей)... цари въ титулахъ нищутся самодержцы; таковымъ царемъ (раздающимъ инокамъ волости) не достоинъ писатца самодержцемъ ни въ чемъ же, пошеже пособники Богоданное царство и міръ, а не собою, ниже съ своими съ пріятели, съ князи и съ бояры, но не съ потребенными владѣть, мертвецы бесѣдуютъ“. По его словамъ, „таковой царь лучше сдѣлаетъ, иже хто царьскіи вѣнецъ съ собою отдастъ и не имѣетъ царьскаго имени на собѣ, и престола царства своего подъ собою“.

век. кн. Василя Івановича, который терпѣть не могъ разнаго рода совѣтниковъ, осмѣливавшихся говорить „на встрѣчу державному“ (См. Ак. Арх. Эксп., т. I, № 172), Максима однимъ изъ первыхъ достоинствъ царя или князя выставялъ имѣніе при себѣ „давня совѣтника и доброхотна царствію“ (Сочин. Максима, ч. II, стр. 162).—По словамъ старца Артемія, цари, хотя и облечены „дарованнымъ отъ Господа величествомъ“, должны, однако, „съ всецѣмъ тѣченіемъ вопрошати людей вѣдущихъ“ (См. Русск. Истор. Библ., т. IV, столб. 1386, 1388).

Солідарность сѣйчасъ изложенныхъ нами политическихъ воззрѣній инокъ—князя Вассіана съ политическими воззрѣніями князя Курбскаго вѣдѣ всякаго сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если названный князь—пнокъ, какъ мы видѣли, выставляя принципъ богоустановленности царской власти, далеко, однако, не склоненъ превозносить личность царя—государя, далеко не склоненъ окружать эту личность Іосифлинскимъ ореоломъ божественнаго величія, то въ свою очередь и князь Курбскій далекъ въ данномъ отношеніи отъ Іосифлинскаго образа. Подобно Вассіану, и Курбскій не идетъ далѣе констатированія такихъ положеній, какъ: „царь есть помазанникъ Божій“, котораго главная обязанность—„прямѣ судити и царство, врученное ему отъ Бога, обрѣсти отъ нахожденія варваровъ“¹⁾, или: „Державные призваніи есть и на власть отъ Бога поставленны, да судомъ праведнымъ подовластныхъ разсудитъ, и въ кротости и въ милости державу управитъ“²⁾. Но за то какъ щедръ онъ на самыя рѣзкія обличенія по адресу носителей самодержавной царской власти, и особенно по адресу того изъ этихъ царей—самодержцевъ, который въ перепискѣ съ Курбскимъ съ особенною настойчивостію поставилъ этому ональному боярину на видъ свои самодержавныя права, смыслъ ихъ выразивъ словами: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольныжъ есмя“. Если, далѣе, въ разсужденіяхъ князя—инока Вассіана ясно выражается мысль о необходимости для царя „съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-на-крѣпко думати“, то и въ разсужденіяхъ Курбскаго эта же мысль является основною. Основное положеніе Курбскаго, боярина и потомка лишенныхъ владѣнія князей, состоитъ именно въ томъ, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что при Іоаннѣ (Грозномъ) и

¹⁾ См. „Сказанія кн. Курбскаго“ въ издан. Устрялова,—„Исторія Іоанна“, стр. 63.

²⁾ См. Правосл. Собесѣдн. 1863 г., ч. II: „Три, доселѣ неизданныя, посланія князя Андрея Курбскаго“, стр. 564.

прежде того тогда только было все хорошо, когда Московскіе государи слушались этихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда они стали управлять сами, удаливъ совѣтниковъ. Эту свою основную точку зрѣнія онъ самъ такъ формулируетъ въ одномъ мѣстѣ своей „Исторіи Іоанна“: „царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ некакъ добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству вѣнчанному и по силѣ царства, но по правости душевной“¹⁾.

Раскрывая государственно-политическія воззрѣнія князи—инока Вассіана, какъ представителя известной (противо-Іосифлинеской) партіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ указывали попутно и черты различія ихъ отъ того же характера воззрѣній Іосифлинеской доктрины. Эти черты различія могутъ быть сведены къ слѣдующему. На одной сторонѣ (въ воззрѣніяхъ „несостоятелей“) замѣчаемъ ясно проглядывающія желаніе и цѣль провести раздѣленіе между „священствомъ и царствомъ“, между духовною и свѣтскою властями, чтобы поставить первую въ полную независимость отъ послѣдней, возвратитъ ее на прежнюю „духовную красоту“, предъ которой преклонялись бы мірскіе властители съ ихъ деспотическими тенденціями. Напротивъ, на другой сторонѣ (въ воззрѣніяхъ „Іосифлинь“) все такъ или иначе направляется къ провозглашенію тѣснаго союза между церковію и государствомъ, при чемъ глава государства поставляется въ положеніе верховнаго охранителя чистоты вѣры и благочестія, верховнаго блюстителя всѣхъ церковныхъ интересовъ, всего „церковнаго и монастырскаго“.—Далѣе, у представителей первой стороны не только замѣчается отсутствіе особенныхъ возвышенныхъ чертъ въ общемъ теоретическомъ представленіи образа носителя

¹⁾ „Сказанія Курбскаго“, издан. Устрялова, — „Исторія Іоанна“, стр. 45.

царской власти (одно простое констатированіе факта бо-гоустановленности этой власти), но и, кромѣ того, въ это представленіе вносится такая черта, которая никакъ уже не могла подходить подѣ желанія и вкусы современнѣхъ имѣ Московскѣхъ государей, стремившихся, такъ сказать, съ безусловною полнотою воплотить въ своемъ лицѣ самодержавный строй государственнаго правленія. Эта черта—раздѣленіе царской власти между самимъ государемъ и его совѣтниками. Между тѣмъ, если мы соберемъ во едино черты, какими надѣляется личность государя въ воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго и его ближайшихъ послѣдователей, то предъ нами предстанетъ образъ царя съ абсолютною полнотою власти, простирающейся на все области жизни вѣтреннаго ему государства. Съ подобными взглядами Московскіе цари—государя могли быть и дѣйствительно были исполнѣ солидарны, ибо въ литературной пропагандѣ такого рода взглядовъ они находили вѣрную и твердую поддержку для своихъ политическихъ стремленій. Вспомнимъ, наконецъ, и то, что защитники „нестыжательности“, помимо своихъ литературно - публицистическихъ воззрѣній, и самымъ дѣломъ неоднократно заявляли себя не такъ, какъ хотѣлось бы Московскимъ „самодержцамъ“. Они осмѣливались иногда говорить „на встрѣчу Державному“, или же вставать на защиту всегда бывшихъ въ сильномъ подозрѣніи у Московскаго правительства удѣльныхъ князей. Извѣстно, какъ смѣло и рѣшительно инокъ—князь Вассіанъ возвысилъ свой голосъ противъ второго брака Василія Іоанновича III, на который этотъ вел. князь рѣшился въ цѣляхъ чисто политическихъ, и на который онъ такъ легко и скоро получилъ согласіе и разрѣшеніе со стороны одного изъ „Іосифлянъ“—митрополита Данила, сумѣвшаго въ этомъ случаѣ войти въ политическіе планы своего царя—государя¹⁾. Другой

¹⁾ См. „Выпись изъ государственной грамоты о сочетаніи второго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради. Твореніе Пансіино, старца

последователь взглядовъ „пестяжателей“, Троицкій игуменъ Порфирій, въ извѣстномъ уже намъ случаѣ съ удѣльнымъ княземъ Василиемъ Шемячичемъ (при Василии III), также осмѣлился говорить „на встрѣчу Державному“, выступивъ въ роли защитника этого удѣльнаго князя¹⁾. Государи Московскіе не любили подобныхъ „встрѣчъ“, и къ людямъ, позволявшимъ себѣ такія „встрѣчи“, конечно, не могли питать своего расположенія.

Ферапонтова Монастыря“. Чтен. Общ. Ист. и древн. Россійск. за 1847 г., № 3, Спб.

¹⁾ „Сказанія Курбскаго“, изд. Устрялова, стр. 127—128.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Политическіе взгляды Московскихъ Государей, выразившіеся преимущественно въ литературно-публицистическихъ произведеніяхъ царя Грознаго. Соответствіе этихъ взглядовъ идеалу царской власти, описанному въ литературно-публицистическихъ воззрѣніяхъ представителей русскаго духовенства и монашества.

Одновременно съ раскрытіемъ понятій о государственной власти, верховнымъ носителемъ которой являлся государь—великій князь Московскій, ея атрибуты принимаютъ все болѣе и болѣе опредѣленные формы, соответствующія этимъ понятіямъ. Іоаннъ Васильевичъ III, покоритель Новгорода и освободитель Руси отъ иноплеменнаго ига, требуетъ (отъ Новгородцевъ) признать его неограниченнымъ государемъ¹⁾, и въ дипломатическихъ сношеніяхъ не разъ титулуется себя: „Божією милостію царь всеа Руси“²⁾, „Божією милостію единый правый

¹⁾ „Язъ князь великій,—категорично заявлялъ Іоаннъ III Новгородцамъ.—то вамъ сказать, что хотимъ государства на своей отчинѣ. Новгородъ таковъ, какъ наше государство въ Низонской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государству быти, или то которое мое государство“? А государство это, которое „Государи держатъ въ Низонской землѣ“, по словамъ Іоанна Васильевича, вотъ какое: „вѣщо и колоколу не быти, посадику не быти... государство все намъ держати“. Государь самъ держитъ все государство, держитъ безъ всякаго „урока“, т. е. безъ всякаго ограниченія его власти. См. Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 213 и слѣд.; Никон. Лѣтоп., ч. VI, стр. 99 и слѣд.; Степени. кн., ч. II, стр. 126.

²⁾ См. Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ. т. XXXV, № 21, стр. 97—99 (сношенія съ магистрами Ливонскимъ и Прусскимъ).

Осподарь всей Руси“¹⁾, „Божією милостію государь всеа Русіи“²⁾. Формулой „Божією милостію“..., при означеніи великокняжескаго титула, съ ясностію указывалось, что источникъ власти, сосредоточивающейся въ рукахъ великаго князя, заключается не въ комъ другомъ, а только въ Богѣ, что эта власть по своему происхожденію есть власть божественная. Іоаннъ III первый изъ Московскихъ князей принялъ и званіе „самодержца“. „Этимъ терминомъ въ титулѣ Московскаго Государя—по замѣчанію проф. Ключевскаго—чаще и яснѣе всего подсказывалась мысль о неосуществимости боярскихъ политическихъ притязаній. Именно съ Іоанна Васильевича III это слово было официально введено въ постоянный титулъ Московскаго государя и освящено церковнымъ обрядомъ, благословеніемъ духовной власти“³⁾.

¹⁾ Ibid., т. XII, № 36, стр. 161 (грамота къ Менгли-Гирею, царю Крымскому), стр. 162 (грамота къ Турецкому „Салтану“), № 41, стр. 184 (грамота къ Менгли-Гирею).

²⁾ Ibid., т. XXXV, № 21, стр. 95, 96; № 46, стр. 234; № 60, стр. 278; № 80, стр. 469; № 82, стр. 475 (сношенія съ Литвою).

³⁾ Боярск. дума древн. Русіи, М. 1882 г., стр. 270. Въ чинѣ вънчанія, совершенномъ въ 1493 г. надъ внукомъ Іоанна III, Дмитріемъ, митрополитъ титуловалъ Іоанна Васильевича: „благоуверенъ и Богомъ избраннъ царемъ—самодержцемъ“. См. этотъ чинъ въ Чтен. Общ. Ист. и древн. Россійск. за 1883 г., кн. I, стр. 33—38. У писателей изъ среды духовенства къ личности Іоанна III почти постоянно прилагается титулъ „царя и самодержца“. См. послан. Архіеписк. Ростов. Вассіана Рызо на Угру въ Польшу. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 225 и слѣд.; см. также поученіе митр. Іосифа по случаю соборнаго осужденія еретиковъ Жидовстнущихъ—Русск. Истор. Библіот., т. VI, столб. 786; см. еще отвѣтную рѣчь митр. Симона Государю, сказанную имъ при поставленіи на митр. кафедру—Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 39—40. Идею о высотѣ верховной государственной власти, получающей въ свои полномочія только отъ „вышней Божіи десницы“ и потому въ полномъ смыслѣ самодержавной,—эту идею которая такъ тщательно разрабатывалась публицистическою литературой. Іоаннъ III со всею ясностію выразилъ, въ примѣненіи къ себѣ, въ своемъ отвѣтѣ цезарскому послану на предложеніе выхлопотать у цезаря королевскій титулъ: „Мы Божією милостію—говорилъ Іоаннъ—государи на своей землѣ назначаемъ... и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, и просимъ Бога, чтобы и впередъ далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи на своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ“. См. „Ист. Росс. съ древнѣйш. врем.“ Соловьева, т. V, стр. 1490.

О сынѣ Іоанна, Василии III, вотъ что, между прочимъ, сказано въ одномъ изъ хронографовъ русской редакціи: „бѣ мужественъ Государь царь и великій князь Василей Ивановичъ всея Русіи и на супротивныя враги велие храбрѣство показа, яко и цари окрестныя мнози съ державами своими приходяще къ нему и покоряющесе служити ему, сего ради и титулу великия державы себѣ состави и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ дѣтописныхъ исторіяхъ писати себѣ повелѣ, имъ же званьемъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не писашесе и не нарицашесе, якоже сице сей: Божією милостию царь и великій князь... и всея Русіи Государь и обладатель“¹⁾). Правда, титулъ этотъ не новый: какъ уже отмѣчено нами, имъ не разъ пользовался и Іоаннъ III; но Василии Іоанновичъ чаще, чѣмъ его отецъ, употреблялъ этотъ титулъ во внѣшнихъ сношеніяхъ; онъ иногда титуловалъ себя царемъ даже въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ²⁾). Ревностный поборникъ самодержавной власти, безраздѣльно и во всей полнотѣ сосредоточивающейсѣ въ рукахъ единого государя московскаго, Василий III не считалъ уже нужнымъ сообразовать свои дѣйствія съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ—бояръ и, по нѣсколько каррикатурному изображенію опальнаго Берсея-Беклемишева, „всякіи дѣла дѣлать занершимъ самъ—третьей у постели“³⁾). Иностранцы, посѣтившіе Россію въ это время и наблюдавшіе ея политическій бытъ, свидѣтельствуютъ о

¹⁾ См. „Наборникъ славян. и русскихъ сочинен. и статей внесенныхъ въ хронографы русск. редакціи“ А. Попова. М. 1869 г., стр. 181—182.

²⁾ См. его грамоту Псковскому Петропавловскому монастырю отъ 16-го Февраля 1510 г. у Востокова въ „описан. русск. и словенск. рукоп. Румянц. музея“, Сиб. 1842 г., стр. 87. Въ этой грамотѣ употребленъ титулъ: „Василей Божиєю милостию царь и государь всея Русіи и Великий князь Владимирский“...

³⁾ См. отрывокъ сѣдѣтъ дѣла о Иванѣ Берсѣ и Феодорѣ Жареномъ въ Акт. Археогр. Экспедиц., т. I, № 172, стр. 142.

практическомъ примѣненіи тѣхъ началъ государственной власти, теоретическую сторону которыхъ мы разсматривали выше. „Властію—говорить Герберштейнъ о великомъ князѣ Московскомъ (Василіи Ивановичѣ)—онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра... Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ... Всѣ открыто признають, что воля князя есть воля Бога, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей... Оттого самъ князь, когда его умоляютъ о какомъ нибудь заключенномъ, или въ другомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаетъ: будетъ освобожденъ, когда Богъ велитъ. Подобно тому, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ, обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій государь“¹⁾.

А Сынъ и преемникъ Василія III, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, за свою громадную начитанность, почерпнутую, вѣроятно, въ счастливую для него эпоху вліянія іерея Сильвестра и митр. Макарія, пользовавшійся у современниковъ прозваніемъ „въ словесной премудрости ритор“²⁾, идетъ далѣе своего отца и дѣда: торжественно, при священномъ коронованіи, провозгласивъ себя царемъ, какъ преемникъ и наследникъ православныхъ греческихъ царей—автократоровъ, онъ самъ потомъ, подъ вліяніемъ тогдашней книжности, формулируетъ теорію власти, сосредоточивающейся въ особѣ государя всея Руси³⁾. Теорія эта, какъ она выступаетъ предъ нами въ литературно-публицистическихъ воззрѣ-

¹⁾ См. „Записки о Москвитинѣ“ барона Герберштейна въ переводѣ Анонимова, Спб. 1866 г., стр. 26, 28.

²⁾ „Русск. Истор.“ Бестужева-Рюмина, т. II. Спб. 1885 г., стр. 214; „Ист. Россіи“ Павловскаго, М. 1890 г., т. III, стр. 175 и прим. 31.

³⁾ Теорія царской власти Грознаго являлась отиѣтомъ со стороны внука Софьи Озмидныи, считавшаго себя преемникомъ царей греческихъ, на теорію князя Курбскаго, падчменнаго родословнаго боярина, въ своихъ произведеніяхъ оч. настойчиво провозвѣщающаго задуманными думи оппозиціоннаго боярства своего времени, которое (боярство) недоумало было понять политическимъ порядкомъ.

ніяхъ Грознаго, дать намъ возможность судить, какія заимствованія могъ сдѣлать ся царственный авторъ отъ своихъ предшественниковъ — публицистовъ въ области политической мысли.

Р Идея о богоустановленности власти и тѣсно связанное съ нею ученіе о покорности властямъ, не разъ, какъ мы видѣли, затрогивавшіяся и раскрывавшіяся представителями духовно-литературной публицистики, въ лицѣ царя Іоанна Васильевича находятъ для себя горячаго поборника. Обвиняя Курбскаго, какъ измѣнника своему законному царю, Грозный, между прочимъ, пишетъ ему: „почто и апостола Павла презрѣлъ еси? Якоже рече. всяка душа владыкамъ предвладущимъ да повинуется: никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится. Смотри же сего и разумѣвай, — комментируетъ царь — авторъ приведенныхъ апостольскихъ слова, — яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сѣи отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшеніе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровью и бранью пріемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же напаче противляйся власти, Богу противится“¹⁾. Полагая, согласно съ ученіемъ апостольскимъ, назначеніе государственной власти въ томъ, чтобы служить съ одной стороны „въ мѣсть злодѣемъ“, а съ другой „въ похвалу добродѣемъ“, Грозный замѣчаетъ, что царь, не примѣняющій на дѣлѣ заповѣди апостола о карающемъ и милующемъ мечѣ, „нѣсть царь“²⁾. Есть, впрочемъ, одинъ пунктъ, въ которомъ

¹⁾ „Сказанія Курбскаго“, изд. Устрялова. СПб. 1842 г., стр. 159—161. Велѣдъ за указанными апостольскими словами о богоустановленности власти и необходимости покоряться ей. Грозный ссылается на заповѣдь апостола о томъ, что рабы должны „послушать господей своихъ, не предъ очима толю работающе, яко челоуѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ“.

²⁾ „Повсегда убо царемъ подобаетъ обозримымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же стрымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ

государь—публицистъ ограничиваетъ ученіе о безусловной покорности властямъ: „тѣмъ же и вся божественная писанія несовѣдуютъ, — заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—яко не повелѣваютъ чадомъ отцомъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры“¹⁾.

Источникъ власти, носителемъ которой является царь—государь всея Руси, заключается, по воззрѣніямъ Грознаго, исключительно въ Богѣ. Не отъ людей, а отъ Бога получаетъ государь все свои полномочія, не людьми, а Богомъ избирается и поставляется онъ на царскомъ престолѣ, и не въ самочиніи подданныхъ, а лишь въ предписаніяхъ божественныхъ законовъ встрѣчаетъ для себя ограниченіе сосредоточивающаяся въ его рукахъ царственная власть. „Всемогуція и вседержація десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже со Отцемъ и Святымъ Духомъ въ единствѣ поклоняема и славима, милостію своею благоволи намъ скинстры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ, и отъ Его вседержавныхъ десницъ христоносныя хоругви,— сице нинемъ мы, великій государь царь и великій князь“ и проч.,—такъ начинается Грозный одно изъ своихъ посланій князю Курбскому²⁾. Эту-же идею о божественномъ источникѣ царской власти выражаетъ Грозный, когда не разъ въ своихъ отвѣтахъ Курбскому поставляетъ на видъ, что онъ „воцарился“ именно „Божіимъ изволеніемъ, Божіимъ велѣніемъ“³⁾, что онъ есть именно „Богомъ данный царь“⁴⁾, „Богомъ данный владыка“⁵⁾, знамъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь“. Сказанія..., стр. 168—169.

¹⁾ Сказанія..., стр. 160. Какъ намъ извѣстно, оговорка эта встрѣчается и у Іосифа Волоцкого, и у митр. Даніила.

²⁾ Второе посланіе Курбскому. Сказанія..., стр. 222; см. начало перваго посланія—Ibid., стр. 156. („Богъ наигъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ... Нмъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду“...).

³⁾ Сказанія..., стр. 157, 225.

⁴⁾ Сказанія..., стр. 168, 171.

⁵⁾ Сказанія..., стр. 161.

„отъ Бога данный государь“ ¹⁾; власть, которою онъ владѣеть, есть „власть отъ Бога данная“ ²⁾; государство, имъ управляемое, есть „отъ Бога данная ему держава“ ³⁾; онъ строитъ свое царство „милостію Божіею“, „за помощію всемогущаго Бога“, „отъ Бога наставляемый“ и отъ „никого разума не требуетъ“ ⁴⁾, въ себѣ самомъ сосредоточивая всю абсолютную полноту власти и всю полноту государственнаго разума; въ своихъ дѣйствіяхъ онъ никому, кромѣ Бога, не даетъ отчета; кромѣ Бога, онъ не имѣетъ надъ собою иного судіи и властителя; кромѣ Бога, онъ „не судится ни передъ кѣмъ“ ⁵⁾. По отношенію къ нему всѣ остальные люди суть не болѣе, какъ его подданные, которые „самимъ Богомъ поручены ему въ работу“ ⁶⁾, суть „отъ Бога повинные ему рабы“; ихъ первая и главная обязанность—быть безусловно послушными своему, отъ Бога данному имъ, Государю и исполнять всѣ его велѣнія ⁷⁾.

Соотвѣтственно изложенному нами ученію представителей духовно-литературной публицистики о главнѣйшей обязанности государя—быть верховнымъ блюстителемъ и защитникомъ чистоты вѣры и благочестія, Грозный не разъ открыто заявлялъ, что эту именно обязанность онъ считаетъ для себя самою существенною, что ревностное исполненіе имъ этой обязанности требуется самымъ его положеніемъ, какъ „православнаго царя“, отъ Бога поставленнаго, какъ носителя „право-

¹⁾ Сказанія..., стр. 194.

²⁾ Сказанія..., стр. 162.

³⁾ Сказанія..., стр. 162.

⁴⁾ Сказанія..., стр. 185, 218. Въ знаменитомъ посланіи къ Баторію Грозный называлъ себя царемъ „по Божьему изволенію, а не по многотажному человеческому хотѣнію“. „Русск. Истор.“ Бестуж.-Рюмина, т. II. Сиб. 1895 г., стр. 296.

⁵⁾ Сказанія..., стр. 169: „Кто убо постави судію и властеля надъ нами?“..., стр. 193: „доже въ русскіе владѣтели неказаемы были ни отъ кого же... и не судилися ни передъ кѣмъ (изъ подданныхъ)“.

⁶⁾ Сказанія..., стр. 161.

⁷⁾ Сказанія..., стр. 209—210, 218, 224.

славнаго истиннаго христіанскаго самодержавства“¹⁾. Вотъ что напр. говорилъ онъ предъ постросіемъ (въ 1551 г.) городка Свіяжска для защиты „отъ безбожныхъ Казанскихъ Срацигъ“: „всемилостивый убо Боже молитвами Пречистыя своея Матери и вѣхъ свитыхъ... устрои мѧ земли сей православной и вѣмъ людемъ своимъ цари и пастыри, вожа и правители еже правити людіе Его въ православіи непоколебимомъ быти, еже пастии ми ихъ отъ вѣхъ золъ находящихъ на ны. Вопетину бо се есть пастырь добрый, иже душу свою полагаетъ за овца“²⁾. „Тѣмъ же азъ молю прендобіе ваше,— писалъ Іоаннъ Васильевичъ въ 1562 г. архимандриту и братіи Троицкаго монастыря,—да подвигнетея со тщаіемъ на молитву, да вашихъ ради свитыхъ молитвъ презрѣтъ наша великая беззаконія и подастъ намъ оставленія грѣховъ, и даруетъ намъ разумъ и разсужденіе и мудрость, якоже годѣ. Его свитой волѣ, правити и строити Богомъ преданное ми стадо Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіанства“³⁾. Эту-же мысль высказать вѣщеносный публицистъ и своему литературному противнику—князю Курбекому, когда писалъ ему: „тщужеея со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставить, да познають единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя“⁴⁾. Хорошо знакомъ былъ царь Іоаннъ Васильевичъ и съ ученіемъ о той великой отвѣтственности, которую несетъ предъ судомъ божественнымъ представитель верховной государственной власти какъ за собствєнныя согрѣшенія, такъ и за грѣхи своихъ подданныхъ. „Азъ убо вѣрую,—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ посланій бѣжавшему отъ его гнѣва боярину,—яко о вѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о сво-

¹⁾ Сказанія..., стр. 156, 157.

²⁾ Никон. Лѣтоп., ч. VII, стр. 73.

³⁾ Акт. Арх. Экспеди., т. I, № 260, стр. 286.

⁴⁾ Сказанія..., стр. 194.

ихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ“¹⁾. А предъ Казанскимъ походомъ 1552 г. тотъ же государь молился, чтобы Господь „не помянулъ юностиныхъ его согрѣшеній, и не связалъ-бы его грѣхомъ толлика множества народа“²⁾.

Какъ видимъ, взгляды Грознаго на высоту сана верховной государственной власти, на права и обязанности государя, высказанные имъ главнымъ образомъ въ его полемической корреспонденціи съ родовитымъ бояриномъ, не заключаютъ въ себѣ чего либо новаго сравнительно со взглядами, какіе высказаны по данному вопросу предшествовавшими и современными ему публицистами, такъ что его теорія власти въ основныхъ своихъ положеніяхъ слагалась, можно сказать, по готовымъ образцамъ. Существовавшимъ уже теоріямъ Грозный далъ лишь широкое практическое примѣненіе, и при этомъ вынужденъ былъ свою политическую практику защищать отъ горячихъ литературныхъ нападокъ одного изъ представителей боярской оппозиціи. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ специфическими особенностями душевнаго склада царя Грознаго, и были причиною того, что теорія самодержавнаго царства вышла у названнаго государя очень конкретной, но въ то же время и очень узкой. Среди широкихъ и часто весьма возвышенныхъ политическихъ воззрѣній у Грознаго съ діалектическимъ искусствомъ, хотя иногда и не безъ противорѣчій, развивается собственно одна идея, которую онъ непримиримо рѣзко, такъ сказать, самымъ остріемъ старается поставить противъ своихъ политическихъ противниковъ. Это—идея неограниченной царской власти, или идея самодержавія. „Россійское самодержавство“ для него неопровержимый фактъ нашей исторіи: по его словамъ, оно „Божіимъ изволеніемъ“ началось „отъ великаго князя Владимира, просвѣтившаго всю рус-

¹⁾ Сказанія..., стр. 209.

²⁾ Никон. Дѣтол., ч. VII, стр. 119.

скую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу“ ¹⁾. Но это „самодержательство“, въ силу жаркой полемики, не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства, а сводится къ простой личной власти, къ тому простому заключенію, что государь имѣетъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по усмотрѣнію: „а жаловати есмь своихъ холопей вольныя, а и казнити вольныхъ есмь“ ²⁾. Изъ этого грозившаго принципъ самодержавія Іоаннъ Васильевичъ съ ниломъ своей страстной и впечатлительной натуры стремился въ своей полнотѣ осуществить и дѣйствительно осуществить во всей политической дѣятельности. Съ этой стороны время его царствованія въ исторіи государей московскихъ выделяется слишкомъ замѣтными своеобразными чертами. Это именно время ознаменовалось тѣмъ пожаромъ лютой въ землѣ русской, тѣмъ гоненіемъ великимъ, на которые жалуется Курбскій; въ это именно время страшной развязкой разрѣшилась давнишняя борьба московскихъ государей съ ихъ притязательнымъ боярствомъ.

¹⁾ Сказанія..., стр. 156.

²⁾ Сказанія..., стр. 179.

